

№ 2

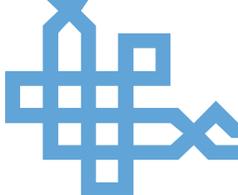
2017

ISSN 2587-6503

БЮЛЛЕТЕНЬ

Калмыцкого научного центра РАН

Калмыцкий научный центр Российской академии наук

**Бюллетень
Калмыцкого научного центра РАН**

Элиста, 2017

Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН

Издается с 2017 г.

ISSN 2587-6503

DOI 10.22162/2587-6503-2017-2-2

Выпуск 2

Главный редактор: канд. филол. наук *В. В. Куканова*

Составитель: канд. социол. наук *Л. В. Намруева*

Редколлегия:

Бадмаева Е. Н., д-р ист. наук;

Бакаева Э. П., д-р ист. наук;

Басангова Т. Г., д-р филол. наук;

Бембеев Е. В., канд. филол. наук;

Бичеев Б. А., д-р филос. наук;

Лиджиева И. В., канд. ист. наук;

Манджиева Б. Б., канд. филол. наук;

Музраева Д. Н., канд. филол. наук;

Намруева Л. В., канд. соц. наук;

Нусхаева Б. Б., канд. соц. наук;

Очиров У. Б., д-р ист. наук;

Очир-Горяева М. А., д-р ист. наук

Адрес редакции и издателя: 358000, Российская Федерация,
Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. им. И.К. Илишкина, д. 8
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
Тел. +7(84722) 3-55-06, 3-55-37. Факс: +7(84722) 3-55-06
E-mail: kigiran@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	5
Материалы региональной конференции «Социальная структура регионального сообщества: динамика, специфика», посвященной памяти канд. филос. наук К. П. Катушова (11 апреля 2017 г., г. Элиста, КалмНЦ РАН)	6
<i>Гунаев Е. А.</i> Этнотерриториальный фактор в геополитическом пространстве Юга России (на примере Республики Калмыкия)	7
<i>Лиджи-Горяева С. Э., Авджаева И. С.</i> Социальное обслуживание как фактор стабильности общества	15
<i>Намруева Л. В.</i> Село Калмыкии: сравнительный анализ опросов 1996 и 2016 гг.	23
<i>Немгирова С. Н., Деев С. Ю.</i> Состояние межэтнических отношений в Республике Калмыкия: результаты социологического мониторинга	30
<i>Нухаева Б. Б.</i> Возрастная структура сельского населения Калмыкии	34
<i>Овшинов А. Н.</i> Социальная структура российского общества	39
<i>Спиридонова Л. Ю.</i> Культурное обслуживание населения в Республике Калмыкия (по материалам исследований 2012–2015 гг.)	42
<i>Ункуров Э. Ю., Лиджи-Горяева С. Э.</i> Муниципальные услуги в сфере ЖКХ: региональный аспект	49
<i>Церенов С. В.</i> Тенденции в развитии экономики Калмыкии в 2011–2016 гг.	54
Материалы региональной конференции «Проблемы социальной и межэтнической интеграции российского общества», посвященной 70-летию д-ра социол. наук Б. М. Муляновой (25 сентября 2017 г., г. Элиста, КалмНЦ РАН)	60
<i>Бардаков А. И.</i> Российская нация в фокусе межэтнической интеграции и социальной миграции	61

<i>Батырева С. Г.</i> Этническая идентичность творческой личности: социокультурологический анализ	72
<i>Волгин В. Л.</i> Особенности этнической, гражданской и религиозной идентичности студентов в Калмыкии	76
<i>Дроздова Ю. А.</i> Региональная идентичность как ресурс адаптации и интеграции мигрантов в полиэтничном регионе	81
<i>Ким И. А.</i> Процессы самоидентификации корейского населения Юга России	89
<i>Мендяева А. Б.</i> О результатах исследования оснований этнической идентичности калмыков	95
<i>Родионова В. И., Макушенко С. А.</i> Проблемы гражданской идентичности и толерантности молодежи Ростовской области в условиях глобализации	104
<i>Бадмаева Н. В.</i> Демографический потенциал и проблемы занятости сельского населения южно-российских регионов	110
<i>Барсукова Т. И., Максимов В. Ю.</i> Социальный потенциал администрации муниципального образова- ния и пути его реализации	119
<i>Денисова Г. С.</i> Государственно-общественное партнерство в сфере регулирования мел- котоварных форм сельскохозяйственного производства — механизм снижения межэтнической напряженности в восточных районах Ростов- ской области	127
<i>Курепина Н. Л.</i> О некоторых проблемах формирования устойчивого развития регио- нальных социоэколого-экономических систем	136

Уважаемые читатели!

В 2017 г. в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Калмыцкий научный центр Российской академии наук» вышло в свет новое периодическое издание — «Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН.

Во второй выпуск, подготовленный социологами Центра, вошли неопубликованные материалы научных конференций, организованных и проведенных в 2017 г. отделом комплексного мониторинга и информационных технологий КалмНЦ РАН. Бюллетень также включает обзор различных социологических исследований, который позволяет рассмотреть состояние социально-экономической, политической и культурной сфер не только в Республике Калмыкия, но и в соседних регионах (Астраханской, Волгоградской и Ростовской областях, Ставропольском крае).

**МАТЕРИАЛЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«Социальная структура регионального сообщества:
динамика, специфика», посвященной памяти
канд. филос. наук К. П. Катушова
(11 апреля 2017 г., г. Элиста, КалмНЦ РАН)**

Е. А. Гунаев
(канд. юрид. наук,
ученый секретарь, КалмНЦ РАН)
DOI 10.22162/2587-6503-2017-2-2-7-14

Этнотерриториальный фактор в геополитическом пространстве Юга России (на примере Республики Калмыкия)*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность» (проект КалмНЦ РАН «Национально-территориальные и национально-культурные формы самоопределения народов в Российской Федерации в начале XXI века политико-правовые аспекты»).

Исследование геополитического пространства Юга России, как правило, предполагает два аспекта — внешний (анализ внешнеполитической обстановки, международных отношений, влияние внешних факторов на регион) и внутренний (внутриполитические и экономические факторы, отражающие специфику региона). Одной из важнейших особенностей геополитического пространства Юга России является этническое и религиозное многообразие, сопряженное с фактором национально-государственных образований в виде республик — субъектов Федерации. Если рассматривать внутрирегиональную специфику, Республика Калмыкия сохраняет свою геополитическую уникальность в силу, прежде всего, этнотерриториального фактора.

Среди геополитических особенностей Юга России на современном этапе указываются следующие:

- географическое расположение (территория);
- численность проживающего населения (более 18 % населения России);
- многососедство;
- транзитный потенциал геополитического положения региона;
- приграничный характер (наличие государственной границы Российской Федерации в пределах субъектов, входящих в южнороссийский регион) и др. [Сухинин 2015: 54].

Применительно к Республике Калмыкия данные особенности также ярко выражены, за исключением численности населения. Особенность республики состоит в том, что это самый малочисленный ре-

гион Юга России (278,8 тыс. чел.), но со значительной территорией — 75 тыс. км², которая превышает территорию многих соседних субъектов РФ [Регионы России... 2016: 18].

Российский идеолог и исследователь геополитики А. Г. Дугин выделяет «область русских земель от Таганрога до Астрахани, т. е. все русские земли, расположенные между Черным морем и Каспием, куда входит также клином пространство Калмыкии». Согласно А. Г. Дугину, в силу относительно близких расстояний от центрально-европейской части и за счет демографически плотной заселенности и технической развитости треугольник Ростов-на-Дону — Волгоград — Астрахань представляет собой важнейший форпост России на Юге. Для этого следует укреплять его технологически, стратегически и интеллектуально, желательно интегрировав административно и политически [Дугин 1997: 349].

При этом, отмечает он, «некоторые проблемы возникают с северными районами Калмыкии, которые, однако, довольно слабо заселены. Имеет смысл включить эти северные степные регионы в общий интеграционный пояс, геополитически «растянув» их напрямую между Ростовом-на-Дону и Астраханью, чтобы замкнуть снизу треугольник с вершиной в Волгограде. Тем самым будут воспроизведены географически и геополитически границы древней Хазарии, контролировавшей весь этот регион в начале первого тысячелетия. Можно условно назвать это геополитическое образование „хазарским треугольником“» [Дугин 1997: 350].

На наш взгляд, если отвлечься от рассуждений о «русских землях», «хазарском треугольнике» и прочем, действительно следует признать, что Калмыкия в экономическом и политическом плане на региональном уровне более ориентирована на треугольник Ростов-на-Дону — Волгоград — Астрахань. С выделением отдельного Северо-Кавказского федерального округа в 2010 г. Калмыкия вместе с Адыгеей (две национальные республики) остались в составе Южного федерального округа. В случае с Адыгеей это связано с тесной интеграцией с Краснодарским краем, а с Калмыкией, — как уже отмечалось, экономической и политической ориентированностью на регионы, которые имеют выход на центральную Россию (Ростовская и Волгоградская области) или же общую хозяйственную деятельность в низовье Волги и на побережье Каспийского моря (Астраханская область).

Говоря о Калмыкии, равно как и других субъектах Российской Федерации, территория которых обособлялась исторически с учетом интересов коренных народов, следует отметить, что на этом факте сделан акцент, в частности в региональных основных законах [Нифанов 2011: 39]. В Степном Уложении (Конституции) Республики Калмыкия данному аспекту соответствует ст. 15, согласно которой «Республика Калмыкия, являясь единственным очагом и хранителем калмыцкой национальной культуры, историко-культурного наследия, гарантирует их сохранение и развитие» [Гунаев 2012: 116, 117].

Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия воспроизводит положение ч. 1 ст. 9 Конституции РФ, согласно которой земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. В Основном законе Калмыкии данное положение зафиксировано не только в отношении земли и других природных ресурсов, но и в отношении территории республики в целом [Гунаев 2012: 117].

Особенностью российского федерализма является наличие «национальных» субъектов — республик, автономной области и автономных округов. Из них в республиках этнический фактор наиболее выражен. В этой связи К. П. Катушов отмечал, что опыт становления федерализма в России, в том числе и советский опыт, заслуживает более пристального изучения. «Некоторым кажется, что Российская Федерация унаследовала от советского прошлого искаженную, иерархичную модель, построенную на „причудливой смеси“ этнонационального и территориального. Стремление в определенной форме учесть и сохранить собственное национальное своеобразие в республиках РФ некоторые унификаторы склонны рассматривать не иначе как их „асимметричность“. Хотя, с позволения сказать, такая „асимметричность“ и „причудливость“ сформировались в государственном устройстве России еще задолго до советской власти» [Катушов 2001: 60].

Своеобразие этнического состава территории ставит вопрос об учете и этнопсихологических, этнокультурных особенностей, традиций народов на среду обитания, т. е. в территориальном аспекте, что приобретает и геополитический характер.

Так, В. Н. Бадмаев предлагает использовать в анализе этнокультурной идентичности калмыцкого этноса такие категории, как транскультурация, культурное пограничье. К примеру, кочевничество,

номадизм калмыков необходимо рассматривать не только как вид хозяйствования, но и как социокультурные детерминанты формирования идентичности этноса. «Калмыки-номады в силу своего мобильного образа жизни объективно играли важную культурно-коммуникационную роль в трансляции различных культурных моделей и идей, распространяя их как среди оседлых, так и кочевых народов. Одной из форм выполнения кочевниками этой миссии, возложенной на них исторической судьбой, было их участие в хозяйственно-культурных связях между народами региона Юга России. И хотя номадизм более не является живой традицией современных калмыков, он по-прежнему сохраняет положение фундаментального элемента национального самосознания народа» [Бадмаев 2013: 127].

Л. А. Смагина приводит факторы, которые способствовали формированию национально-психологических особенностей калмыков:

1) стойкость в достижении поставленных целей, верность данному слову, выносливость, неприхотливость, настойчивость, старательность, умение довольствоваться малым, самостоятельность, чувство единой национальной принадлежности.

2) уважительное отношение к старшим и младшим; признание достоинства других людей, стремление во всех отношениях с другими людьми соблюдать порядочность и честность.

3) самосозерцание, самоконтроль, трезвость мысли и рационализм, довольство тем, что есть в жизни в настоящее время, самоограничение себя в желаниях и мечтах, определенная настойчивость при достижении реально существующих целей, жесткость при достижении реальной перспективы, уважительное отношение ко всякому живому существу, человеку в особенности, умеренность, стремление к гармонии, уравновешенность [Смагина 2015: 132].

Этнический менталитет тесно связан и с хозяйственной деятельностью населения. Есть и соответствующий термин — этноэкономика. Один из наиболее существенных признаков этноэкономики — применение традиционных для этнически выраженных регионов методов ведения производственной деятельности, личного подсобного и домашнего хозяйства. Особенно ярко это проявляется в хозяйственных укладах казачества, горных народов Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, в Калмыкии [Овчинников, Колесников 2006: 119].

Отмечается, что «этноэкономика в период фактического «сжатия» индустриального сектора не только сохранила свои ресурсы (трудо-

вые, семейные и сырьевые, надомные формы труда), обеспечив тем самым внутренний спрос на местных рынках, но и стала фактически единственным источником развития малого бизнеса, который опирался в основном на частные, личные накопления, превратившиеся в „работающие инвестиции“. Кроме того, этноэкономика посредством деятельности экономической и политической элит полиэтнических регионов выполняет еще одну важную и малоисследованную функцию — она участвует в производстве, распределении и перераспределении природной ренты» [Овчинников, Колесников 2006: 122].

Согласно Б. В. Дорджиевой, феномен этноэкономики по многим своим сущностным признакам приближен к «архайке». «Овцеводство — это не просто одна из базовых отраслей региональной экономики. Это важнейший элемент (экономическая основа) веками складывающегося этноэкономического и этнокультурного комплекса. От поддержания интереса к пастбищному животноводству, сохранения продовольственных стереотипов и просто осознания факта владения скотом не только как экономической, но и социально-психологической ценности во многом зависит воспроизводство калмыцкого этноса» [Дорджиева 2014: 547, 549].

Фактор этничности является одним из самых важных и приоритетных в политической жизни регионального социума. По мнению ряда исследователей, особое значение в поддержании этнокультурного разнообразия как основания единства социокультурного пространства Юга России имеет этническая идеология, способная ослабить нивелирующий эффект глобализационных процессов и усилить инкорпорацию в этническое сознание принципов гражданской идентичности. На основании анализа этносоциальных процессов в контексте их культурно-исторической транзитивности выделяются три группы этносообществ. Для первой группы характерны высокая степень укорененности элементов этнического самосознания в сознании народа и приоритет этнокультурных ценностей над всеми остальными, особенно гражданскими и социально-демографическими. «Во многом сохранению этнокультурных традиций данных народов способствует преобладание сельского населения, проживающего преимущественно в моноэтнической среде и сохраняющего свой традиционный хозяйственный и культурный уклад, над городским (Чечня, Ингушетия, Дагестан)» [Шаов и др. 2016: 21].

Вторая группа этносообществ «характеризуется постепенной конвергенцией ценностей традиционного социума и элементов общества модерна, которые под действием урбанистических процессов, ослабления социоинтегративного потенциала традиционной культуры, энтропии культурного ядра и проникновения в его структуру инокультурных компонентов, постепенно выхолащивает этническое самосознание народа. Однако в декларативно-поведенческом дискурсе полной хабиитуализации инокультурных элементов не происходит: инкорпорируя элементы модерна в повседневной жизни и принимая институционализированные практики как социально-одобряемые формы бытия, они в то же время не разрывают связи с традицией, наполняя ее содержание фрагментированными смыслами (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, частично Адыгея и Северная Осетия)» [Шаов и др. 2016: 21].

Наконец, третья группа этносообществ «вследствие активной инкорпорации принципов модерна в общественное сознание и вовлечения в глобализационные процессы современности радикально разрывает единство с традиционными ценностями (Краснодарский край, Ростовская область, частично Адыгея и Северная Осетия)» [Шаов и др. 2016: 22].

При всей условности и неоднозначности данной классификации, по нашему мнению, Калмыкию можно отнести ко второй группе этносообществ.

Значительное влияние на социально-политические процессы в обществе оказывает религиозный фактор. Сочетаясь с этнической идентичностью, он становится этнорелигиозным фактором. По мнению Е. Б. Поканиновой, «в современных условиях можно говорить о появлении нового политического феномена — буддийского фактора, столь же активно влияющего на социально-политическую жизнь традиционно буддийских республик России (Калмыкии, Бурятии, Тувы), как и так называемый исламский фактор на жизнь Дагестана, Чечни и других республик Северного Кавказа» [Поканинова 2012: 80].

«Несмотря на свою аполитичность, буддизм стал уникальным политическим феноменом, оказав существенное влияние на формирование толерантной политической обстановки в буддийских республиках. Буддизм имеет серьезный миротворческий потенциал, который позволяет представителям данной религии не только развивать миролюбивые межрелигиозные отношения, но и устранять причины многих политических конфликтов» [Поканинова 2012: 82].

Как отмечает М. С. Уланов, «...само наличие буддизма как своеобразной третьей силы в транскультурном пространстве Юга России является важным фактором единства Российского государства, поскольку биполярное состояние опаснее для единства, нежели полицентричное состояние. Об этом свидетельствует общая теория конфликта, в соответствии с которой всякое приближение к биполярности чревато угрозой распада единства. В современном транскультурном пространстве Юга России буддизм обладает значительным потенциалом толерантности» [Уланов 2013: 151].

Л. В. Намруева отмечает, что «самоидентификация „мы — буддисты“ для подавляющего числа калмыков в настоящее время является не столько религиозной, сколько культурной идентичностью. Буддистом человек может считать себя не потому, что он в повседневной жизни постоянно посещает службы в храме, скрупулезно выполняет религиозные предписания, а потому, что он живет в семье, республике с буддийскими традициями и испытывает огромную потребность в историко-культурной идентификации с народом, который на протяжении четырех столетий исповедует буддийское учение» [Намруева 2016: 123].

Однако, как показал инцидент, связанный с осквернением статуи Будды в г. Элисте в начале апреля 2016 г., религия или этнорелигиозная идентичность может выступать консолидирующей силой, включая массовый протест.

В заключение отмечаем, что категории «этничность» и «территория» в социально-политическом пространстве регионов Юга России по-прежнему глубоко взаимосвязаны. Территория как среда обитания образует хозяйственный уклад, обусловленный в том числе этнокультурными и этносоциальными особенностями народов (этнических общностей), проживающих на ней.

Литература

Бадмаев В. Н. Калмыцкий этнос в транскультурном пространстве Юга России // Гуманитарий Юга России. 2013. С. 120–129.

Гунаев Е. А. Территория Республики Калмыкия: особенности конституционно-правового статуса // Вестник Калмыцкого университета. 2012. № 4 (16). С. 114–122.

Дорджиева Б. В. Аграрная архаика неучитываемой экономики Республики Калмыкия // Фундаментальные исследования. 2014. №3. С. 547–549.

Дугин А. Г. Основы геополитики. М.: Арктогея, 1997. 608 с.

Катушов К. П. Роль региональных органов власти в процессе развития федерализма в России // Вестник института комплексных исследований аридных территорий. 2001. № 3. С. 59–65.

Намруева Л. В. Буддийская идентичность современных калмыков: типология и проблемы диагностики // Буддизм Ваджраяны в России: Традиции и новации. Колл. монография / отв. ред. А. М. Алексеев-Апраксин; сост. В. М. Дронова. М.: Алмазный путь, 2016. С. 118–123.

Нифанов А. Н. Статутизация особенностей территорий в процессе конституционного строительства Российской Федерации и ее субъектов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. № 13. С. 37–43.

Овчинников В. Н., Колесников Ю. С. Этноэкономика как фактор развития // Проблемы прогнозирования. 2006. № 1. С. 118–123.

Поканинова Е. Б. Буддийский фактор в социокультурных процессах России в условиях глобализации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 1 (45). С. 79–83.

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. М.: Росстат, 2016. 1326 с.

Смагина Л. А. Национально-культурная политика Калмыкии: история и современность // Этносоциум. 2015. 3 (81). С. 128–132.

Сухинин С. А. Структурные трансформации геополитического положения Юга России в современных условиях // Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Социология. Политология. 2015. № 3 (31). С. 54–63.

Уланов М. С. Буддийский фактор в транскультурном пространстве Юга России // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. С. 148–151.

Шаов А. А., Нехай В. Н., Канец В. П. Национальные интересы в контексте этносоциальных трансформаций на Юге России // Историческая и социально-образовательная мысль. Том 8. 2016. №3/2. С. 19–23.

С. Э. Лиджи-Горяева, И. С. Авджаева,
(канд. социол. наук, зав. отделом,
Институт комплексных исследований
аридных территорий;
младший научный сотрудник,
Институт комплексных исследований
аридных территорий)
DOI 10.22162/2587-6503-2017-2-2-15-22

Социальное обслуживание как фактор стабильности общества

На рубеже веков в России произошло стремительное изменение общественных отношений, социально-экономических условий жизни граждан и становление новой социальной реальности. Совершившаяся неожиданно бескровная революция поразила все сферы жизнедеятельности: экономику, политику, государственную власть, социальную и духовную сферы, культуру, систему ценностей, все социальные институты и повседневные реалии. Словом, миллионы и миллионы граждан огромного государства в одночасье очутились в другой, неведомой им стране, в других условиях среды. Представители старшего поколения, конечно, помнят об этом. В обществе формировалось чувство неуверенности (даже растерянности), нестабильности, отсутствия каких-либо перспектив. Большинство людей с трудом адаптировались к стремительно меняющимся условиям, испытывали страх перед рыночными реформами. Социальная неудовлетворенность, непонимание происходящего, недовольство многими аспектами жизни на тот момент были характерны для основной части населения страны. Неслучайно драматические общественно-политические и экономические изменения на постсоветском пространстве были образно, но весьма метко названы П. Штомпкой «посттравматическим шоком» или синдромом [Штомпка 2001: 7]

Обобщая материалы социологических исследований за довольно длительный период времени (не только постсоветский), мы могли определенно констатировать: в 1961–1980 гг. (после пережитой страной войны и трагической тринадцатилетней ссылки калмыков) в республике были успешно решены основные народнохозяйственные задачи. Были восстановлены города и села, возрождены колхозы и совхозы, население обеспечивалось жильем. Явным достижением было

развитие разносторонней производственной, социально-культурной сфер. В целом к началу 1990-х гг. республика имела стабильно развивающийся народно-хозяйственный комплекс, сравнимый со среднероссийским уровнем благосостояния людей. По объему производства основной отрасли сельского хозяйства (животноводства) Калмыкия занимала одно из ведущих мест в стране.

Развитие сложных и противоречивых процессов, связанных с трансформацией всех отношений в российском обществе в первые годы реформ, выдвинуло на первый план и обострило комплекс социальных проблем. Связано это было с тем, что появились признаки социального расслоения, происходили радикальные изменения в тенденциях и направлениях социальной мобильности, возникали различные очаги социальной напряженности, менялись ценностные ориентиры людей, модели их поведения.

Практически в самом начале глобальных трансформационных процессов, происходивших в стране в постсоветский период, нами был осуществлен в конце 1990-х – начале 2000-х гг. ряд масштабных социологических исследований. При этом мы разделяем мнение ученых о том, что история не так часто предоставляет исследователям возможность быть свидетелями коренных преобразований в обществе «сверху», когда огромные массы людей вынуждены отвечать на вызов социальной среды.

Наше исследование было направлено на изучение и анализ особенностей социальной адаптации к изменившимся и изменяющимся условиям жизнедеятельности населения Республики Калмыкия, его различных групп и слоев в условиях трансформации общества.

Акцент делался на тенденциях и особенностях трудного и болезненного вживания граждан в новую жизнь, основных факторах социально-экономического развития республики в этот период, вопросах социального расслоения и социальной стратификации и соответствующих стратегиях адаптационного поведения граждан Калмыкии как региона Российской Федерации.

Основными целями и задачами исследования были измерение, слежение за тенденциями в изменении уровня и качества жизни, социальным самочувствием населения республики в условиях постсоветского реформирования общества.

Отдельные массовые опросы проводились нами совместно с информационно-аналитическим отделом Администрации Президента

Республики Калмыкия в лице Б. М. Муняновой, доктора социологических наук. Исследование «Изучение условий и качества жизни, процесса адаптации граждан к социально-экономическим преобразованиям, характера межнациональных отношений, толерантности» было проведено в 2002 г. совместно с Институтом социологии РАН под руководством доктора философских наук, профессора З. Т. Голенковой.

Заметное место в нашем исследовании занимали выявление, расчет и анализ статистических материалов Госкомстата России и Республики Калмыкия, анализ законодательных и нормативных актов органов власти различных уровней.

В рамках данной конференции напомним о некоторых выводах, сделанных на основе анализа достаточно объемного материала. За первые годы социально-экономических реформ в Республике Калмыкия обозначились социальные проблемы:

- низкая адаптированность жителей всех районов республики к экономическим и социальным условиям жизни, неуверенность в завтрашнем дне, повышение уровня тревожности массового сознания;

- изменение социально-экономической ситуации в регионе приводило к усилению тенденции к потенциальной миграции, особенно среди молодежи. Основными факторами выступали отсутствие постоянной работы, неудовлетворительные условия жизни и низкий уровень жизни;

- самой материально не благополучной категорией населения являлась группа «пожилых людей предпенсионного возраста»;

- наиболее остро проблема бедности и в целом неудовлетворенности жизнью ощущалась жителями районных центров. Благодаря наличию подсобного хозяйства у сельчан по сравнению с жителями города и райцентров нивелировались многие проблемы, такие как обнищание, безработица и низкая оплата труда и т. д.;

- ухудшение социально-экономической ситуации приводило к постепенному вытеснению трудовых ресурсов из сферы товарно-денежных отношений в сферу натурального хозяйства;

- при этом в республике отсутствовали объективные основы для межнациональной напряженности. Подавляющая часть населения фактически всех возрастных категорий не испытывала озабоченности по поводу национальных проблем [Лиджи-Горяева 2016: 109].

Новым явлением, возникшим в связи с проводимыми в нашем обществе реформами, стало достаточно скорое и значительное рассло-

ение людей по имущественному признаку (разделение на бедных и богатых). Уже в 1996 г. 47,8 % наших граждан признались, что живут ниже черты бедности и бедно, а в 1991 г. (после дефолта) — 59,4 %.

Вместе с тем были и те (пусть и незначительная доля), кто уже практически ни в чем себе не отказывал. Уже тогда треть наших жителей не одобряла подобное явление, причем из числа 50–59-летних негативно относились к этому 36,4 %, из числа пожилых людей старше 60 лет — 46,6 %.

Ситуация усугублялась тем, что на тот период люди были предоставлены сами себе. Каждый выживал, как мог. Сколько-нибудь продуманной социальной помощи отдельным категориям (кроме пенсионеров) практически не оказывалось.

Прошло немногим более десяти лет. За десятилетие россияне, в том числе жители Калмыкии, сумели противостоять страшному вызову времени, медленно, болезненно, но выйти из ситуации тяжелейшего кризиса, упрочить позиции. Безусловно, за достаточно небольшой отрезок времени произошли значительные качественные изменения в социально-экономической сфере жизнедеятельности общества. За это время заметно выросли реальные доходы граждан, повысилось материальное благополучие людей, изменились уровень и качество жизни, социальное самочувствие большинства населения.

В этой связи следует отметить, что одним из важных факторов социального равновесия в обществе является, на наш взгляд, организация и развитие мер социальной поддержки наиболее уязвимых слоев населения.

В целях снижения уровня социального неравенства, усиления адресности социальной поддержки у нас в республике реализуется закон № 225-III-3 «О государственной социальной помощи в Республике Калмыкия».

Сегодня спектр мер социальной поддержки наименее защищенных слоев населения весьма обширен. Реальная помощь в денежном, натуральном выражениях и иных формах оказывается многим категориям граждан как государством по специальным программам, так и гражданским обществом.

Одним из направлений государственной деятельности является социальная политика. По Конституции РФ: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание

условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [Конституция Российской Федерации... 1993: ст. 7].

Поэтому государством постоянно уделяется серьезное внимание развитию и укреплению социальной сферы жизни общества. Даже в условиях современного затяжного и тяжелого экономического кризиса помощь и поддержка различным категориям малозащищенных слоев населения, людям с ограниченными возможностями здоровья остается в приоритете у государства.

Реализовывать политику государства в социальной сфере поручено социальным службам разного уровня. С 1 января 2015 г. вступил в силу Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (далее — новый закон) [ФЗ... 2013], являющийся на данном этапе основным документом, регулирующим деятельность социальных служб.

Социальные службы реализуют права малозащищенных и нуждающихся в помощи категорий граждан от имени государства, поэтому, в свою очередь, важно знать мнение населения по поводу эффективности работы таких служб. Поэтому с 2016 г. Институтом комплексных исследований аридных территорий согласно государственному заданию проводится независимая оценка качества оказания услуг в сфере социального обслуживания населения. Независимая оценка является неким контролем над деятельностью социальных организаций. В 2016 г. нами осуществлена независимая оценка предоставления социальных услуг в 13 комплексных центрах социального обслуживания населения, которые находятся в каждом районном муниципальном образовании республики. Всего в этих организациях было опрошено 344 респондента. Конкретно для каждого учреждения выборка составлялась исходя из численности обслуживаемых в каждом комплексном центре. По результатам опроса выявлено, что подавляющее большинство обслуживающихся в комплексных центрах (88,7 %) — это женщины. Каждый девятый (11,3 %) — представитель мужского пола. Большинство (57,5 %) получателей социальных услуг — граждане пожилого возраста старше 60 лет. У принявших участие в опросе был разный уровень образования: с начальным образованием — 22,3 % опрошенных, с общим средним образованием — 30,6 %; со средним специальным образованием — 35,5 %. Имели высшее образование 11,0 % респондентов. Среди опрошенных были инвалиды 1-й, 2-й, 3-й групп, пенсионеры, ветераны труда, участники Великой

Отечественной войны, труженики тыла, члены многодетных и малообеспеченных семей.

В рамках социологического опроса важно было узнать, для чего гражданам необходимо социальное обслуживание. Как выяснилось, большинство (59,0 %) обслуживаемых в этих центрах нуждаются в заботе о них. Также большая часть (56,0 %) отмечала необходимость в уходе за ними. Многие (37,0 %) сказали, что социальное обслуживание необходимо им для общения. Для значительной части (29,7 %) необходимо было чуткое внимание к ним. Социальное обслуживание как помощь в обеспечении полноценной жизни отметили 28,0 % обслуживаемых. Некоторые (14,7 %) поделились тем, что услуги, предоставляемые социальной службой, помогают сохранить привычный уклад жизни. Социальное обслуживание как помощь в создании домашнего уюта, поддержании состояния здоровья и уверенности в завтрашнем дне отметили 10,0 % респондентов. Некоторые (3,0 %) признались, что социальная служба помогает им выжить.

Для многих граждан, попавших в сложную жизненную ситуацию, комплексный центр социального обслуживания является неким помощником во многих сферах жизнедеятельности. Комплексные центры социального обслуживания населения оказывают различные виды услуг, начиная от социально-бытовых и заканчивая помощью в оформлении необходимых документов. Одной из важных задач исследования было выявить, какие же услуги наиболее востребованы гражданами. Опрос показал следующее.

Чаще всего из числа обслуживаемых на дому значимым для них отмечали покупку и доставку на дом продуктов питания (62,2 %). Это связано с тем, что большинство из них не имеют возможности выйти из дома для приобретения необходимых продуктов и товаров.

В равной степени значима для этой категории обслуживаемых такая услуга, как уборка жилого помещения (61,1 %), ведь многие обслуживаемые по состоянию здоровья, в силу преклонного возраста не могут самостоятельно выполнять эту работу.

Зачастую вызывает затруднение у пожилых людей поход в аптечный пункт. Поэтому необходимость помощи в приобретении лекарственных средств отметили 47,6 % опрошенных.

Для трети из надомников (34,4 %) является значимым содействие в оплате жилья и коммунальных услуг.

Почти треть (30,9 %) отметила необходимость в содействии при получении положенных мер социальной поддержки.

Для четверти (24,7 %) оказалась необходима помощь в оформлении тех или иных документов.

В ряде муниципальных образований республики отсутствует водоснабжение в жилых помещениях, не случайно поэтому часть обслуживаемых (особенно пожилые люди) нуждается в помощи в доставке воды.

В целом, проведя социологический опрос среди обслуживаемых в комплексных центрах, мы выяснили, что абсолютное большинство опрошенных полностью удовлетворено деятельностью анализируемых учреждений.

В большей степени обслуживаемые удовлетворены вежливостью, тактичностью, доброжелательностью, компетентностью и уровнем профессионализма всех специалистов социальных учреждений.

Также обслуживаемые отмечают высокий уровень стремления работников учреждения помочь им во всем. Это очень важно и ценно, так как в современных нелегких условиях специалисты социальных учреждений зачастую изыскивают возможности оказать дополнительную помощь людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию.

Надо отметить, что получатели услуг удовлетворены культурой и качеством обслуживания в социальных учреждениях. Подавляющее большинство удовлетворены чистотой, оформлением и удобством мест ожидания в помещениях, где предоставляет свои услуги каждая социальная организация.

Высокая удовлетворенность отмечается у обслуживаемых графиком работы и количеством предоставляемых услуг в этих учреждениях.

Таким образом, согласно данным опроса, обслуживаемые в комплексных центрах социального обслуживания населения республики выразили высокий уровень удовлетворенности деятельностью этих организаций. Кроме того, в ходе исследования обслуживаемые высказывали огромную благодарность работникам социальных служб и органам государственной власти, которые курируют данную сферу.

Литература

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с учетом поправок) [электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2875#0> (дата обращения: 18.01.2017).

Лиджи-Горяев С. Э. Социальная адаптация населения Республики Калмыкия в условиях трансформирующегося российского общества: социологический аспект: Монография / С. Э. Лиджи-Горяева; рец. З. Т. Голенкова. Элиста: ИКИАТ, 2012. 109 с.

Лиджи-Горяева С. Э. Система социальной защиты и льготы для социально незащищенных слоев и групп населения в регионе. Экономическая энциклопедия Республики Калмыкия. Элиста: ЗАОр «НПП Джангар», 2016. С. 256–260.

Федеральный закон от 28 декабря 2013 года № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [электронный ресурс] // URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 19.01.2017).

Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 7–9.

Л. В. Намруева
(канд. социол. наук,
ведущий научный сотрудник,
КалмНИЦ РАН)

DOI 10.22162/2587-6503-2017-2-2-23-29

Село Калмыкии: сравнительный анализ опросов 1996 и 2016 гг.*

* Статья подготовлена в рамках госзадания № АААА-А17-117030910098-1 «Развитие сельских территорий Юга России: комплексный анализ социально-экономических процессов» (2017–2021).

За четверть века после начала аграрной реформы новых сельскохозяйственных предприятий в стране фактически не появилось, а сельское население значительно уменьшилось. Калмыцкие ученые, прежде всего экономисты, обращаясь к анализу трансформационных процессов в агропромышленном комплексе Калмыкии, основное внимание уделяют организационно-хозяйственным, экономическим и институциональным трансформациям и их эффективности. Гораздо в меньшей степени анализируются и оцениваются социальные последствия реформ. В данной статье, используя отдельные результаты социологических исследований 1996 и 2016 гг., мы постарались восполнить этот пробел, рассмотрев социальные результаты проведенных реформ. В 1996 г. было проведено крупное исследование «Об особенностях отношения различных социальных групп к современным экономическим преобразованиям» под руководством К. П. Катушова, в то время заведовавшим отделом социологии Калмыцкого института гуманитарных исследований. Среди опрошенных мужчины составили 49,3 %, женщины — 50,7 %. Распределение по возрасту выглядит следующим образом: респонденты в возрасте 18–29 лет — 18,3 %, 30–49 лет — 44,6 %, 50–59 лет — 27,7 %, 60 лет и старше — 9,4 %. В данной статье рассмотрены ответы сельского населения (211 человек). Анализ результатов этого опроса изложен в монографии К. П. Катушова «Калмыкия в геопространстве России», изданной в г. Элисте в 1998 г.

Автором статьи в 2016 г. был осуществлен массовый анкетный опрос в сельских районах республики в рамках выполнения государственного задания «Развитие сельских территорий Республики Калмыкия: проблемы и перспективы». Объем выборочной совокупно-

сти составил 387 человек, жителей 12 районов республики. Из них 214 мужчин (55 %), 173 женщины (45 %). 226 респондентов проживают в сельских населенных пунктах (58 %), 161 — в районных центрах (42 %). Распределение по возрасту выглядит следующим образом: 2,6 % респондентов до 20 лет, 16 % — 21–30 лет, 26,9 % — 31–40 лет, 24,3 % — 41–50 лет, 22,0 % — 51–60 лет, 8,0 % — старше 60 лет. По этническому составу в выборке представлены: 56,8 % — калмыки, 35,3 % — русские, 7,1 % выборки составляют представители других этнических групп.

В Республике Калмыкия за период с 1991 по 1997 гг., как и в стране в целом, произошел спад производственного потенциала агропромышленного комплекса: ухудшилась материально-техническая база, уменьшилась продуктивность земледелия, животноводства и семеноводства. К. П. Катушов отмечает: «И без того низкая фондообеспеченность сельского хозяйства республики стала в пять раз ниже общероссийского уровня. Производство валовой продукции во всех категориях хозяйств в 1995 г. снизилось против среднегодового уровня 1986–1990 гг. на 52,2 %, в том числе продукции животноводства — на 46,6 %, а растениеводства — на 68,8 %. Хозяйств, допустивших спад объемов производства (более 40 %), частично или полностью утративших кредитоспособность, насчитывается 75, что составляет свыше 80 % их общего количества по республике. Среди них полностью или большинство хозяйств Ики-Бурульского, Лаганского, Малодербетовского, Октябрьского, Кетченеровского, Целинного, Черноземельского, Юстинского, Яшкульского районов. Такие же утратившие свою кредитоспособность хозяйства имеются в остальных районах: Городовиковском, Сарпинском, Приютненском и Яшалтинском» [Катушов 1998: 60].

Положение, сложившееся в агропромышленном комплексе Республики Калмыкия в 1990-е гг., можно объяснить рядом причин. По мнению исследователя, наиболее существенным из них является все возрастающий диспаритет цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, который привел к финансово-экономической дестабилизации колхозов и совхозов, всего агропромышленного комплекса. Ослабление регулирующего влияния государственных органов на политику ценообразования и допущенный произвол коммерческих банков во взаимоотношениях с сельскими товаропроизводителями также сказались на положении сельского хозяйства Республики Кал-

мыкия. К тому же неразвитость инфраструктуры сельскохозяйственного производства, ее товарно-сырьевая направленность, отсутствие возможностей по доведению продукции до конечной стадии переработки сделали нерентабельным содержание скота и птицы во многих бывших колхозах и совхозах, крестьянских и фермерских хозяйствах [Катушов 1998: 60].

Вследствие вышеуказанных факторов в республике были ликвидированы многие сельскохозяйственные предприятия, что привело не только к потере рабочих мест, но и ухудшению условий ведения подсобного хозяйства, снижению и без того низкого уровня жизни сельского населения, уменьшению привлекательности сельской местности, последующей активизации оттока населения. Естественно, доходы на селе, где проживает большая часть населения Калмыкии, значительно сократились. По признанию 43,9 % сельских жителей, доходы их семей уменьшились. У 37,8 % респондентов семейный доход резко упал [Катушов 1998: 296]. Результаты опроса 1996 г. показывают, что подавляющая часть опрошенных испытывает большие материальные затруднения. Об этом свидетельствуют и другие итоги анализируемого исследования. Так, в первую очередь, и мужчин, и женщин тревожат задержка зарплаты и пособий (72,9 %), низкий уровень заработной платы (35,8 %), социальное несправие, незащищенность (30,0 %) [Катушов 1998: 295].

Разрыв доходов наиболее и наименее обеспеченного населения увеличивался на всем протяжении 1990-х гг. Вследствие усиления этой дифференциации резко обозначилась нелегальная и нетрудовая основа имущественного и социального расслоения, поэтому у части населения ослабли стимулы к созидательному труду. Пик этого негативного явления, отразившегося на материальном благополучии населения, пришелся на 1994–1995-й гг. и продолжался до конца 1990-х гг. Наиболее инициативные сельские жители стали искать рабочие места за пределами села, района, республики, не считаясь ни с их удаленностью, ни с нерешенностью бытовых условий, ни с психологическим дискомфортом пребывания вне семьи, вне родной земли.

Результаты опроса, проведенного в 1996 г., свидетельствуют, что в большинстве своем сельское население не удовлетворено жизнью и материальным положением. Это те, кто считает экономическую ситуацию в республике терпимой с трудом, крайне трудной, нетерпимой (69,8 %). Их число более чем в два раза превышает число тех, кто

ею удовлетворен, оценивая как благоприятную и вполне терпимую (28,7 %). К. П. Катушов по итогам анкетирования выявил, что женщины по сравнению с мужчинами оценивают обстоятельства личной жизни более пессимистично, что вполне объяснимо, так как тяготы периода реформ воспринимаются ими намного острее. Они менее защищены в социальном плане: так, ответили, что проживают за чертой бедности, среди женщин 15 %, среди мужчин — 9,1 %, высказали удовлетворение своей жизнью 25,2 % женщин и 30,8 % мужчин. Кроме социально-экономической сферы, женщины в большей степени вовлечены в область потребления, сферу культуры, духовной жизни, несомненные сдвиги в которых не остаются ими незамеченными [Катушов 1998: 295].

Данные мониторинга 1996 г. зафиксировали дальнейшее расслоение общества по уровню материального благосостояния. Уровень жизни большей части населения продолжал снижаться. 13 % (или каждый седьмой) ответили, что не могут сегодня прокормить себя и свою семью. 26,3 % опрошенных указали, что денег хватает лишь на самые необходимые продукты. 28 % — на повседневные расходы и продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает затруднение. По собственной оценке бедными считают себя 67,3 % респондентов, из них 13 % находятся, по существу, на грани нищеты и являются носителями крайних негативных эмоций [Катушов 1998: 147].

В 1990-е гг. животноводство перестало быть бюджетобразующей отраслью республики. Содержание одной овцы приносило убыток примерно в 100 рублей в деноминированных ценах. Усиленные попытки поправить положение за счет строительства предприятий глубокой переработки продукции животноводства (заводы «Арсчи», «Элми» и др.) не дали ожидаемых результатов. К. П. Катушов с большим огорчением замечал, что эти предприятия, став монополистами в республике, диктуют свои условия поставщикам. Однако без надлежащей реанимации животноводства в республике эти предприятия обречены на застой, став источниками омертвления громадных в масштабе республики капиталов [Катушов 1998: 146].

Кризис социально-экономических процессов, наблюдавшийся в стране на протяжении 1990–2000-х гг., наиболее остро проявился в сельских районах, ухудшая и без того сложнейшее положение сельского населения. Село Калмыкии начала XXI в. наглядно иллюстрирует

глубину кризиса в аграрном производстве. С целью изучения дальнейшего развития социально-экономических процессов, происходящих в сельских территориях республики, рассмотрим отдельные результаты анкетного опроса, проведенного автором в 2016 г.

Данные анкетирования 2016 г. показывают, что главными социальными проблемами, влияющими на жизнь селян, являются безработица (52,3 %), низкий уровень оплаты труда (49,5 %), активная миграция молодежи, оставляющей старшее поколение (33,6 %), отсутствие воды, газа (15,5 %). Мнение мужчин и женщин отличается приоритетностью указанных проблем. Так, первых (54,4 %) в большей степени беспокоит отсутствие занятости, а вторых (55,0 %) — низкие зарплаты.

Ситуация на рынке труда, для которой в 1990-е гг. были характерны недостаточное развитие экономического потенциала, отсутствие инвестиционных ресурсов для развития производства, а соответственно — ввода новых рабочих мест, не изменилась и в 2000–2010-е гг. Ее продолжают характеризовать сложное финансовое положение сельскохозяйственных предприятий, низкий уровень занятости сельского населения. На научной конференции «Архаизм и модернизация в условиях устойчивого развития сельских территорий: современные проблемы и перспективы», состоявшейся в г. Элисте 31.10.2014 г., заместитель министра сельского хозяйства республики отметил, что половина сельских поселений республики не имеет селообразующих предприятий. Сельчан, занятых в аграрных предприятиях, небольшое количество [Намруева 2015а: 188]. Каждый пятый респондент анализируемого опроса 2016 г. указал, что более всего его волнует отсутствие селообразующего предприятия.

Результаты анкетирования свидетельствуют о противоречивости настроений сельских жителей. Почти половина респондентов (49 %) чувствует себя по-разному в зависимости от обстоятельств. Такое состояние в большей степени характерно для женщин (55,3 %), нежели для мужчин (43,1 %). Они более позитивно настроены (43,1 %), чем женщины (30,9 %). Отрицательные эмоции в равной мере испытывают и мужчины (13,9 %), и женщины (13,6 %). Эта группа, конечно, с трудом адаптируется к постоянно изменяющимся рыночным отношениям.

Проведенный нами анализ показывает, что социально-экономическое развитие села как в 1990-е, так и в начале 2000-х гг. происходит

в условиях упадка во многих областях общественной жизни. Картина, описанная К. П. Катушовым в середине 1990-х гг., наблюдается и через два десятилетия. «Все более удручающий вид принимают отдельные фермы. Пустые глазницы окон, а то и развалившиеся остовы жилых и производственных помещений производят жалкое и странное впечатление [Катушов 1998: 185]. Статистические показатели свидетельствуют, что сельское население неуклонно сокращается: если в 1995 г. насчитывалось 196,1 тыс. человек, то через 20 лет, в 2015 г., сельчан стало 154,0 тыс. человек [Калмыкия... 2016: 19]. За два десятилетия численность сельского населения сократилась более чем на 40 тыс. человек, что равно населению трех районов региона. Отток сельских жителей связан с проблемами социального и экономического характера, среди которых выделим основные: низкий уровень зарплаты, сокращение сельскохозяйственных организаций, отсутствие рабочих мест, недостаточно развитая социальная инфраструктура.

В начале 2000-х гг. государство меняет свое отношение к аграрной отрасли: усилились финансовая и институциональная поддержки сельских товаропроизводителей, расширились их возможности для получения кредитных ресурсов. Увеличивается производство сельскохозяйственной продукции, снижается число убыточных сельскохозяйственных предприятий: с 51 % в 2000 г. до 22 % в 2007 г., повышается рентабельность производства — с 7 % до 16 % [Российский статистический... 2008: 444], укрепляется фермерский сектор.

Такие же позитивные изменения наблюдаются и в республике, что сказывается на восприятии социально-экономических процессов. Так, изменилась оценка, данная сельским населением экономической ситуации в республике. Значительно увеличилось количество тех, кто удовлетворен положением дел в регионе — с 33,7 % в 1996 г. до 52,1 % в 2016 г. При этом происходит уменьшение числа тех, кто с трудом терпит сложившуюся экономическую ситуацию (с 38,5 % в 1996 г. до 36,3 % в 2016 г.). Количество селян, крайне трудно переживающих сложности своего положения, уменьшилось за исследуемый период в два раза (с 19,3 % в 1996 г. до 9,0 % в 2016 г.). Можно констатировать, что экономическая ситуация в республике постепенно улучшается, это отражается на жизни сельского населения.

С 2014 г. положение на отечественном продовольственном рынке существенно изменилось вследствие введения Россией продовольственного эмбарго. Отказ от импорта ряда продовольственных това-

ров, ориентация на внутреннее производство, направленное на импортозамещение, предоставили отечественному АПК исторический шанс для социально-экономического прорыва. Республика Калмыкия активно включена в процессы импортозамещения, а именно мясной продукции. Современное состояние сельскохозяйственной отрасли в республике свидетельствует о том, что после ее затяжного кризисного состояния наметились определенные позитивные сдвиги, получили развитие рыночные формы хозяйствования, крестьянские (фермерские) хозяйства, личные подсобные хозяйства, сельскохозяйственные потребительские кооперативы [Намруева 2015б: 196].

Таким образом, за 20 лет в агропромышленном комплексе Республики Калмыкия произошли радикальные изменения. Остановлен процесс развала сельского хозяйства, его основной отрасли — животноводства. В 2010-е гг. в республике последовательно реализуется задача интенсификации животноводства и создания собственной современной перерабатывающей промышленности. Это способствует увеличению рентабельности сельхозпроизводства, созданию новых рабочих мест, повышению налоговых доходов. В настоящее время в республике действуют шесть мясоперерабатывающих предприятий и 6 убойных цехов общей производственной мощностью более 145 тонн мяса в смену. Реализуются четыре инвестиционных проекта, направленных на переработку мясной продукции.

Литература

Калмыкия в цифрах: Краткий статистический сборник. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия. Элиста: Калмыкиятат, 2016. 153 с.

Катушов К. П. Калмыкия в геопространстве России. Элиста: АПП «Джангар», 1998. 336 с.

Намруева Л. В. Сельские территории Республики Калмыкия: социально-демографическая ситуация в 2000-е и 2010-е гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015а. № 3. С. 186–192.

Намруева Л. В. Сельские поселения Республики Калмыкия в 2010-е гг.: типы и характеристика // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015б. № 4. С. 192–197.

Российский статистический ежегодник. 2008: стат. сб. М.: Госкомстат России, 2008. 847 с.

С. Н. Немгирова, С. Ю. Деев
(канд. эконом. наук, зав. отделом,
Институт комплексных исследований
аридных территорий;
канд. ист. наук,
Институт комплексных исследований
аридных территорий)
DOI 10.22162/2587-6503-2017-2-2-30-33

Состояние межэтнических отношений в Республике Калмыкия: результаты социологического мониторинга

В целях сохранения стабильности, предупреждения межэтнических конфликтов государство должно своевременно предотвращать возникновение напряженных ситуаций, связанных с характерными для современного мира проблемами конкуренции за рабочие места, участия во власти, а также угрозами личной безопасности и опасностью потери культурной самобытности. Эксперты отмечают, что «продолжающийся этнический и религиозный ренессанс в мире, напряженность межнациональных отношений в России, неудачи политики мультикультурализма и концепции «плавильного котла» в развитых странах придают данной проблеме актуальный и злободневный характер» [Данакари 2016: 132].

В последние десятилетия Юг России также столкнулся с новыми реалиями в области межнациональных отношений, такими, как активизация миграционных потоков (при этом не только приток мигрантов, но и отток коренного населения), рост радикализма в молодежной среде, напряжение между русскими и другими народами, что в ряде случаев приводит к нарушению единого социокультурного пространства. Эти проблемы нуждаются в постоянном мониторинге, в том числе и с применением социологического инструментария. Без постоянного исследования и учета общественного мнения политика властей неизбежно будет иметь односторонний характер. Поэтому одна из важных задач научной общественности — изучение и фиксация реальных общественных изменений, происходящих на уровне местных образований, непосредственно жизни и деятельности людей. Результаты социологических исследований межнациональных отношений повышают эффективность профилактических, образователь-

но-информационных и других мер, а также усиливают адресность их воздействия на определенные категории населения. Кроме того, они позволяют выявить потенциал социальной напряженности в обществе, спрогнозировать возможные реакции общественности на те или иные события, оценить возможность проявления межнациональных конфликтов [Бойко 2016: 96].

На протяжении ряда лет сотрудники Института комплексных исследований аридных территорий ежегодно проводят мониторинг ситуации в сфере межэтнического взаимодействия. В качестве инструментария исследования используется массовый опрос. При определении выборочной совокупности учитываются особенности социально-демографического и национального состава генеральной совокупности. В 2015 и 2016 гг. было опрошено 572 и 400 респондентов соответственно (в возрасте 18 лет и старше).

Межэтнические отношения — это сплетение разнообразных социальных и культурных отношений людей, на которые оказывают влияние экономические, географические факторы, исторически сложившиеся традиции национальных чувств и настроений. Данный аспект жизни республики имеет значение при изучении практически любых социальных проблем.

По результатам последнего мониторинга (2016 г.) выявлено, что доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений в Республике Калмыкия, составляет 86,0 %, причем жители районов чаще оценивают межэтнические отношения как «благоприятные».

За последние годы существенно выросли позитивные и снизились негативные оценки межэтнических отношений, что вполне соотносится с увеличением количества респондентов, испытывающих гордость за свою страну и свое гражданство. Респондентов, которые сталкиваются с ущемлением национальных чувств в Республике Калмыкия, за все годы мониторинга межэтнических отношений оказалось не более 5,0 %. Процент тех, кто сталкивался с национализмом значительно ниже в сельской местности, чем в городе; процент тех, кто относится «уважительно» к людям другой национальности здесь самый высокий. И по отношению к межнациональным бракам, и по отношению к коллегам другой национальности русские в республике демонстрируют такой же уровень терпимости, как и калмыки. Также по результатам мониторинга был отмечен стабильно высокий процент доверия на-

селения к религиозным институтам и людям, исповедующим другую религию, веру. Чем старше респонденты, тем меньше их беспокоит напряженность в межконфессиональных отношениях. Выявлены существенные различия между городским и сельским населением республики в оценке возможности возникновения конфликтов на религиозной почве. Жители сельских районов считают такую возможность более реальной, чем горожане.

Государство, безусловно, определяет политику в сфере международных отношений: текущее состояние, цель, задачи, способы их решения. Но ее результаты зависят от того, как она будет реализована на местах, что означает учет влияния многих факторов, разнообразие подходов, координацию целей, стратегий и результатов. Управление общественными отношениями в целом происходит через практику опосредованных методов, а отношениями в такой специфической сфере, как международные отношения, — тем более [Трофимова 2014: 66].

Абсолютное большинство городских респондентов (75,0 %) положительно оценивают эффективность работы органов власти Республики Калмыкия по решению международных вопросов. 15 % опрошенных считают деятельность органов власти в этом направлении неудовлетворительной, остальные респонденты (10 %) затруднились дать ответ на данный вопрос. Уровень доверия к официальным институтам оказался практически не зависимым от национальности респондентов. Тем самым можно говорить о том, что политика местных властей пользуется доверием горожан. Сельские жители республики менее оптимистичны в оценках, чем горожане, что вполне объяснимо. Власть, которую они оценивают, — это власть районная, близкая и хорошо узнаваемая. Поэтому недостатки, старые нерешенные проблемы и обиды выражаются в более критичной позиции сельчан. Калмыки были более доброжелательны в оценках, чем русские. Именно более доброжелательны, потому что среди калмыков больше респондентов, оценивающих эффективность работы властных структур «положительно», а среди русских — «скорее положительно», а процент оценивающих «отрицательно» одинаков в обеих группах.

Таким образом, полученные эмпирические данные позволяют увидеть объективную картину реальности, способствуют поиску ответов на многие общероссийские «вызовы». С точки зрения межэтнических отношений Республика Калмыкия является относительно спокойным

регионом, всплесков национализма не наблюдается, население обладает достаточно высокой степенью толерантности. Ему присуще уважение к представителям других национальностей, что практически делает невозможным повышение конфликтного потенциала на территории региона. Однако нельзя отрицать наличия тех или иных нерешенных проблем, возможности возникновения конфликтных ситуаций в сфере межэтнических отношений, что предполагает принятие дополнительных мер по регулированию ситуации в этой сфере. В частности, такими мерами могут быть: введение в образовательные программы компонентов межэтнических отношений, способствующих изучению культуры и религии других народов, воспитание толерантности, организация досуга молодежи.

Следует также помнить о том, что в национальной политике недопустимы две крайности. Во-первых, национальная политика не должна подменяться политикой экономической, социальной и т. д. Во-вторых, она не должна осуществляться в отрыве от этих и других видов политики. Эффективность государственного управления межэтническими отношениями может иметь положительную динамику при условии их прогнозирования на основе изучения параметров политической среды. Представляется, что анализ результатов мониторинга позволит органам государственной и муниципальной власти республики принимать обоснованные решения для корректировки национальной политики, что, на наш взгляд, будет способствовать успешному предотвращению роста напряженности в межэтнических отношениях.

Литература

Байков Н. М., Березутский Ю.В. и др. Межнациональные отношения в городском округе: концептуальные подходы к политике и их социологическому измерению // *Власть и управление на Востоке России*. 2016. № 3 (76). С. 95–105.

Данакари Р. Д., Комлева Л. А. Региональное сообщество и межнациональные отношения: опыт Волгоградской Области // *Вестник Волгоградского государственного ун-та*. 2016. Сер. истор. 4. Т. 21. № 2. С. 132–139.

Трофимова И. Н. К проблеме регулирования межэтнических отношений в местных сообществах // *ARS ADMINISTRANDI*. 2014. № 1. С. 61–69.

Б. Б. Нусхаева
(канд. социол. наук,
старший научный сотрудник КалмНЦ РАН)
DOI 10.22162/2587-6503-2017-2-2-34-38

Возрастная структура сельского населения Калмыкии*

* Статья подготовлена в рамках госзадания № АААА-А17-117030910098-1 «Развитие сельских территорий Юга России: комплексный анализ социально-экономических процессов» (2017–2021).

Демографические процессы в сельской местности имеют свою специфику, которая обусловлена социально-экономическими условиями, особенностями репродуктивного поведения, а также качеством медицинского обслуживания. Одной из основных тенденций является активная миграция трудоспособного населения в города, особенно молодежи. Такая ситуация ведет к изменению возрастной структуры населения, что в свою очередь влияет на демографический потенциал сельских территорий. Это определяет интерес к вопросу о возрастной структуре сельского населения. Изучению демографической ситуации в Калмыкии посвящены работы: [Бадмаева, Иджаева 2013; Годжаева 2007; Намруева 2015; Нусхаева 2012; Очирова 2007] и др.

Согласно данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Астраханской области и Республике Калмыкия, численность сельского населения на 1 января 2016 г. составила 152 759 человек, что составляет 54,8 % общей численности населения республики [Численность населения]. Отметим, что Республика Калмыкия относится к регионам, где сельского населения насчитывается более 50 % общей численности населения, наряду с такими регионами, как Республика Адыгея, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Карачаево-Черкесская Республика, Чеченская Республика, а также Республика Алтай, где удельный вес сельского населения составляет 70,8 % общей численности населения [Регионы России... 2016: 41–42].

Анализ возрастной структуры сельского населения будет основан на статистических данных по распределению населения по пятилетним интервалам за 2014 г. Основными возрастными группами определены: дети до 14 лет, молодежь в возрасте 15–34 лет, взрослые в возрасте 35–60 лет, пожилые в возрасте 65 лет и старше. Согласно статистическим данным, численность детей до 14 лет составляет 30 678 че-

людей. По состоянию на начало 2014 г. численность молодежи в возрасте 15–34 лет составляет 41 638 человек. И пожилые люди в возрасте 60 лет и старше — 21 262 человека.

Рассмотрим удельный вес каждой возрастной группы и сравним их соотношение с городским населением. Дети в возрасте до 14 лет составляют 20,6 % общей численности сельского населения. Если сравнивать с городским населением, то разница незначительная: 20,6 % и 20,3 % в структуре сельского и городского населения соответственно. Молодежь в возрасте 15–34 лет представляет собой наиболее активную и мобильную когорту населения, и соответственно, удельный вес этой возрастной группы в структуре городского выше, чем в структуре сельского населения (30,6 % и 27,9 % соответственно). Удельный вес этой возрастной группы в сельской местности несколько выше, чем в городских поселениях: 37,2 % и 33,1 % соответственно.

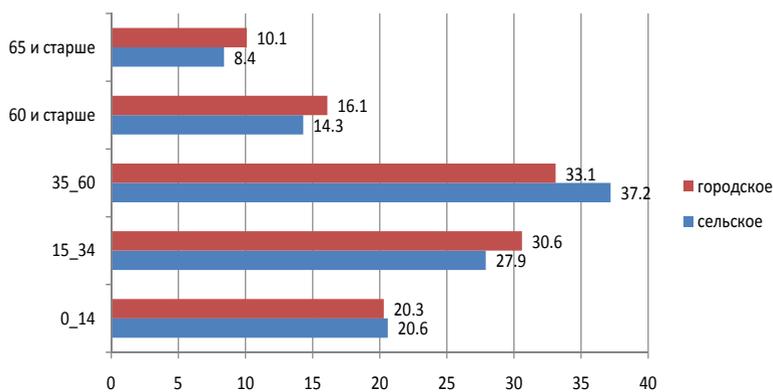

Рис. 1. Удельный вес возрастных групп в структуре городского и сельского населения (в %)

Пожилые люди в возрасте 60 лет и старше, проживающие в сельской местности, составляют 21 262 человека. И их удельный вес ниже, чем среди городского населения: 14,3 % в сравнении с 16,1 %. Стоит отметить, что, согласно шкале демографического старения ООН, население считается старым, если удельный вес населения в возрасте 65 лет и старше превышает 7 %. Доля этой возрастной группы среди сельского населения Республики Калмыкия равна 8,4 %. Таким образом, сельское население республики можно считать старым.

Если рассматривать структуру сельского населения по районам Республики Калмыкия, можно выделить благополучные и менее благопо-

лучные районы (табл. 1). Прежде всего, обращает на себя внимание Черноземельский район. Численность населения Черноземельского района на начало 2014 г. составляла 12 653 человека [Республика Калмыкия... 2015: 20]. Отличительной особенностью района является высокая доля детей в возрасте до 14 лет (23,6 %) по сравнению с другими районами республики и низкая доля пожилых людей в возрасте 65 лет и старше (5,9 %). Возможно, такая ситуация связана с социально-экономическим положением района. Черноземельский район в 2014 г. занимал второе место по объему отгруженных товаров собственного производства, выполненных собственными силами работ и услуг после столицы республики [Республика Калмыкия... 2015: 136]. Кроме того, в районе налажена добыча нефти, и соответственно решается вопрос с трудоустройством сельского населения. Таким образом, население Черноземельского района характеризуется благоприятной возрастной структурой.

Аналогичная ситуация наблюдается в Яшкульском районе, в котором удельный вес детского населения (до 14 лет) равен 21,7 % и пожилых людей в возрасте 65 лет и старше — 5,9 %. Численность населения Яшкульского района составляет 14 707 человек.

Наименее благополучная ситуация наблюдается в Сарпинском районе, где удельный вес детей в возрасте до 14 лет составлял всего 16,4 %, а пожилых людей в возрасте 65 лет и старше — 12,2 %. Всего численность населения района на начало 2014 г. составляла 12 790 человек [Республика Калмыкия... 2015: 20]. Согласно данным официального сайта Сарпинского муниципального образования Республики Калмыкия, район включает 17 населенных пунктов, и основной отраслью производства здесь является сельское хозяйство [Сарпинский...].

Если рассматривать районы республики по показателям удельного веса пожилых людей в возрасте 65 лет и старше в структуре сельского населения, то можно выделить районы с высокой долей пожилых людей в возрасте 65 лет и старше и районы, где этот показатель не превышает 7 %. К первой группе относятся 8 районов республики: Городовиковский (12,5 %), Лаганский (9,7 %), Малодербетовский (10,9 %), Приютненский (10,6 %), Сарпинский (12,2 %), Целинный (7,2 %), Юстинский (8,2 %), Яшалтинский (10,5 %). В пяти районах республики доля пожилых людей в возрасте 65 лет и старше не превышает порога в 7 %: Ики-Бурульский (6,4 %), Кетченеровский (6,4 %), Октябрьский (6,2 %), Черноземельский (5,9 %), Яшкульский (5,9 %).

Таблица 1. Удельный вес возрастных групп в структуре сельского населения Республики Калмыкия (на начало 2014 г., в %)

Район	Дети до 14 лет	Взрослые 15–59 лет	Пожилые люди (60 лет и старше)	65 лет и старше
Республика Калмыкия	20,4	64,5	15,1	9,2
Городовиковский район	19,2	62,2	18,6	12,5
Ики-Бурульский район	21,4	66,4	12,2	6,4
Кетченеровский район	21,0	66,5	12,5	6,4
Лаганский район	19,4	64,6	16,0	9,7
Малодербетовский район	19,0	63,9	17,2	10,9
Октябрьский район	20,8	67,2	12,0	6,2
Приютненский район	19,2	63,5	17,3	10,6
Сарпинский район	16,4	65,3	18,3	12,2
Целинный район	22,3	64,7	13,0	7,2
Черноземельский район	23,6	65,7	10,8	5,9
Юстинский район	19,2	65,8	14,9	8,2
Яшалтинский район	20,9	63,5	15,7	10,5
Яшкульский район	21,7	66,8	11,5	5,9

Республика Калмыкия относится к регионам с высокой долей детей в возрасте до 14 лет. В целом по Российской Федерации удельный вес этой возрастной группы в 2014 г. составил 16,3 % общей численности населения, в связи с чем ограничимся выделением районов республики с высокой и низкой долей детей в возрасте до 14 лет. Как было сказано выше, наиболее высокая доля детей в структуре населения отмечается в Черноземельском районе (23,6 %). Далее следуют: Целинный (22,3 %), Яшкульский (21,7 %), Ики-Бурульский (21,4 %), Кетченеровский (21,0 %) Яшалтинский (20,9 %) и Октябрьский (20,8 %) районы. Сарпинский район отмечается как район с наименьшей долей детей в возрасте до 14 лет — 16,4 %.

В возрастной структуре сельского населения Республики Калмыкия удельный вес населения в возрасте 15–59 лет составляет 64,5 % общей численности населения. Доля этой возрастной группы варьируется в пределах от 62,2 % (Городовиковский район) до 67,2 % (Октябрьский район). Стоит дополнить, что удельный вес молодежи в возрасте 15–34 лет в Республике Калмыкия составляет 29,2 % общей численности населения. Наиболее высокая доля этой возрастной группы регистрируется в Черноземельском (29,8 %), Ики-Бурульском (29,6 %),

Яшкульском (29,3 %) и Целинном (29,2) районах. Наименьшая доля молодежи в возрасте 15–34 лет проживает в Кетченеровском (25,4 %), Городовиковском (25,6 %) и Сарпинском (25,9 %) районах.

Таким образом, возрастная структура сельского населения Республики Калмыкия, в отличие от городского, характеризуется меньшей долей молодежи в возрасте 15–34 лет и преобладанием доли взрослых в возрасте 35–60 лет, а также пожилых людей в возрасте 60 лет и старше. Анализ возрастной структуры сельского населения позволил выделить районы с наиболее благополучной (Черноземельский район) и неблагополучной (Сарпинский район) характеристиками.

Литература

Бадмаева Н. В., Иджаева Б. В. Демографический и трудовой потенциалы Республики Калмыкия // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. С. 136–142.

Годжаева С. Н. Население Калмыкии: основные тенденции изменения в 1990-х гг. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия Общественные науки. 2007. № 2. С. 86–89.

Намруева Л. В. Сельское население Республики Калмыкия: анализ отдельных статистических данных // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2015. № 3. С. 55–58.

Нухаева Б. Б. Население Республики Калмыкия по итогам Всероссийской переписи — 2010 г.: основные характеристики // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 128–133.

Очирова Н. Г. Трансформация социально-демографической структуры населения Республики Калмыкия в начале XXI в. // Россия и Центральная Азия: историко-культурное наследие и перспективы развития: Мат-лы Междунар. науч. конф. Элиста: КИГИ РАН, 2007. С. 5–7.

Распределение по возрастным группам / Росстат [электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 03.02.2017).

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016.: стат. сб. М.: Росстат, 2016. 1326 с.

Республика Калмыкия. Статистический ежегодник. 2015.: стат. сб. Элиста: Калмыкиятат, 2015. 302 с.

Республика Калмыкия. Статистический ежегодник. 2010.: стат. сб. Элиста: Калмыкиятат, 2010. 323 с.

Сарпинское районное муниципальное образование. Историческая справка [электронный ресурс] // URL: <http://sarpinskoe-rmo.ru/history/> (дата обращения: 10.03.2017).

Численность населения Республики Калмыкия на начало 2016 г. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Астраханской области и Республики Калмыкия [электронный ресурс] // URL: <http://astrastat..gks.ru/.htm> (дата обращения: 03.02.2017)

Социальная структура российского общества

К началу 1980-х гг. страна столкнулась с рядом сложностей, прежде всего, экономического, а также политического и социального характеров. Прежняя форма построения социализма исчерпала себя. Она соответствовала конфронтационной эпохе и социалистическому строительству без достаточных цивилизованных условий для общественного развития.

Неолиберальные реформы, которые проводятся в России с 1990-х гг., имеют своей политической целью трансформационные изменения общественных условий, институтов и отношений для улучшения качества жизни россиян. Годы трансформационных перемен в стране показали, что политическая система российского общества продолжает оставаться несовершенной. Становление новой российской государственности, создание гражданского общества в существенно изменившихся внешних и внутренних условиях кардинально меняют ценностные приоритеты экономического и социально-политического обновления, вызывают резкое обострение социальных противоречий. Поставив целью преобразований разрушение старого, Россия оказалась в глубоком системном кризисе, выход из которого обозначился только в последние годы.

«Трехчленная формула» не отражает действительное социально-структурное строение общества. Элементы социально-структурного строения современного общества, которые институционализированы и формализованы, включают:

- 1) классы и классоподобные образования (рабочий класс, крестьянство, интеллигенция);
- 2) политические группы (партии, общественно-политические и профессиональные образования и движения);
- 3) территориально-региональные группы, которые можно вычленивать по географическим, этническим или социально-экономическим критериям, а также в соответствии с административным делением страны;

4) вероисповедные группы: большие и малые;

5) демографические группы, которые выделяются по критериям пола, возраста, образования, профессии, социального происхождения и др.

Рыночные отношения привлекают новые социальные группы только еще нарождающегося капиталистического общества — частных предпринимателей, фермеров, менеджеров, кооператоров и т. п., которые стремятся к цивилизованным формам рыночного хозяйствования. В 1989 г. в России из почти 69,7 млн трудящегося населения рабочие составляли около 44,5 млн человек, в том числе интеллигенция (служащие и специалисты) — 21,1 млн человек, колхозники — 4,1 млн человек.

В рабочем классе выделяются несколько основных отраслевых отрядов: индустриальный (среднегодовая численность в 1989 г. составляла 17,6 млн человек); сельского и лесного хозяйства — 4,8 млн; транспорта и связи — 4,6 млн; строительства — 5,9 млн; торговли и общественного питания, материально-технического снабжения и сбыта, заготовок — 4,1 млн; прочих отраслей — 8,3 млн человек. Это горизонтальное строение рабочего класса, в котором наиболее многочисленным является отряд индустриальных рабочих.

Наряду с горизонтальным строением классов, имеет место и «вертикальное» строение с выделением соответствующих слоев. В рабочем классе различают слои низкой, средней и высокой квалификации.

В ходе социально-политического и экономического кризиса общества процесс классовой дифференциации на селе ускорился. Складывается тип крестьянина — представителя мелкотоварного хозяйства, носителя частнособственнических отношений. Часть крестьянства перерождается в фермеров, т. е. предпринимателей, непосредственно связанных с финансовым капиталом, другая — пополняет ряды сельскохозяйственных рабочих или уходит в города.

Наиболее сложна структура интеллигенции, которую иногда называют «классовоподобной социальной группой». Возрастает ее внутренняя дифференциация, углубляются различия в интересах разных слоев и отрядов интеллигенции, обусловленных их неоднозначным объективным положением в условиях рыночных отношений.

Всех волнует вопрос: какие формы примет процесс дальнейшей демократизации социально-групповых отношений. И если народам Российской Федерации удастся создать гуманное, демократическое общество, основанное на свободе и правах человека, взаимном ува-

жении наций, общественных классов, социальных слоев, отношениях гражданской взаимопомощи, высоком качестве жизни, свободе творческого развития личности, то его с достаточным основанием можно будет называть социально справедливым.

Таким образом, предстоит «искать линии развития» «высших» проявлений человеческой жизни, опираясь на их зависимость от развития основных его условий [Богданов 1990: 28].

Это стало бы реальным воплощением тезиса «о первичном определяющем значении гражданских и политических прав в формировании судеб человечества», который выдвигал и защищал на протяжении всей своей жизни лауреат Нобелевской премии А. Д. Сахаров [Сахаров 1990: 50].

Россия определилась в выборе идентификации развития. Поэтому для граждан нашей страны неопределенность сегодня уходит, и они начинают более осознанно и целеустремленно выстраивать на будущее свои приоритеты.

Литература

Богданов А. А. Вопросы социализма: работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. 479 с.

Сахаров А. Д. Мир, прогресс, права человека. Статьи и выступления. Л.: Советский писатель, 1990. 128 с.

Л. Ю. Спиридонова
(научный сотрудник,
Институт комплексных исследований
аридных территорий)
DOI 10.22162/2587-6503-2017-2-2-42-48

Культурное обслуживание населения в Республике Калмыкия (по материалам исследований 2012–2015 гг.)

Культура в современных условиях становится важнейшим стратегическим ресурсом, требующим должного внимания со стороны государства. Государство должно, с одной стороны, формировать культурную жизнь общества в целом (особенно необходима грамотная молодежная политика), с другой — согласовывать культурные потребности и интересы различных слоев общества, территориальных, национальных и других общностей. В связи с этим следует отметить, что удовлетворенность услугами в сфере культуры во многом определяет комфортность проживания населения на данной территории [АОСИ 2012–2015 гг.].

Предметом исследования в рамках проекта «Организация и проведение социологического опроса при определении уровня оценки населением результатов деятельности органов местного самоуправления городского округа и районных муниципальных образований Республики Калмыкия» являлась удовлетворенность культурным обслуживанием в течение 2012–2015 гг., осуществленного отделом социологических исследований ИКИАТ.

В таблице 1 представлены обобщенные данные, полученные за все время мониторинга.

Таблица 1. Удовлетворенность качеством культурного обслуживания населения по месту Вашего жительства (в %) [Источник: АОСИ 2012–2015 гг.]

Варианты ответов	Годы			
	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Удовлетворен	45,6	44,6	47,1	50,8
Не удовлетворен	41,9	39,9	41,0	36,4
Затрудняюсь ответить	12,5	15,5	11,9	12,8

Необходимо отметить, что доля населения, удовлетворенного культурным обслуживанием, немного возросла. В ходе социологического исследования учитывался и административно-территориальный фактор, поскольку граждане в зависимости от места своего проживания (город или сельская местность) могли по-разному оценивать эту муниципальную услугу. Как видим из таблицы 2, здесь наблюдаются некоторые расхождения в оценке качества культурного обслуживания населения жителями города Элисты и жителями сельской местности. Заметим, что несколько увеличившийся уровень удовлетворенности культурным обслуживанием (в среднем по республике) сопровождается увеличением количества удовлетворенных данной муниципальной услугой среди сельчан (см. табл. 2).

Таблица 2. Доля удовлетворенных качеством культурного обслуживания по республике за 2012–2015 гг. в зависимости от места жительства (в %)

[Источник: АОСИ 2012–2015 гг.]

Место жительства	Годы			
	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Город Элиста	38,4	37,9	37,0	46,0
Райцентры	50,3	46,5	52,6	51,8
Села	49,5	54,1	55,0	57,9

Обращает на себя внимание тот факт, что в Элисте, несмотря на объективно большую обеспеченность и доступность услуг культурных учреждений, удовлетворенных качеством культурного обслуживания меньше, чем в сельской местности. В то время как в райцентрах и селах удовлетворенных качеством культурного обслуживания заметно больше. Именно в сельской местности за все время мониторинга и был зафиксирован самый высокий показатель удовлетворенности культурным обслуживанием — в Черноземельском районе (см. табл. 3).

Таблица 3. Уровень удовлетворенности качеством культурного обслуживания по районным муниципальным образованиям и городскому округу за 2012–2015 гг. (в %)

Муниципальное образование	Годы			
	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Городовиковский район	52,7	41,7	48,6	44,4

Ики-Бурульский район	84,1	54,5	61,4	45,4
Кетченеровский район	16,7	40,5	59,5	45,2
Лаганский район	13,9	0	40,5	54,8
Малодербетовский район	64,3	63,6	45,6	54,8
Октябрьский район	66,7	58,3	50,0	61,1
Приютненский район	27,1	39,6	50,0	52,1
Сарпинский район	51,7	64,3	50,0	62,6
Целинный район	46,8	53,7	52,4	55,6
Черноземельский район	84,9	84,0	74,0	74,0
Юстинский район	67,4	52,4	64,3	66,7
Яшалтинский район	47,8	47,7	64,7	59,7
Яшкульский район	53,4	61,0	37,9	43,1
г. Элиста	38,0	37,9	37,0	46,0

Анализ полученных данных, на наш взгляд, свидетельствует, с одной стороны, о некотором расхождении в уровне притязаний и требований к культурному обслуживанию по месту проживания среди горожан (более высокие требования) и жителей сельской местности. С другой стороны, следует принимать во внимание, что 2014 г. был объявлен Годом культуры. И многие планируемые в связи с этим события мероприятия (реставрация и ремонт Домов культуры, экспозиции в музеях, концерты, ярмарки и т. п.) были нацелены на поддержание культуры именно в сельской местности. Таким образом, можно говорить о том, что мероприятия, проведенные в рамках Года культуры, способствовали повышению уровня удовлетворенности сельчан культурным обслуживанием, что не могло не отразиться на полученных данных.

Разброс мнений жителей различных муниципальных образований об уровне удовлетворенности культурным обслуживанием достаточно велик. Положительная динамика наблюдается в Приютненском (с 27,1 % до 50,0 %), Юстинском и Лаганском районах. В Черноземельском районе показатели, напротив, несколько снизились. Отметим, что в столице — городе Элисте — удовлетворены культурным обслуживанием лишь менее половины жителей.

В исследовании мы стремились не просто выявить уровень удовлетворенности населения республики муниципальными услугами, также нашей задачей было выявление причины существующего недовольства данным показателем. По каким же причинам граждане республики не удовлетворены культурным обслуживанием по месту своего проживания? Полученные ответы на этот вопрос распределились следующим образом (см. табл. 4).

Таблица 4. Причины неудовлетворенности населения РК качеством культурного обслуживания (% числа не удовлетворенных показателем). Сводные данные по РК. 2012–2015 гг. (в %) [Источник: АОСИ 2012–2015 гг.]

Причины	Годы			
	2012	2013	2014	2015
Плохая работа учреждений культуры	34,9	48,0	60,6	71,6
Слабая материально-техническая база учреждений культуры	36,2	47,2	42,8	45,1
Плохо организован досуг населения	59,7	52,6	35,8	24,1
Недостаточный профессиональный уровень	10,7	15,9	27,5	20,3
Нет учреждений культуры или они не работают	24,8	25,9	16,9	8,6
Не устраивает режим работы учреждений культуры	5,4	7,8	7,0	5,0
Другое	2,3	1,1	3,4	1,0

Основными причинами неудовлетворенности качеством культурного обслуживания по месту жительства населения были названы плохая работа учреждений культуры, слабая материально-техническая база учреждений культуры и плохая организация досуга населения. Заметная доля отрицательно ответивших жителей также ссылается на недостаточный профессиональный уровень специалистов по организации культурного обслуживания населения. Некоторая доля респондентов из этой группы отметила, что по месту их проживания нет учреждений культуры или что они не работают. Небольшую часть из той же группы жителей не устраивает режим работы учреждений культуры. Незначительная часть из числа негативно ответивших респондентов ссылается на другие причины: «уровень артистов низкий», «нет художественного руководителя», «нет баяниста», «не отапливается», «клуб сгорел», «нет ничего для пожилых людей».

Резюмируя все вышесказанное, заметим, что ситуация, сложившаяся в сфере культурного обслуживания населения в республике, весь-

Таблица 5. Учреждения культуры (на конец года)
 [Источник: Республика Калмыкия: стат. ежегодник 2015: 71]

Учреждения	Годы										
	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014		
Число профессиональных театров – всего	4	4	3	3	3	2	2	2	2		
В том числе: драмы, комедии и музыкальные	3	3	2	2	2	2	2	2	2		
В том числе: детские и юного зрителя	1	1	1	1	1	—	—	—	—		
Численность зрителей, тыс. чел.	64,2	55,7	55,6	56,4	32,8	23,2	27,1	34,9	33,6		
Число посетителей театров на 1000 чел. населения	209	190	191	194	113	81	95	123	119		
Число музеев (включая филиалы)	5	5	1	1	1	1	1	1	1		
Число посещений музеев: всего тысяч	26,2	34,9	25,5	27	30	22,3	23	23,7	23,9		
В среднем на 1000 чел. населения	85	119	88	93	104	77	81	84	85		
Число учреждений культурно-досугового типа	203	175	160	156	155	155	150	150	149		
В городах и поселках городского типа	12	7	9	8	7	7	6	6	6		
В сельской местности	191	168	151	148	148	148	144	144	143		
Число общедоступных библиотек	178	172	159	157	156	149	149	149	148		
В городах и поселках городского типа	21	21	16	15	14	10	10	10	10		
В сельской местности	157	151	143	142	142	139	139	139	138		
Библиотечный фонд, тыс. экз.	2 963,3	3 041,3	2 981,7	2 978,9	2 934,4	2 879,4	2 841,9	2 817,6	2 734,3		
В городах и поселках городского типа	1 055,1	1 138	1 143	1 141,7	1 112,4	1 093,5	1 066,8	1 054	1 034,1		
В сельской местности	1 908,2	1 903,3	1 838,7	1 837,2	1 822	1 785,9	1 775,1	1 763,6	1 700,2		
Число экземпляров в среднем на 1000 чел. населения	9 644	10 362	10 271	10 283	10 157	10 043	10 003	9 991	9 744		
В городах и поселках городского типа	7 994	8 842	8 951	8 933	8 738	8 583	8 393	8 332	8 175		
В сельской местности	10 886	11 549	11 315	11 348	11 275	11 211	11 306	11 341	11 040		

ма проблематична. Как можно говорить об уровне удовлетворенности культурным обслуживанием, если в населенном пункте нет учреждений культуры или же они не работают. В случае, если учреждения и имеются по месту проживания, то работают они, по мнению самих же респондентов, не на должном уровне. Полученные результаты согласуются с данными Калмыкиястата (см. табл. 5)

Как видим, количество учреждений культуры из года в год, к сожалению, сокращается. Справедливости ради следует отметить, что в Калмыкии ситуация в сфере культурного обслуживания населения во многом схожа с ситуацией, сложившейся в этой же сфере в общероссийском масштабе. Так, министр культуры РФ В. Мединский на заседании Совета по государственной культурной политике отметил, что в некоторых населенных пунктах России учреждения культуры просто отсутствуют. Кроме в нашей стране существует острая необходимость строительства новых Домов культуры, отвечающих современным нормативам. Кроме строительства новых Домов культуры, необходима и модернизация материально-технической базы существующих Домов культуры, поскольку она крайне устарела. Износ оборудования нынешних Домов Культуры на общероссийском уровне составляет порядка 70 %. Также особого внимания и заботы требуют школьные библиотеки, сельские клубы, кружки для детей, народные художественные коллективы, а также народные промыслы [Стенограмма заседания Совета... 2013].

Литература

Архив отдела социологических исследований БНУ РК «ИКИАТ». Организация и проведение социологического опроса при определении уровня оценки населением результатов деятельности органов местного самоуправления городского округа и районных муниципальных образований Республики Калмыкия: социол. опрос [проводился в 2012–2015 гг. в г. Элисте и 13 районах республики, выборка — 1 151 респондент] / Ин-т комплекс. исслед. арид. территорий; С. Э. Лиджи-Горяева, Л. Ю. Спиридонова, Э. Ю. Ункуров.

Республика Калмыкия [Текст]: статистический ежегодник: [официальное издание] / Федеральная служба гос. статистики, Территориальный орган Федеральной службы гос. статистики по Республике Калмыкия (Калмыкиястат); [редкол.: Т. Б. Кегдеева (пред.), Т. И. Матвенова, Н. С. Есенов]. Элиста: Территориальный орган Федеральной службы гос. статистики по Республике Калмыкия, 2015. 154 с.: табл.

Стенограмма заседания Совета по государственной культурной политике при председателе Совета Федерации на тему «О концепции проведения Года

культуры в Российской Федерации» от 19 июня 2013 года [Электронный ресурс] // URL: <http://www.mkrf.ru/press-tsentr/novosti/ministerstvo/v-sovete-federatsii-proshlo-zasedanie-soveta-po-gosudarstvennoy-kulturnoy-politi> (дата обращения: 20.04.2017).

Э. Ю. Ункуров, С. Э. Лиджи-Горяева
(научный сотрудник,
Институт комплексных исследований
аридных территорий;
канд. социол. наук, зав.отделом,
Институт комплексных исследований
аридных территорий)
DOI 10.22162/2587-6503-2017-2-2-49-53

Муниципальные услуги в сфере ЖКХ: региональный аспект

Жилищно-коммунальное хозяйство представляет собой отрасль сферы услуг и важнейшую часть территориальной инфраструктуры, определяющую условия жизнедеятельности человека, прежде всего, комфортности жилища, от которых зависят состояние здоровья, качество жизни и социальный климат в населенных пунктах.

Поэтому развитие жилищно-коммунальной сферы является одним из важных системных факторов устойчивого социально-экономического развития страны. Экономическая эффективность жилищно-коммунальной системы достаточно значительна, но ее косвенное воздействие на эффективность общественного воспроизводства капитала является еще более значимой, так как она определяет уровень и качество жизни населения Российской Федерации и её регионов.

Обеспечение населения жильем является важнейшей социально-экономической проблемой, так как жилье — это главный показатель социального благополучия того или иного государства и граждан [Комиссарова 2010: 185].

Жилищное коммунальное хозяйство (ЖКХ) оказывает заметное влияние на всю экономику страны. Например, строительство нового жилья требует освоения новых территорий (строительство новых дорог, прокладка подземных сетей), развития транспорта, ввода коммунальных предприятий, обеспечивающих жителей водой, теплом и другими жизненно необходимыми услугами, а также социальных учреждений, предприятий и организаций всей сферы обслуживания населения [Комиссарова 2010: 186].

На сегодняшний день проблема состояния и развития ЖКХ является одной из наиболее острых проблем для страны в целом, и её ре-

гионов в частности. Неслучайно этот вопрос обсуждался на заседании Президиума Государственного совета РФ и на встрече с руководителями парламентских партий.

Важность данной проблемы подтверждают и опросы общественного мнения: если раньше на первом месте в числе вопросов социальной напряженности в обществе стояли зарплата, пенсии и лекарства, то сейчас все это отходит на второй план, на первое место выходят проблемы в сфере ЖКХ.

Предваряя анализ материалов исследования, попытаемся раскрыть вкратце содержание понятия ЖКХ.

Жилищно-коммунальное хозяйство понимается как отрасль, а вернее, совокупность отраслей, обеспечивающих жизнь и работу населения страны в комфортных условиях, а также снабжение предприятий отраслей народного хозяйства необходимыми ресурсами воды, газа, тепла и электроэнергии [Жилищно-коммунальное хозяйство 2017].

Жилищно-коммунальное хозяйство в широком смысле подразумевает:

- Энергоснабжение: электроснабжение — обеспечение поставки электричества; газоснабжение — обеспечение поставки газа; теплоснабжение — обеспечение поставки горячей воды и тепловой энергии, обеспечение работы котельных и ТЭЦ; энергосбережение.

- Составление, хранение и использование цифровых карт города, включающих: сети коммунальных ресурсов и канализации, транспортные пути, здания, сети коммуникаций и др.

- Слаботочные сети (системы коммуникации и контроля): радиотрансляционная сеть; телевизионная антенна и кабель; телефонная сеть; компьютерная сеть; домофон; видеонаблюдение в местах общего пользования; технические средства вневедомственной охраны.

- Вывоз мусора: мусоропровод; утилизация и переработка твердых бытовых отходов.

- Молниезащита зданий.

- Система защиты зданий и сооружений от пожара и пожарной безопасности.

- Капитальный ремонт и модернизация зданий.

- Содержание и текущий ремонт внешних сетей, внутренних общедомовых инженерных коммуникаций и систем здания.

- Текущая уборка и санитарно-эпидемиологическая обработка мест общего пользования, в том числе дератизация и дезинсекция.

- Уборка дорог и содержание придомовых территорий (благоустройство) в городах и поселениях [Жилищно-коммунальное хозяйство... 2017].

Как видим, спектр услуг в сфере ЖКХ весьма обширный. В исследованиях последних лет уделяется большое внимание тому, какие проблемы больше всего беспокоят, наиболее болезненно воспринимаются гражданами. По опросам, проведенным в различных регионах страны, самой большой проблемой жилищно-коммунального хозяйства россияне считают платежи: непрозрачность при составлении квитанций, непонятные перерасчеты и дополнительные сборы. Именно на это жалуется каждый четвертый из тех, кто обращается за помощью в региональные центры общественного контроля [ЖКХ Контроль... 2015: 1].

На основе обращений граждан эксперты НП «ЖКХ Контроль» составили рейтинг самых острых коммунальных проблем. Лидером такого рейтинга в 2015 г. стало начисление платы за коммунальные услуги: люди не понимают, за что они платят и почему цены постоянно растут, а качество услуг не меняется.

В частности, особенно остро стоит проблема начислений за теплоснабжение: «Отопление — это не только самая затратная, но и самая запутанная статья расходов. Ежемесячная оплата теплоносителя (вне зависимости от отопительного сезона), перерасчеты в конце года — все это делает практически невозможным для потребителя проконтролировать правильность начислений» [ЖКХ Контроль... 2015: 1].

Другими важными проблемами, по мнению россиян, являются неудовлетворительное состояние дома и двора, проблемы со счетчиками, аварийное и ветхое жилье, лицензирование управляющих компаний.

Похожие проблемы в сфере ЖКХ наблюдаются и в Республике Калмыкия. В течение ряда лет в республике проводится мониторинг удовлетворённости населения качеством оказываемых муниципальных услуг.

Ежегодно выборка исследования составляла примерно 1 151 респондент. Опрос осуществлялся в 13 районах республики и городе Элисте. При построении выборки были определены типичные населенные пункты. Всего их было выбрано 42. Распределение числа респондентов по этим населённым пунктам осуществлялось пропорционально фактической численности жителей в них, в районах республики и городе Элисте.

По данным мониторинга, уровень удовлетворённости граждан республики качеством теплоснабжения за 2013–2016 гг. невысокий. При

этом оценки заметно колеблются: в 2013 г. это третья часть, в 2014 г. — менее четверти, в 2015 г. — немногим более четверти, в 2016 г. — почти половина опрошенных граждан. Судя по последним данным, наблюдаются определенные положительные сдвиги, тем не менее проблемы сохраняются для значительной части населения.

Говоря о причинах неудовлетворенности качеством теплоснабжения, наши граждане называют, в первую очередь, высокую оплату за отопление и некомфортный температурный режим в квартирах. Особенно актуально это для элистинцев и жителей райцентров республики.

Часто жители республики жалуются на состояние благоустройства населенных пунктов, в которых они проживают. В целом по республике немногим более трети населения удовлетворены качеством благоустройства населенных пунктов, в которых они проживают. Отметим, что из года в год ситуация практически не изменяется.

Самые низкие оценки удовлетворенности благоустройством населенных пунктов зафиксированы в Ики-Бурульском (22,7 %) и Приютненском районах (22,9 %). Не лучше ситуация с благоустройством и в городе Элисте (27,4 %) (см. табл. 1).

Таблица 1. Уровень удовлетворенности качеством услуг по благоустройству населенного пункта по районным муниципальным образованиям и городскому округу за 2012–2015 гг., в %

Муниципальные образования	Годы			
	2012	2013	2014	2015
Городовиковский район	50,0	37,5	25,0	40,3
Ики-Бурульский район	50,0	34,1	29,5	22,7
Кетченеровский район	23,8	47,6	35,8	38,1
Лаганский район	69,7	7,6	30,4	29,1
Малодербетовский	35,7	45,5	23,8	31,0
Октябрьский район	36,1	38,9	30,6	33,3
Приютненский район	33,3	41,7	37,5	22,9
Сарпинский район	20,7	23,2	30,4	14,3
Целинный район	22,8	22,5	27,5	29,6
Черноземельский район	60,4	70,0	62,0	58,0
Юстинский район	46,5	16,7	19,0	26,2
Яшалтинский район	20,9	28,4	29,4	43,3
Яшкульский район	27,6	37,3	20,7	27,6
г. Элиста	34,5	27,4	27,4	43,4

Наиболее высокие показатели удовлетворенности благоустройством населенных пунктов, по данным мониторинга, фиксировались в Черноземельском районе, но и здесь данный показатель постепенно снижается.

Основные причины неудовлетворенности качеством услуг по благоустройству населенных пунктов — это плохая освещенность улиц; неудовлетворительное состояние внешнего вида зданий, сооружений, прилегающих территорий и мест общего пользования; недостаточное озеленение населенных пунктов, то есть все то, что беспокоит наших граждан в больших и малых населённых пунктах.

Таким образом, материалы исследования за последние годы и их анализ позволяют констатировать значительные проблемы в сфере услуг ЖКХ как на федеральном, так и региональном уровнях.

Выявление этих проблем является важной исследовательской задачей. Положительные сдвиги в этой сфере будут свидетельствовать о создании комфортных условий жизни для каждого жителя республики.

Литература

Архив отдела социологических исследований. Организация и проведение социологического опроса при определении уровня оценки населением результатов деятельности органов местного самоуправления городского округа и районных муниципальных образований Республики Калмыкия: социол. опрос [проводился в 2012–2016 гг. в г. Элисте и 13 районах республики, выборка — 1151 респондент] / Ин-т комплекс. исслед. арид. территорий; С. Э. Лиджи-Горяева, Л. Ю. Спиридонова, Э. Ю. Ункуров.

Жилищно-коммунальное хозяйство [электронный ресурс] // URL: [https:// wikipedia.org/wiki/](https://wikipedia.org/wiki/) (дата обращения: 20.04.2017).

ЖКХ Контроль. Самые острые проблемы ЖКХ по мнению россиян [электронный ресурс] // URL: <http://gkhkontrol.ru/2015/03/22604> (дата обращения: 20.04.2017).

Комиссарова Л. А. ЖКХ как фактор устойчивого социально-экономического развития страны // Вестник НГИЭИ. 2010. Т. 1. № 1. С. 185–192.

С. В. Церенов

(канд. экон. наук,

г. Элиста)

DOI 10.22162/2587-6503-2017-2-2-54-59

Тенденции в развитии экономики Калмыкии в 2011–2016 гг.

Текущий экономический кризис в России усугубил проблемы социально-экономического положения Калмыкии. Объявленные крупные частные инвестиционные проекты, призванные стать локомотивами развития региональной экономики, частью так и не завершены, частью просто не включены в производственный цикл республики в силу своих особенностей. Инвестиции в основной капитал в республике снизились в 2015 г. по сравнению с предыдущим годом на 37,8 % [Основные... 2016], в 2016 г. еще на 28,6 % [Основные... 2015]. Индекс ВРП в 2015 г. упал на 4,1 % [Центральная база...]. Без инвестиций нет развития.

Темпы роста экономики Калмыкии недостаточны для выхода на траекторию устойчивого развития: реальный прирост ВРП достигнут на уровне 5,3 % за 2011–2015 гг. вместо требуемых минимальных 28 % (5 % в год), доля ВРП Калмыкии в ВВП России за последнее 10-летие не превышает 0,1 % [Центральная база...].

Как следствие, республика в рейтинге российских регионов по качеству жизни опустилась с 80 места в 2012 г. до 83 места в 2016 г. [Рейтинг... 2016]. По социально-экономическому положению — с 77 места в 2012 г. до 81 места в 2015 г. [Рейтинг... 2015].

Средняя заработная плата в республике за 2016 г. составляет 57,5 % от среднероссийской (в периоде значения находились в пределах 53,2 % — 59,4 %), в то время как стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг составляет 91 % среднероссийской (в периоде значения в пределах 88 % — 92 %) [Основные... 2015]. Среднедушевые доходы составляют около 1,5 официальных прожиточных минимума (с учетом занижения официальной методики расчета прожиточного минимума на 10 % с 2015 г.) при максимальном значении в периоде 1,8 в 2012 г. и позволяют приобрести лишь 1 фиксированный набор потребительских товаров и услуг [Рейтинг... 2016]. Таким образом, в республике сложилась относительно высокая стоимость жизни при относительно низкой заработной плате.

Численность населения республики продолжает сокращаться вследствие миграционной убыли и недостаточного естественного прироста для воспроизводства населения. Суммарный коэффициент рождаемости не превышал значения 1,9 с 1996 г. (пиковое значение периода 1,889 прошло в 2012 г.) и не достигает минимального критического значения 2,2, что означает отсутствие воспроизводства населения республики за последние 20 лет [Центральная база...]. Показатели естественного прироста в расчете на 1 000 чел. упали с +4,9 в 2012 г. до +2,8 в 2016 г. [Основные... 2015]. В итоге в республике сейчас осталось менее 280 тыс. чел. с прогнозом дальнейшего снижения численности к 2031 г. до 260 тыс. человек. При этом уменьшение сельского населения республики (со 162 тыс. до 154 тыс. человек) происходило опережающими темпами по сравнению с уменьшением городского населения (со 127,7 тыс. до 126,5 тыс. чел.), что влияет на территориальную структуру экономики Калмыкии.

Безработица в республике в 2016 г. оценивается на уровне 10,6 % [Основные... 2015], снизившись с уровня 14,2 % в 2011 г. На мой взгляд, на данный показатель оказывают влияние следующие факторы: во-первых, снижающаяся численность населения республики; во-вторых, произошло увеличение количества граждан нетрудоспособных возрастов (за 2012–2015 гг. граждан старше трудоспособного возраста стало больше на 20 %, в то время как граждан младшего поколения стало больше лишь на 3 %, а граждан трудоспособного возраста стало меньше на 11 % [Центральная база...]); в-третьих, многие граждане решают вопрос с трудоустройством за пределами Калмыкии (что в свою очередь вызывает культурно-демографические последствия в виде ослабления национальной идентичности и семейно-родственных связей), вследствие чего и фиксируется меньшая напряженность на рынке труда по сравнению с предыдущими годами. Этот вывод подтверждается общим сокращением в 2010–2016 гг. средней численности работников с 60 тыс. до 47,3 тыс. [Центральная база...].

Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума превышает 33 % [Центральная база...] (меньше в периоде было только в 2012 г. — 31 %), при этом методика расчета прожиточного минимума в Калмыкии была изменена в 2015 г. путем уменьшения с 55 % до 45 % соотношения стоимости непродовольственных товаров и услуг со стоимостью продуктов питания, что в итоге приводит к реальному занижению размера прожиточного минимума по сравнению с преды-

дущей методикой на 10–15 % в зависимости от категории населения (трудоспособное, пенсионеры, дети) и соответствующему занижению доли населения с доходами ниже прожиточного минимума (по нашим расчетам, действительная доля бедных выше 40 % населения). Таким образом, требуется изменение официальной методики расчета прожиточного минимума для реального отображения экономических процессов в республике и принятия обоснованных решений по поддержанию уровня жизни граждан.

Учитывая обстоятельства, крайне неблагоприятные последствия для граждан Калмыкии повлечет возможная реализация обсуждаемых инициатив об оплате социальных услуг (например, обязательного медицинского страхования) для неработающих граждан за их собственный счет, поскольку таких средств у них просто нет.

Принимая во внимание уже произошедшие и пока что обсуждаемые изменения в пенсионной системе, при сохранении данных экономических тенденций можно также прогнозировать высокую вероятность неблагоприятных последствий для граждан Калмыкии, поскольку сочетание высокого уровня безработицы, низких заработных плат, условий интенсивной трудовой миграции за пределы республики (когда права работников не соблюдают и не оформляют документально должным образом) влияет на показатели трудового стажа и заработной платы, учитываемые при расчете будущей пенсии, а также на способность граждан откладывать часть заработка на будущую пенсию.

Достаточно сказать, что экономически бедные граждане просто не в состоянии накопить достойную пенсию за счет снижения текущих расходов, а преодоление бедности начинается со среднедушевых доходов, превышающих 3 реальных (а не официальных статистических) прожиточных минимума, то есть на данный момент с 60 тысяч рублей в месяц, по оценке Всероссийского центра уровня жизни.

При сохранении нынешних экономических тенденций в республике негативные последствия для граждан Калмыкии повлечет и реализация инициативы Министерства финансов РФ «22/22», так как повышение базовой ставки НДС на 4 % при одновременном снижении ставки социальных страховых взносов на 6 %, вероятнее всего, приведет к снижению доходов основной части граждан, поскольку рост их зарплат или пенсий на те же 6 % вовсе не гарантирован, в отличие от роста цен на потребительские товары.

Такие же негативные последствия для доходов граждан республики повлечет и возможное введение налога с продаж, потому что в Калмыкии сохраняется ограниченность потребительского рынка: подушевой оборот розничной торговли составил в периоде примерно треть от среднероссийского вследствие низких доходов домохозяйств, снижения численности населения, повышенных темпов инфляции (62,2 % за 6 лет).

В республике наблюдается недостаток средств у коммерческих организаций: удельный вес убыточных организаций в 2011–2015 гг. вырос с 25,7 % до 51,4 %, при этом сальдированный финансовый результат отрицателен (кроме 2015 г.), основная доля убытков приходится на сектор «производство и распределение электроэнергии, газа и воды» [Центральная база...]. При таких обстоятельствах частные инвестиции не способны решить макроэкономические проблемы Калмыкии.

Исполнение бюджета в периоде было дефицитным, кроме 2012 г., отношение государственного долга республики к собственным налоговым и неналоговым доходам бюджета за 2016 г. составило 94,7 % (3,36 млрд рублей) [Рейтинг субъектов РФ... 2015], увеличившись в 2,5 раза по сравнению с началом 2011 г. Для повышения устойчивости республиканского бюджета можно предложить передачу на федеральный уровень финансирования медицинского страхования неработающего населения (однако без других мер это может отрицательно повлиять на активность региональных властей по созданию рабочих мест) и льгот для жертв политических репрессий (что обосновано историей проблемы).

Указанные процессы вкуче означают высокий риск несоответствия бюджетных расходов объективным потребностям общества, ухудшения социально-экономического положения в республике, снижения качества жизни, отставания в уровне развития от других регионов и как следствие — нарастания общественной напряженности. Сочетание данных тенденций и прогнозов означает высокую вероятность укоренения в республике в макроэкономическом масштабе такого явления, как застойная бедность, преодоление которого требует неординарных решений и усилий.

В целом динамика экономических показателей указывает на нарастающую проблему наполнения доходной части консолидированного бюджета Калмыкии для финансирования устойчивого развития

республики. В сложившихся условиях было бы необоснованным рассчитывать на достаточный для этих целей прирост собственных доходов республиканского и муниципальных бюджетов, поскольку возможности налогоплательщиков республики находятся на пределе, а налоги должны быть экономически обоснованными. Экономика республики находится если не в кризисе, то в стагфляции по следующим признакам: низкие темпы роста ВРП, высокий уровень безработицы и бедности, повышенные темпы инфляции.

Для устойчивого развития республики требуются непрерывные повышенные бюджетные инвестиции в региональную экономику до накопления критической массы доходов местных домохозяйств и организаций. Очевидно, что для успешного развития республики требуется применение специальных экономических инструментов развития.

Таким инструментом могла бы стать комплексная долгосрочная Федеральная программа развития Калмыкии, предусматривающая как меры прямого федерального финансирования по развитию инженерной и социальной инфраструктуры, так и специальные бюджетный, налоговый и таможенный режимы для развития местного бизнеса в республике. Подобные программы использовались и используются для решения экономических проблем субъектов федерации, например, Ингушетии, Крыма, Чеченской Республики. Таким образом, Правительству Калмыкии во взаимодействии с Правительством России следовало бы решить вопрос о разработке Федеральной программы развития республики.

При этом нужно учесть, что успешность реализации такой программы зависит не только от качества понимания объективных экономических условий республики, предвидения ее будущего состояния и предложения способов достижения общественных целей, но в не меньшей степени и от компетентности государственного аппарата управления всех уровней и вовлечения граждан Калмыкии в решение общественных проблем.

Литература

Основные показатели социально-экономического положения субъектов РФ в 2015 году (по данным Росстата) // Российская газета. 2016. 11 марта.

Основные показатели социально-экономического положения субъектов РФ в 2016 году (по данным Росстата) // Российская газета. 2017. 10 марта.

Рейтинг российских регионов по качеству жизни — 2016 / РИА Рейтинг [электронный ресурс] // URL: <http://riarating.ru/regions/20170220/630056195.html> (дата обращения: 20.04.2017).

Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ: итоги 2015 года / РИА Рейтинг [электронный ресурс] // URL: http://riarating.ru/regions_rankings/20160615/630026438.html (дата обращения: 20.04.2017).

Рейтинг субъектов РФ по уровню долговой нагрузки — Итоги 2016 года / РИА Рейтинг [электронный ресурс] // URL: <http://riarating.ru/regions/20170302/630057274.html> (дата обращения: 20.04.2017).

Республика Калмыкия. Статистический ежегодник 2015. Элиста: Калмыкиястат, 2015. 302 с.

Центральная база статистических данных Федеральной службы государственной статистики России. [Электронный ресурс] URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/> (дата обращения: 20.04.2017).

**МАТЕРИАЛЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«Проблемы социальной и межэтнической интеграции
российского общества», посвященной 70-летию
доктора социол. наук Б. М. Муняновой
(25 сентября 2017 г., г. Элиста, КалмНЦ РАН)**

А. И. Бардаков
(д-р. полит. наук,
профессор, Волгоградский институт
управления — филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС)
DOI 10.22162/2587-6503-2017-2-2-61-71

Российская нация в фокусе межэтнической интеграции и социальной миграции

На российском обществоведческом исследовательском поле актуализировалась проблема российской нации. Для прояснения перспектив российской нации попытаемся сфокусировать, свести в одну точку межэтническую интеграцию и социальную миграцию, поскольку они были определяющими факторами в формировании наций. В контексте становления российской нации межэтническая интеграция и социальная миграция являются одним из частных вопросов этого большого политического процесса. Актуальность интеграции и миграции для теории и практики будет возрастать по двум основным причинам. Во-первых, численность населения России без интеграции и притока мигрантов будет иметь устойчивую тенденцию к сокращению, что в условиях огромной территории страны обусловит экономические, политические и многие другие проблемы. Следовательно, российское государство заинтересовано в интенсификации интеграции и притоке мигрантов. Во-вторых, в связи с отсутствием рабочих мест, качественного образования, неравномерностью рождаемости в регионах России и многим другим причинам внутренняя миграция стала объективной реальностью для современного российского общества, что требует тщательной проработки теоретических и практических процессов интеграции.

Миграционные потоки из других стран и внутренняя миграция были и остаются важным фактором, влияющим на социальные и межэтнические интеграционные процессы в России. Для раскрытия содержательной стороны интеграции и миграции в современной России необходимо определиться с понятийным и терминологическим аппаратом. Ранее предложенная методология исследования [Бардаков 2016: 42] позволяет вести речь о двух видах миграции — социальной и естественно-природной, или биотической. Качественная определенность социальной миграции проявляется в сохранении и повышении

общественного статуса индивида, а биотической миграции обнаруживается в стремлении сохранения жизни. Данная методология базируется на единстве и взаимосвязи трех форм бытия — природы, социума, культуры, — которые определяют три основных вектора развития современного индивида и общества. Соответственно культура как форма бытия детерминирует качественную определенность культурной миграции, сущностью которой является развитие человеческих свойств индивида.

Исходя из трех видов миграции (биотическая, социальная, культурная), видимо, можно более продуктивно понять и раскрыть процессы межэтнической интеграции и социальной миграции всего российского общества в целом и российской нации в частности. Для ясности и однозначности понимания предмета исследования хотим заметить, что термин «интеграция» будет использоваться в своем обычном значении как «соединение в одно целое того, что раньше существовало в рассеянном виде» [Интеграция...], соответственно словосочетание «социальная интеграция» будет обозначать соединение в одно целое общественных отношений. Социальная интеграция не существует вне биотической базы, и ей свойственны культурные аспекты, но она не сводима ни к первому, ни ко второму. Социально интегрироваться — это значит стать необходимым и неотъемлемым элементом, прежде всего, экономической, политической и военной сфер общества. Так, введенная квота на количество призывников в ряды российской армии из республик Северного Кавказа не способствует сплоченности российского общества. Конечно, социальная интеграция не может не затрагивать духовной сферы, но она не может стать определяющей в этой сфере, поскольку становление духовности сопряжено с биотической и культурной составляющей общества и индивида. Таким образом, социальная интеграция осуществляется в формах бытия социума и взаимосвязана с формами бытия природы и культуры.

Гораздо сложнее в терминологическом и понятийном плане выглядит процесс межэтнической интеграции. Своеобразную артикуляцию эта проблема получила осенью 2016 г. после поручения Президента Российской Федерации подготовить закон «О российской нации». В СМИ, а затем и в научном сообществе этой проблеме уделено достаточно много внимания [Городецкая 2016; Василенко, Сидоренко 2017], но надеяться на результативность ни в теории вопроса, ни практике не приходится.

Проблема заключается в том, что межэтническая интеграция имеет корреляцию с различными стадиями, уровнями этнического развития. Можно оспаривать, что этническая группа проходит свое становление через состояние рода, племени, народности или иные стадии, чтобы стать нацией. Однако независимо от количества стадий развития этнической группы достаточно очевидно, что в эволюционном процессе этого феномена такие стадии есть, они с необходимостью предполагают различные уровни его социально-культурного развития. Соответственно наличие различных стадий социально-культурного развития у целого ряда этнических сообществ России оказывает существенное влияние на межэтническую интеграцию в российском сообществе. Следуя логике рассуждения, обозначенной при характеристике социальной интеграции, можно констатировать, что «межэтническая интеграция» будет обозначать соединение в одно целое национальных (этнических) отношений. В этом процессе существенным моментом является то, что «целое» — это не количественная совокупность национальных отношений, а нечто другое, качественно иное, не являющееся этническим (национальным) феноменом, представляющее собой более высокое культурное образование, которое весьма значимо для эволюции биотической и социальной составляющих индивида и общества.

Однако такое утверждение может вызвать возражения у специалистов, которые отождествляют понятие «национальность» с гражданством индивида [Тишков 2016]. В. А. Тишков настаивает, что такое отождествление — общемировая норма, к которой россияне должны стремиться. Автор справедливо отмечает, что «СССР был не тюрьмой народов, а колыбелью наций, и он их выпестовал» [Тишков 2016], и утверждает, что нация как стадия этнического развития не может трансформироваться в нечто более совершенное. Поэтому межэтническую или межнациональную интеграцию он связывает с гражданскими отношениями, гражданской нацией. Он предлагает всю совокупность граждан России независимо от их национальной или иной этнической идентификации обозначать термином «российская нация».

Активный сторонник мультикультурного общества Х. Гайслер также предлагает рассматривать нацию как высшую ступень этнического развития. Исследователь выстраивает аргументацию о возможности мирного и свободного сосуществования людей различных национальностей в условиях развитой демократии [Гайслер 2015]. Таким обра-

зом, В. Тишков и Х. Гайслер связывают решение национальных проблем и, видимо, дальнейшее развитие человечества с совершенствованием социальности. Они полагают, что в социуме как форме бытия можно достичь гармонии между этническими (национальными) образованиями путем утверждения демократии, то есть посредством изменения, улучшения социальных отношений.

Имеется и иная точка зрения на истоки российской нации. С. Василенко и А. Сидоренко с определенной долей иронии обращают внимание на мнение В. Михайлова, который является главой группы, осуществляющей экспертизу проекта закона «О российской нации». Эксперт отвергает гражданско-политическую смысловую нагрузку термина „российская нация“ и настаивает на его взаимосвязи с этническим фактором [Василенко, Сидоренко 2017]. Акцентируя внимание на этническом факторе «российской нации», автор тем самым отдает приоритет её биотической составляющей. В этом суть отличия позиции В. Михайлова от В. Тишкова и Х. Гайслера, которые настаивают на преобладании в нации социально-политических свойств. Надо заметить, что такие подходы весьма важны для раскрытия целого ряда социально-политических проблемных полей, но они имеют и уязвимые стороны.

Во-первых, соглашаясь с В. Михайловым в том, что нация имеет свои корни в биотической составляющей конкретного этнического образования, а чаще — конкретных этнических образований, хотим заметить, что в полноте ее развития преобладают социальные взаимосвязи. Нация — это пик развития этнобиотической группы (групп), поэтому она не может обрести черты, свойства другой нации.

Во-вторых, в термине «российская нация» нет необходимости, поскольку нет и не будет такой реальности. Большим и малым этническим группам, достигшим в своей эволюции национального состояния, то есть состояния нации, нет необходимости совершать метаморфоз в нацию с другим предикатом. Калмыкам, русским и всем другим представителям наций России стать единой нацией с другим названием не удастся, поскольку в биотическом образовании, прошедшем различные ступени своего развития и достигшем состояния нации, начинают доминировать социальные взаимосвязи, поэтому его дальнейшее развитие осуществляется в рамках социальных закономерностей. Соответственно нация в рамках общих закономерностей развития социальных феноменов с необходимостью будет трансформироваться в

свое другое состояние, но это будет уже не нация. Интеграция межэтническая или межнациональная является объективным процессом, поэтому ее результатом будет нечто целое, требующее своего термина, который не будет ограничиваться сменой предиката типа российская нация. Уместно напомнить, что В. В. Колесов неоднократно обращал внимание на закономерность, согласно которой термин возникает в связи с наличием вещи, феномена [Колесов 1986].

В-третьих, гражданство (гражданственность) является фактором, объединяющим всех людей России независимо от их национальности, однако его нельзя отождествлять с национальностью. Между этими двумя социальными феноменами действительно много общего, что и провоцирует исследователей на их отождествление, но есть и существенное различие. Общее состоит в том, что гражданственность и национальность становятся неотъемлемым атрибутом индивида только в условиях доминанты общественных отношений, наличия устойчивой государственной системы. Индивид не исключает из своей жизни кровно-родственные (биотические) взаимосвязи, но в силу преобладания социальных взаимосвязей он идентифицирует себя по национальному и гражданскому основанию. Индивид связывает свою кровно-родственную принадлежность не с родоплеменным образованием, а нацией, свою социально-пространственную принадлежность не с малой родиной, конкретной территорией проживания, а со всей целостностью территории государства. Общее у гражданственности и национальности проявляется также в том, что деятельность индивида и в первом, и во втором случаях направлена на благо соответственно государства, нации. Гражданин — тот, чья жизнедеятельность направлена, прежде всего, на развитие не естественно-природной общности, а общественной целостности, государства. Представитель национальной общности — тот, чья жизнедеятельность направлена, прежде всего, на развитие не родоплеменной общности, а национальной целостности государства. В мононациональном государстве гражданственность и национальность будут тождественны, но в современном мире такие социальные системы найти крайне сложно, они исключение, которое подтверждает не только правило, но и закономерности современного национального развития. Существенное различие между гражданственностью и национальностью обнаруживается:

1) понятие «гражданственность» шире, объемнее по сравнению с понятием «национальность». Люди различных национальностей мо-

гут иметь одно гражданство, то есть составлять общественную целостность, а люди одной национальности, но с различным гражданством не могут составлять общественную целостность. Выражаясь иначе, гражданство может иметь сколько угодно много национальных элементов, а национальность не может включать в себя элементы гражданства;

2) национальность имеет биотические корни и в своем эволюционном становлении является вершиной этого развития, а гражданственность имеет социальные корни и возникает как противоположность, как качественно иное по сравнению с варварством;

3) гражданство меняется по личной инициативе или в силу политических обстоятельств (жители Крыма — гражданство советское, украинское, российское), а национальность в формально-правовом плане может быть сменена по личной инициативе индивида, но вероятность смены национальности всей этнической группой крайне низка.

В-четвертых, можно допустить, что нынешние дискуссии политических практиков и теоретический дискурс научного сообщества о российской нации являются идеологическим действием, призванным нивелировать остроту национальных отношений в современной России. Люди, обладающие знанием о закономерностях развития социальных феноменов, будь то политическая система, нация, государство, класс, партия и многое другое, хорошо понимают, что все эти явления с необходимостью будут трансформироваться в совершенно иное, то есть исчезать или переходить на более высокую ступень своего развития. Переход нации в качественно иное сопряжен с целым рядом рисков и не может проходить безболезненно, поэтому идеологи пытаются нациям, утрачивающим самобытность (в условиях интеграции это свойственно всем нациям), и индивидам, утрачивающим возможность своей национальной идентификации, предложить нацию-эрзац — российская нация. Соглашаясь с необходимостью упреждения межнациональной напряженности, достаточно сложно представить, что законодательный акт или политическая декларация изменит структуру предвыборных баталий, где нация всегда используется как важный политический фактор. При наличии современных политических технологий и социальных сетей нация-эрзац может нанести ощутимый урон ныне существующему балансу национальных отношений в российском обществе, который так трудно восстанавливался после тенденций к децентрализации в 1990-е гг.

Обозначенные слабые стороны исследования, как и реализации феномена «российская нация», вовсе не означают желание оставить все без изменения. Для решения существующих проблем необходимо отказаться от абсолютизации социогностики, то есть признать методологическую ограниченность социальных подходов и использовать культурологическую методологию для выявления путей развития социально-культурных феноменов современности. В этом процессе важно понять, каковы истоки, корни конкретного феномена, чтобы определить возможность его трансформации из формы бытия социум в форму бытия культура. Так, гражданство (гражданственность), как и политика, управление, власть и многое другое, обусловлены развитием трудовой деятельности, поэтому в своей бесконечной модификации они никогда не утратят своей сущности и останутся неотъемлемым элементом социума. Гражданство не может получить своего развития в форме бытия культуры, так как оно призвано формировать преданность, патриотизм к конкретному пространству, обществу, государству, то есть формирует социальные качества индивида. Национальность же получает свое дальнейшее развитие в форме бытия культуры, поскольку у всех существующих наций заложена традиция формирования добродетели, гуманистических свойств индивида. Видимо, такая традиция была заложена еще в период доминанты биотических взаимосвязей для самосохранения кровно-родственных образований. При этом надо понимать, что одни институты, имеющие национальную атрибутивность, формируют социальные свойства индивида, а другие — человеческие свойства индивида, соответственно первые остаются необходимостью социальности, а вторые реализуют свой потенциал в культуре, способствуя развитию человечества. На ограниченность общественного прогресса, социального развития обращает внимание высший иерарх одной из мировых религий — Его Святейшество Далай-Лама. Он отмечает: «... демократия, либерализм, социализм — все великие общественные движения последней сотни с лишним лет, несмотря на множество замечательных идей, так и не смогли выработать универсальную систему ценностей, которую, по идее, должны были обеспечить» [Далай-Лама 2004: 38].

Понимая значимость политкорректности при обсуждении межнациональных вопросов, тем не менее необходимо заявить, что снятие национальных противоречий в форме бытия социума невозможно, в формах социальности эти отношения можно сбалансировать, оптими-

зировать, но устранить их можно только в форме бытия культура. Такой подход приближает нас к научной истине и повышает продуктивность поиска путей решения одной из политических проблем современности. Многообразие социально-культурных взаимосвязей имеет вполне определенную логику приоритетов и соответствующих иерархий. В каждой из форм бытия преобладают свои организационные установки и ценности. В условиях доминанты биотических отношений социальные и культурные взаимосвязи находятся на втором плане, так как основная задача этих сообществ — выживание, самосохранение. В условиях доминанты социальных отношений, биотическое и культурное отодвигается на второй план, поскольку в этих сообществах самое важное — это социальный статус, определяемый владением собственностью или обладанием власти. В условиях доминанты культурных взаимосвязей биотическое и социальное располагаются на втором плане. Индивид в формах бытия культуры не перестает быть элементом биотических и социальных взаимосвязей, но приоритетным вектором его развития становятся человеческие свойства. Человек осуществляет интеграцию, миграцию, идентификацию в координатах межличностных, человеческих взаимосвязей, а не в координатах социальных взаимосвязей, где нация, гражданство являются важным фактором интеграции и идентификации.

Надо признать, что целостность современной России определяется социальной интеграцией, а культурная интеграция способствует этой целостности, но ее количественный потенциал еще незначителен, поэтому и возникает идея о российской нации как социальном явлении. Особую сложность, своеобразное испытание интеграцией проходят мигранты. В России уделяется большое внимание переселению соотечественников, проживающих за рубежом. М. Л. Галас отмечает, что благодаря усилиям государства переселились «...в Российскую Федерацию более 500 тыс. соотечественников» [Галас 2017: 65]. Нет сомнений, что государство при принятии решения о переселении соотечественников преследовало социально-политические цели. Государство заинтересовано в увеличении численности своих граждан, но миграционный поток соотечественников возникает не только по биотическим и социальным основаниям, соотечественники хотят быть в своей культурной среде. В этом плане показателен пример интеграции жителей Крыма, которые после проживания более двух десятилетий в другой социально-политической системе вынуждены проходить пра-

вовую, политическую интеграцию и социальную адаптацию. Однако им не надо проходить культурную интеграцию, поскольку культурные связи государство (государства) прервать не может. Воссоединение Крыма с Россией — это не только грамотная военная операция, а результат единства духа, культуры. Интересно воссоединение Крыма с Россией и в другом аспекте. Количество русских, украинцев, армян, болгар, крымских татар и других национальностей, а также православных, мусульман и людей других вероисповеданий в России стало больше, они стали гражданами России, но это вовсе не показатель укрепления российской нации.

Гораздо сложнее идет интеграция в российское общество мигрантов, продолжающих осуществлять свою жизнедеятельность в парадигмах прежней социально-политической системы. Ю. О. Сулягина выделяет четыре базовые адаптационные стратегии межэтнического взаимодействия: 1) геттоизация или пассивная автаркия; 2) культурная колонизация или агрессивная автаркия; 3) ассимиляция; 4) интеграция или аккультурация). Она трактует интеграцию как наиболее продуктивную из возможных стратегий [Сулягина 2017: 138–139]. Соглашаясь в целом с выводом, хотим заметить, что автор использует понятие «культура», но из контекста статьи понятно, что исследователь ведет речь только о социальной интеграции. Наивность авторской позиции состоит в том, что исследователь рассматривает социальную интеграцию в качестве достаточного основания для устранения социального расслоения. Надо четко понимать, что государство и его институты возникают и существуют именно для установления и поддержания социального неравенства, социального расслоения вплоть до сегрегации. Для поддержания установленного порядка всегда используется идея, которую, по мнению Е. А. Матвиенко, нельзя «... побороть силовыми методами. Ей можно противопоставить только другую, более привлекательную, идею» [Матвиенко 2016: 6]. К этому следует добавить, что в социальной интеграции национальный компонент является обязательным, поэтому очень важно то, каким будет путь его дальнейшего развития. Бездарный политический субъект может национальный компонент социальной интеграции превратить в национализм, а грамотный дальновидный политик превращает его в основание культурной интеграции.

В масштабности социальной миграции и социальной интеграции не всегда заметны отдельные индивиды, которые в своей совокупно-

сти и образуют нечто целое. Надо заметить, что на федеральном и региональном уровнях управление миграционными процессами имеет положительную динамику, но следует обратить внимание на местопребывание мигрантов, которое по объективным причинам не может быть эффективно контролируемо органами обозначенных уровней власти. Дело в том, что, когда небольшая группа мигрантов, отдельный мигрант проживают на конкретной локальной территории, соответственно социальная и культурная интеграция имеет свое воплощение в реальной социокультурной среде местного сообщества.

Казалось бы, управленческие успехи в миграционной политике федерального и регионального уровней должны воодушевлять местные сообщества на участие в интеграции мигрантов. «Мигранты и принимающее сообщество, — отмечает И. С. Тарбастаева, — могут локально проживать на одной территории, но ментально и культурно практически не соприкасаться друг с другом» [Тарбастаева 2017: 166]. Такое состояние можно объяснить только отчужденностью народа от власти. В России вот уже третье десятилетие как декларируется местное самоуправление, но реальных механизмов волеизъявления народа по вопросам местного значения так и не появилось. Отсутствие реального самоуправления обусловлено не слабостью интеллектуального потенциала российских ученых и политиков, а финансово-экономическими интересами представителей власти и крупных собственников, которые не хотят терять рычаги управления и контроль за финансовыми потоками. Местное самоуправление сопряжено не только с финансово-экономическими, правовыми основами, но имеет прямое отношение к развитию человека, так как принимать самостоятельное решение о своем развитии индивид начинает только в форме бытия культуры посредством самоуправления. Местное сообщество, осуществляющее свою жизнедеятельность в формах самоуправления, является идеальным социокультурным образованием для культурной интеграции российского общества в целом и мигрантов в частности. Это объясняется тем, что для местного общества ценностью являются человеческие свойства индивида, а его социальный статус, национальная принадлежность не имеют особого значения. Местному сообществу независимо от его этнического и социально-статусного состава нет необходимости идентифицировать себя с российской нацией.

Литература

Бардаков А. И. Методология исследования миграции в социальных системах // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия Политология и социология. 2016. № 2. С. 39–43.

Василенко С., Сидоренко А. Российская нация не может определиться с «Законом о российской нации» [электронный ресурс] // URL: <http://okolokremlya.ru/content/4780> (дата обращения: 12.08.2017).

Гайслер Х. Граждане, нация, республика [электронный ресурс] // URL: <http://smartpowerjournal.ru/201015/> (дата обращения: 12.08.2017).

Галас М. Л. Современные задачи политического регулирования внешних и внутренних миграционных процессов российского государства // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. Т. 7. № 3 (27). С. 63–71.

Городецкая Н. Закон о российской нации спускают на региональный уровень [электронный ресурс] // URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3171483> (дата обращения: 12.08.2017).

Далай-Лама. Этика в новом тысячелетии / пер. с англ. М.: ООО Издательский дом «София», 2004. 336 с.

Интеграция // Словари и энциклопедии на Академике [электронный ресурс] // URL: <http://dic.academic.ru/searchall.php?SWord=%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F&from=xx&to=ru&did=&stype> (дата обращения: 12.08.2017).

Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 312 с.

Матвиенко Е. А. К вопросу об идейных истоках современного экстремизма // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия Политология и социология, 2016. № 3. С. 5–8.

Сулягина Ю. О. Адаптационные стратегии мигрантов в условиях этнокультурного разнообразия современного социума // Материалы Афанасьевских чтений. 2017. № 1 (18). С. 137–143.

Тарбастаева И. С. Роль территориального общественного самоуправления в межэтнической интеграции мигрантов // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15. № 2. С. 164–174.

Тишков В. А. То, что Россия — уникальное многонациональное государство, заблуждение [электронный ресурс] // URL: http://www.vestikavkaza.ru/material/151704?utm_source=dlvr.it&utm_medium=facebook (дата обращения: 12.08.2017).

С. Г. Батырева
(д-р искусствоведения,
ведущий научный сотрудник, КалмНЦ РАН)
DOI 10.22162/2587-6503-2017-2-2-72-75

**Этническая идентичность творческой личности:
социокультурологический анализ***

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Калмыкия в рамках научного проекта «Основные социальные идентичности населения Республики Калмыкия в 2010-е годы: факторы и ресурсы (17-46-080755а(р)).

Региональные особенности российского художественного процесса XX–XXI вв. во многом обусловлены мировоззренческими ориентирами художника, его идентичностью, сопрягаемой с психоэмоциональным состоянием общества. Изменение духовной сферы социума генерирует изменение культуры, в системе которой функционирует искусство. В этом процессе этническое самосознание творческой личности рассматривается как фактор сохранения традиционной модели мира, реализуемой в системе видов и жанров искусства. Динамику социальных ориентиров современного художника фиксируют произведения, анализируемые как выражение этничности автора. В переходных условиях развития художественной культуры им решается проблема преемственности этнических традиций в творчестве. Культура и искусство, общество и личность, этническая идентичность личности в художественном процессе — аспекты междисциплинарного социокультурологического анализа изобразительного искусства Калмыкии. Музееведческое изучение искусства в системе культуры дает возможность выстраивать современную стратегию модернизации регионов России, рассматривая культуру одним из первопринципов стабильного развития общества [Батырева 2015: 54–59].

Этническая идентичность личности формируется традициями этноса, историей культуры. Здесь надо искать истоки ментальности автора, трансформируемой в этносоциальных процессах, происходящих в искусстве. В конечном итоге изучение этничности творческой личности предполагает обращение к судьбе художественных традиций культуры.

Формулируя цель исследования, необходимо обратить внимание на самосознание творческой личности, анализируемое сквозь призму преемственности художественных традиций. Последнее возможно выявить с позиций искусствознания, социологии культуры и искусства. Актуальность комплексного исследования обусловлена социокультурными процессами, происходящими в российском обществе на рубеже XX–XXI вв. В сфере искусства находят выражение этнические и общечеловеческие духовные ценности народов России в динамике современного развития.

Идентичность творческой личности проецируема в тематическом и жанровом многообразии изобразительного искусства Калмыкии второй половины XX – начала XXI вв. Сохраняющееся традиционное начало искусства обусловлено феноменом этничности, проявляемым в переходный период развития общества. В региональных особенностях ориентиры и духовные ценности самосознания художника проявляются во взаимосвязях социальной среды и творческой деятельности. Выявление их возможно в междисциплинарном исследовании изобразительного искусства, предполагающем применение комплексной методологии изучения российской культуры рубежа XX–XXI вв.

Социокультурологический анализ многообразия видов и жанров искусства во взаимосвязях творческой деятельности предполагает количественные и качественные исследования в форме анкетных опросов, глубинных интервью с авторами произведений. В рамках исследования калмыцкого изобразительного искусства рубежа XX–XXI вв. необходимы: сбор и паспортизация исследуемого материала по видам и жанрам; сбор материала по творческим персоналиям, представляющим характерные тенденции в искусстве; параллельное проведение предварительных опросов и интервью с авторами художественных произведений. Все это предполагает обработку и систематизацию полученных результатов, написание аналитического отчета и научных статей, рассматривающих проблемы этнической идентичности творческой личности.

Социокультурологический подход имеет своим условием обобщение материала, фиксирующего качественные изменения в искусстве на рубеже тысячелетий. Характерной тенденцией в калмыцком искусстве является сохраняющаяся картина мира, синтезирующая представления о времени и пространстве [Батырева и др. 2015: 345–356]. В этом ключе предоставляется возможность выявить этнические ори-

ентации авторов в динамике перехода от советского к постмодернистскому развитию искусства. Преемственность художественных традиций одухотворяема исторической памятью, передаваемой из поколения в поколение. В сюжетно-тематической характеристике искусства особое положение занимает исторический жанр произведений живописи, скульптуры, графики, сценографии и декоративно-прикладного искусства Калмыкии. Общая картина исследования искусства, впервые предприняемого в заданном контексте, может рассматриваться основанием предварительного прогнозирования дальнейшего развития культуры национального региона, вносящего свою лепту в меняющуюся художественную картину России на рубеже веков и в начале нового тысячелетия.

Конкретным научным результатом может быть создание дифференцированного по видам, жанрам и тематической направленности электронного каталога произведений, используемого в качестве инструментария социокультурологического анализа искусства. В основу осмысления собранного материала должны быть положены современные теории этноса, этничности и этнического развития; методики реконструкции систем мировосприятия; современное понимание культуры как способа бытия человека и искусства как «образной модели» и «кода» культуры. Интегрированный анализ искусства предполагает реконструкцию картины мира сквозь призму конструирования идентичности творческой личности [Batyreva, Batyreva 2016: 6–23].

Отечественные и зарубежные исследования позволяют сделать вывод о кризисе культуры в процессе обретения новой идентичности творческой личностью в изменяющемся социуме. Поиски идентичности, будучи закономерной частью акта творчества, связаны с самоутверждением автора, являясь в то же время основой преодоления в культуре этнических границ в диалоге с другими культурами. Усвоение иных ценностей закономерно преобразуемо затем в инновации культуры, с течением времени превращающиеся в традиции этноса. Этническое самосознание личности рассматривается стабилизирующим фактором развития искусства в преемственности художественных традиций и их современной интерпретации в процессе развития [Живопись 2005; Батырева 2000].

Взаимообусловлены рассмотренные тенденции «самоактуализации» личности и в творческой деятельности. Идентичность как пред-

мет социокультурологического анализа возможно исследовать в комплексном подходе, синтезирующем методы искусствознания, философии, этносоциологии и культурологии на основе использования современных компьютерных технологий.

Литература

Батырева К. П., Батырева С. Г. Этническая картина мира как культурное наследие калмыков // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия. Сб. научных статей. Министерство культуры Российской Федерации; Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева. Южный филиал / отв. ред. И. И. Горлова. Краснодар: Изд-во Принт сервис групп, 2015. С. 345–356.

Батырева С. Г. Экспозиционные основы музейной деятельности: от мемориального кабинета к концепции Музея традиционной культуры КИГИ РАН // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 1. С. 54–59.

Батырева С. Г. Евразийское пространство скульптуры // Народы Калмыкии: перспективы социокультурного и этнического развития, сб. научных трудов. Элиста: Изд-во КалмГУ им. Б. Б. Городовикова, 2000. С. 23–27.

Живопись как знак культуры (О творческом наследии народного художника России Гарри Рокчинского). Элиста: АПП «Джангар», 2004. 252 с.

Batyreva K. P., Batyreva S. G. Figurative art and epic imagery in Kalmykia in light of the ethnic identity of the creative individual // Anthropology & Archeology of Eurasia. 2016. Т. 54. № 3. С. 6–23.

В. Л. Волгин
(канд. полит. наук,
зам. директора, Калмыцкий филиал НОУ ВО
«Московская академия экономики и права»)
DOI 10.22162/2587-6503-2017-2-2-76-80

Особенности этнической, гражданской и религиозной идентичности студентов в Калмыкии

В рамках научного проекта Института этнологии и антропологии РАН в 2014 г. в Приволжском, Северо-Кавказском, Центральном и Южном федеральных округах проводилось исследование, направленное на выявление отношения студентов образовательных организаций высшего образования к ситуации в России и проблемам, стоящим перед молодежью, социальной ориентации и деятельному потенциалу молодых людей. Использовался метод анкетирования — самостоятельного заполнения опросника респондентами. Опрос осуществлялся на основе инструментария, содержащего различные информационные блоки, в том числе идентификационный блок, отражающий, в частности, этнический, гражданский, конфессиональный векторы самоопределения и самоидентификации студенчества полиэтничных регионов.

Всего в рамках проекта было опрошено 5 537 студентов в 22-х субъектах РФ, в том числе 300 — в Калмыкии, где исследование осуществлял автор данной статьи. Опрос проводился среди студентов очной и заочной форм обучения Калмыцкого государственного университета и Калмыцкого филиала Московской академии экономики и права.

В настоящей статье излагаются некоторые результаты исследования, прямо или косвенно характеризующие специфику этнической, гражданской и религиозной идентичности студентов в Калмыкии.

Опрос показал, что подавляющее большинство студентов (90,3 %) четко определяли свою этническую принадлежность. Вместе с тем не для всех решение задачи этнической самоидентификации имело однозначное решение.

72,2 % назвали себя калмыками. В то же время, иногда делались небезынтересные уточнения. Были случаи выражения сомнения («калмык вроде»), акцентов на субэтническом аспекте («калмык (торгуд)»), на «смешанности» происхождения («калмычка (метиска)»).

14,5 % сочли себя русскими. Кроме того, двое указали применительно к себе «славянскую» национальность, еще один — «православную».

1,3 % оказались армянами, по 0,7 % — казахами и татарами, по 0,3 % (по 1 человеку) — даргинцем, тувинкой, чеченцем.

6,7 % студентов не ответили на вопрос о национальности. Исходя из опыта аналогичных исследований, можно сказать, что кто-то затруднился сделать однозначный ее выбор при двойной или множественной этнической принадлежности. Как правило, это дети от межэтнических браков, члены семей с полиэтничным составом. Для кого-то отказ от ответа оказался делом правового выбора и принципа. Так, один из студентов пояснил, что называть свою национальность он «в соответствии с Конституцией РФ не обязан», другой вообще уклонился от этнической самоидентификации, сообщив: «Я не принадлежу к какой-либо национальности».

Имелся случай осознанного выбора смешанной этногражданской идентичности, когда студент назвал себя «калмык–россиянин».

Наконец, был пример отношения к выбору этнической принадлежности как к возможности, говоря молодежным сленгом, «приколоться». Некий респондент назвал себя «узбеком», при этом также протестантом 30 лет, знающим только русский язык и первокурсником очной формы обучения в Калмыцком филиале Московской академии экономики и права. Такая смесь признаков не только крайне маловероятна сама по себе, но дело еще и в том, что автор работает в филиале МАЭП и доподлинно знает: студента с такими характеристиками там нет.

Сохраняя в подавляющем большинстве свою этническую идентичность, студенты при опросе продемонстрировали также обладание ясными гражданскими ориентирами.

Вопрос «О какой из перечисленных групп Вы можете сказать «это — мы», в какой степени вы ощущаете близость с представителями различных групп?» не ограничивал респондентов в количестве предложенных составителями анкеты ответов. Чаще всего студенты объединяли себя с членами семьи (74,1 %), а на втором месте оказался ответ «мы — граждане России» (61,6 %). Далее шли объединение с друзьями (60,3 %), товарищами по работе, учебе (35,7 %), жителями моего города, села (33 %) и другие варианты.

Гражданская идентичность уступила только семье и немного опередила круг друзей, но при этом оказалась более востребована студенческой молодежью, нежели принадлежность к своему этносу. Формулировка «мы — это люди той же национальности, что и моя национальность» получила относительно немного голосов (23,6 %), особенно если учесть, что опрос проводился в национальной республике, доля калмыков среди респондентов составила почти три четверти, а количество ответов, повторим, не ограничивалось.

Это может свидетельствовать о том, что в вопросе идентичности этнический фактор не является исключительным или преобладающим и сочетается с другими маркерами, прежде всего, — с гражданским самоощущением.

Такой вывод подтвердили и ответы на вопрос «С чем ассоциируется у Вас понятие «Родина»?». Допускалось выбрать не более трех вариантов из девяти предложенных. В результате Родину ассоциировали с Россией 63,2 % (кроме того, с историей России — 19,6 %). С Калмыкией — 62,8 % (с историей республики — еще 14,9 %).

В данном случае, как представляется, можно говорить о балансе российско-гражданского и калмыцкого этнорегионального восприятия Родины. И оно оказалось заметно популярнее по сравнению с образом своего города (31,1 %), места на карте (3,7 %).

Применительно к анализу состояния гражданской идентичности обучающихся можно также рассматривать ответы на вопрос о планируемой работе после получения студентами высшего образования (указывалось не более трех вариантов ответа). Предпочтение респондентов было отдано намерению стать государственными служащими, чиновниками — 38,9 %. Остальные варианты (работать на госпредприятии, частном предприятии, за рубежом, организовать собственное дело и другие) оказались менее востребованными. С одной стороны, в таких устремлениях молодежи есть прагматичный, карьерный и, возможно, отчасти меркантильный расчет. Но, с другой стороны, желание связать свою профессиональную деятельность со службой государству в определенной степени тоже свидетельствует об осознанном гражданском самоопределении студентов.

Самоидентификация студентов по религиозной принадлежности выявлялась на основе ответов на вопрос: «Последователями какой религии или мировоззрения Вы себя считаете?».

Поскольку большинство опрошенных были калмыки, преобладающая часть респондентов (63 %), естественно, назвала себя последователями буддизма. Заметим, однако, что количество его сторонников оказалось почти на 10 % меньше по сравнению с показателем калмыцкой этнической принадлежности, так что о полном совпадении «калмыцкости» и «буддистскости» говорить не приходится. На втором месте у калмыков оказался вариант «Верю, что Бог есть, но не являюсь последователем какой-то конфессии» (19 человек), на третьем — «Затрудняюсь ответить» (10). Были, хотя и немного, атеисты (3), православные и верящие в магию и колдовство (по 2).

Православными назвали себя 14,3 %, и это в значительной степени совпадает с численностью опрошенных русских. В то же время пятеро русских верят, что Бог есть, но не являются последователями какой-то конфессии. Двое — сторонники буддизма, двое — атеисты. Затруднился с ответом один.

Количество сторонников ислама в полной мере соотносилось с числом опрошенных представителей так называемых мусульманских народов — казахов, татар, даргинцев, чеченцев. Последователями григорианства оказались армяне.

Вариант «Верю, что Бог есть, но не являюсь последователем какой-то конфессии» выбрали в целом 9,3 %, причем исключительно калмыки и русские. 4,3 % затруднились с ответом. 3 % причислили себя к атеистам. 1,7 % склонились к версии «другое», указав, в частности, шаманизм, агностицизм. Еще 1,3 % верили в магию, колдовство.

Несмотря на то, что подавляющее большинство респондентов охотно записали себя в последователи той или иной религии (даже несколько с большей степенью определенности, нежели при указании национальности), это, на наш взгляд, не следует буквально отождествлять с религиозностью, т. е. набожностью, богомольностью студентов. Находясь в ситуации многолетнего включенного наблюдения за обучающимися и прямого общения с ними, невозможно представить, что современное студенчество в Калмыкии на 92 % (если исключить агностиков, атеистов и затруднившихся ответить) религиозно.

Кроме того, показателен факт, что анкетированные не всегда смогли грамотно написать наименование той религии, сторонниками которой они себя считают. Так, по меньшей мере, в десяти случаях слово «буддизм» было написано с одной буквой «д». Сомнительно, чтобы религиозный человек не знал, как правильно пишется название данной конфессии.

Подытоживая, отметим, что приведенные данные об этнической, гражданской, религиозной идентичности студенческой молодежи в Калмыкии, естественно, не могут исчерпывающим образом характеризовать их особенности, но являются хорошей эмпирической базой для продолжения исследований в этом направлении.

Ю. А. Дроздова
(канд. социол. наук,
Волгоградский институт управления —
филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС)
DOI 10.22162/2587-6503-2017-2-2-81-88

Региональная идентичность как ресурс адаптации и интеграции мигрантов в полиэтничном регионе*

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ» (16-13-34011).

Важным направлением современной миграционной политики в Российской Федерации является «содействие адаптации, интеграции и реинтеграции мигрантов, формирование взаимной толерантности мигрантов и местного населения» [Миграция... 2013: 33].

В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. задачами в области содействия адаптации и интеграции мигрантов, формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом являются: «... формирование у мигрантов и принимающего сообщества навыков межкультурного общения, противодействия ксенофобии, национальной и расовой нетерпимости; <...> противодействие социальной исключенности мигрантов, пространственной сегрегации и формированию этнических анклавов; <...> совершенствование взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления с общественными объединениями, содействующими адаптации и интеграции мигрантов» [Концепция... 2013].

Волгоградская область исторически является принимающим мигрантов регионом, располагаясь на пересечении торговых, транспортных путей (сухопутных, речных), обладая транзитным положением между Казахстаном, Республикой Калмыкия, Средней Азией, Северным Кавказом, Центральной Россией. Миграционные процессы, в результате которых объем миграции в регионе вырос в 3–4 раза за последние годы [Гладков 2015: 4], актуализируют исследование социальных механизмов адаптации и интеграции принимающего и при-

бывающего населения, среди которых наиболее действенным для формирования солидарной социальной среды и преодоления конфликтов (от бытовых до межнациональных), на наш взгляд, является региональная идентичность.

Региональная идентичность рассматривается нами как состояние соотнесения личности с регионом, где он проживает, региональным сообществом, определенными вторичными социальными группами (соседи, коллеги, горожане, односельчане и т. д.), где имеет устойчивые социальные взаимодействия, повседневные социальные практики. Как разновидность групповой идентичности региональная идентичность предполагает активность населения в конструировании социальной реальности и, с одной стороны, эмоциональную привязанность к месту жительства и местному сообществу, а с другой — рефлексию, основанную на знании возможностей и ограничений для реализации индивидуальных жизненных траекторий, но при этом поддержание мотивации к участию в региональных взаимодействиях и самореализации на данной территории.

При этом «присвоение», интерпретация, «конвенциализация» социального пространства, где происходят постоянные социальные взаимодействия, «пространственные социальные представления» [Moscovici 1984: 7–8], обуславливаются не столько количественными показателями (когда родился, сколько лет живет и работает в регионе, количество и интенсивность взаимодействий и т. д.), а качественными (восприятие территории как Родины, желание остаться и реализовываться на данной территории, развивать её, связывать с регионом свое будущее и будущее своих детей и т. д.). Как интерсубъективная реальность региональная идентичность придает общепринятый смысл объектам, лицам и событиям, позволяет и принимающему населению региона, и прибывшему населению (мигрантам) формировать общеразделяемые принципы, ценности, устанавливать солидарные связи и отношения между представителями различных культур и национальностей.

Волгоградская область является многонациональной: на ее территории проживают более 150 национальностей и народностей, среди них представители бывших союзных республик, автономных округов и областей, многих зарубежных стран: болгары, турки, греки, афганцы, финны, чехи, румыны и другие, численность которых в регионе невелика. По данным переписи населения (Перепись населения 2010 г:

Волгоградская область) в общей численности постоянного населения русские составляют наибольшую часть — 88,5 %, на другие национальности приходится 11,5 %: украинцев — 1,4 %, казахов — 1,8 %, армян — 1,1 %, немцев — 0,4 %, татар — 0,9 %, белорусов — 0,3 %, чеченцев — 0,4 %, азербайджанцев — 0,6 %, цыган, корейцев, узбеков — по 0,3 %, чувашей, турок, таджиков, марийцев — по 0,2 %. Остальные национальности составляют 2,9 % общей численности населения [Национальный: 2012]. Согласно современному определению, Волгоградская область является полиэтничным регионом [Молодежь... 2014: 7], а такое же многообразие народов и народностей, языков, традиций представлено только в Краснодарском крае, что свидетельствует в целом о культурном своеобразии Волгоградской области и актуализирует при сохранении этнической, социокультурной идентичности формирование региональной идентичности как ресурса адаптации и интеграции мигрантов в полиэтничном регионе.

Адаптация мигрантов как приспособление к существующим условиям, нормам и ценностям, моделям поведения является многосубъектным процессом, где основными субъектами, безусловно, являются прибывающее население (мигранты) и принимающее население, проживающее в регионе более десяти лет и имеющее устойчивую идентификацию как волгоградцы. Среди других, в том числе институциональных субъектов, можно выделить органы федеральной (региональной или муниципальной) власти региона — реципиента, принимающего мигрантов; органы федеральной (региональной или муниципальной) власти региона — донора, являющегося пунктом исхода мигрантов; СМИ, работодателей, учреждения здравоохранения, культуры и т.д. При этом, учитывая нерегулярный, сезонный характер миграции в Волгоградскую область, адаптация мигрантов является основным социальным механизмом, социальной тактикой для прибывающего населения. Иммигранты в глубинных интервью отмечали: *«Мы приезжаем в марте, готовим поля и все лето работаем здесь, а в октябре уезжаем. Заработанных денег хватает до следующей весны. <...> Буду ездить, пока будет возможность, но не хочу здесь оставаться. Дома — жена, дети взрослые, у них там есть работа, они не хотят в Россию (информант № 7, мужчина из Таджикистана, 54 года); «...Сельскохозяйственная работа же здесь. Дома как работаешь на полях, здесь так же. Это поля же здесь (улыбается). У нас тоже в Узбекистане тоже постоянно что-нибудь сажаем. И здесь тоже не так трудно, нормально. Дома сажаем,*

на рынке продаем. Оказывается, здесь тоже такая работа, поэтому сюда. Весну работаем, лето работаем, много очень. Зимой в Узбекистане будем отдыхать. Нормально здесь зарабатываем (информант № 10, мужчина из Узбекистана, 38 лет) [Отчет... 2016]. Таким образом, в Волгоградской области преобладает сезонная миграция, это подтверждают и данные официальных источников [Гладков 2015: 5].

По мнению эксперта гранта РГНФ № 16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ» Л. Л. Рыбаковского: «Трудовой иммигрант приезжает на 6 месяцев, на год максимум. Ему тут не до интеграции, ему заработать и уехать. ... Он приспособливается, немножко адаптируется в некоторых вещах, потому что это, бесспорно. Он адаптируется к условиям, в какой-то степени к законам».

Но при рассмотрении территории проживания или работы как временного состояния, на наш взгляд, именно региональная идентичность как конструируемая коммуникативная практика будет способствовать успешной адаптации прибывающего населения (сезонных мигрантов), и пока она является неосвоенным ресурсом.

Социальные взаимодействия сезонных мигрантов, также, как и при интеграции, рассматриваемой как долгосрочный социальный механизм, социальная стратегия прибывающего населения, выбирающего регион — реципиент в качестве постоянного места жительства и работы, — обладают следующими социальными характеристиками: «единство места и времени действия» [Штомпка 2005: 68]; регулируемость (нерегулируемость); единство (противоположность) целей, интересов; доверие (недоверие); уравновешенность (неуравновешенность) и т. д. И адаптации, и, тем более, интеграции присущ эффект социальной фасилитации, когда присутствие и воздействие других людей существенно влияют на характер и формы, желание взаимодействия [Майерс 1997: 356–363]. Выстраивание региональной идентичности можно рассматривать как осознанную реакцию индивида, позволяющую формировать солидарные отношения, а не конфликтные; чувство принадлежности к группе (даже временной); идентификацию с ней как состояние, отражающее внутреннюю солидарность человека с социальными, групповыми идеалами и стандартами.

В качестве примера успешной адаптации и частично интеграции может быть рассмотрена образовательная миграция, когда независимо от срока нахождения образовательного мигранта в стране или

регионе-реципиенте, формируется территориальная идентичность. Образовательная миграция в основном осуществляется молодежью, является современной тенденцией в её пространственной мобильности, что также влияет на адаптивные стратегии мигрантов. Из участвовавших в опросе иностранцев-студентов вузов Волгограда (опрос проводился в рамках реализации гранта РГНФ № 16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ», Волгоградская область, сентябрь 2016, n=150) — в вопросе по методике Ч. Кули об идентификационных соотношениях себя с определенной социальной группой, общностями 93 % респондентов выбрали среди других идентичностей региональную идентичность, соотнеся себя с жителями Волгоградской области, что подтвердило гипотезы — следствия социологического исследования о ресурсных возможностях региональной идентичности при адаптации и интеграции мигрантов, многосубъектности адаптационного и интеграционного процессов при миграции (в данном случае — органы регионального (муниципального) управления, руководство вузов, профессорско-преподавательский состав, однокурсники и т. д.)

Интеграция как долгосрочная стратегия мигрантов, по данным опроса (опрос проводился в рамках реализации гранта РГНФ № 16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ», Волгоградская область, июль – сентябрь 2016, мигранты, n=150), актуальна для 36,4 % опрошенных мигрантов, которые на вопрос: «Какие у Вас планы на дальнейшее пребывание в Волгоградской области?», выбрали вариант ответа *«хотел(а) бы остаться навсегда, на постоянное место жительства»*; 23,6 % респондентов ответили, что *«хотел(а) бы жить здесь несколько лет, а затем вернуться на свою Родину»*; 15,7 % , участвующих в опросе, — *«хотел(а) бы остаться навсегда в России, но не в Волгоградской области»*, 17,1 % респондентов выбрали вариант ответа *«буду приезжать на временные (сезонные) работы, зарабатывать деньги и уезжать домой»* и только 7,1 % опрошенных заявили, что *«больше не приеду сюда»*.

Как видим, для большинства опрошенных предпочтительной является стратегия интеграции, но на данный момент только 34,7 % прибывших в регион *«воспринимают и стараются следовать традициям и правилам коренных жителей региона»*, а 42,9 % респондентов *«стараятся сохранить свои традиции и правила»*, 4,8 % — *«не хотят соблюдать традиции и правила коренных жителей региона»*, 15,6 %

респондентов затруднились с ответом. Полученные данные свидетельствуют о противоречивых жизненных стратегиях прибывающего населения и латентной конфликтной региональной среде, которая, безусловно, нуждается в контроле, мониторинге и регулировании.

Региональная идентичность, на наш взгляд, является и управленческим ресурсом, формирование которой (через СМИ, культурно-просветительскую работу, взаимодействие власти и населения, адаптационные, интеграционные программы для мигрантов и т. д.) способно минимизировать миграционные риски, их негативные последствия и даже угрозы.

В Волгоградской области на основании проведенного авторского исследования мы выделяем следующие миграционные риски: риски в сфере экономики (занятость, «иммигрантские секторы» (следствием является фактическое недопущение коренных жителей или лиц иной национальности в эти сферы занятости); неравенство в оплате труда и ее демпингование за счет дешевой рабочей силы мигрантов и т. д.); риски в сфере политики (увеличение числа этнических иммигрантов и их неконтролируемое расселение, способствующее образованию своеобразных иммигрантских анклавов; истощение интеллектуального потенциала страны и региона; изменение социального самочувствия жителей региона); риски в сфере культуры (культурная разобщенность населения страны; перманентная отчужденность представителей различных национальностей (культурная, религиозная и другая), взаимодействующих в регионе; распространение и усиление влияния культур иммигрантов различных национальностей и снижение влияния русской культуры на все области жизни общества); риски национальной и региональной безопасности (терроризм и экстремизм); риски общесоциальные (возможность возникновения конфликтов на религиозной почве; обострения межнациональных отношений и другие) [Дроздова 2016: 103–106].

Сложность прогнозирования и управления миграционными рисками, безусловно, актуализирует их исследование и повышенное внимание к региональной идентичности. Неспособность формировать дискурс, ценности «солидарного пространства» и «солидарных связей» принимающего и прибывающего населения через конструкт региональной идентификации, что, безусловно, является долгосрочной, ресурсозатратной коммуникативной стратегией, вызывает процессы, происходящие сегодня в Западной Европе, которая уже не управляет

рисками, а решает возникшие проблемы, связанные со столкновением интересов, целей иммигрантов и принимающего населения [Коллиер 2016].

Региональная идентичность может привести к созданию практических возможностей, отвечающих интересам людей, проживающих на определенной территории, и является, на наш взгляд, важным направлением региональной миграционной политики. Региональная идентичность как система социальной коммуникации повышает уровень взаимозависимости: чем в большей мере люди воспринимают ее как постоянную характеристику жизни (география, пользование одними и теми же транспортными коммуникациями и энергоресурсами, наличие общих друзей или противников), тем сильнее чувство идентичности региона. На наш взгляд, формирование региональной идентичности позволит изменить негативное или настороженное отношение к мигрантам в принимающем обществе на справедливое, исходя из результатов их труда, вклада мигрантов в развитие региона, их желания участвовать в солидарных социальных взаимодействиях на территории проживания или работы.

Изменение восприятия и оценки региона принимающим или прибывающим населением будет зависеть от качества жизни в регионе, удовлетворенности регионом как местом жительства и работы, развития пространственных преимуществ, которыми обладает Волгоградская область в сравнении с другими российскими регионами, деятельности региональной и муниципальной властей, совершенствования законодательства, в том числе миграционного, улучшения репутации политических акторов, что является условием и важными ресурсами формирования региональной идентичности как солидаризирующего компонента в адаптации и интеграции мигрантов и основания солидарной позиции субъектов, вовлеченных в миграционные процессы.

Литература

Дмитриев А. В., Леденева В. Ю., Назарова Е. А. Миграция в Москве: модели и перспективы. М.: Альфа, 2013. 120 с.

Дроздова Ю. А. Миграционные риски в полиэтничном регионе (на примере Волгоградской области // Вестник ВолГУ. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2016. № 4. С. 100–109.

Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.). [электронный ресурс] // URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/>, свободный (дата обращения: 24.08.2017).

Майерс Д. Социальная психология (Social Psychology). СПб.: Питер Пресс, 1997. 688 с.

Гладков Е. С. Информация о миграционной ситуации на территории Волгоградской области за 2015 год. Волгоград: Архив Комитета по делам национальностей и казачества Волгоградской области, 2015. 7 с.

Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир / пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 384 с.

Молодежь в полиэтничных регионах Южного федерального округа. Экспертный доклад / ред. Тишков В. А., Коновалов В. Н., Лукичев П. Н., Степанов В. В. М. Ростов н/Д.: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. 84 с.

Национальный состав и владение языками, гражданство // Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: В 11 т. / Федеральная служба государственной статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. Т. 4. Кн. 1. 1256 с.

Отчет по полевому этапу исследования в рамках реализации гранта РГНФ 16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ». Глубинные интервью с иммигрантами. Волгоградская область, 2016, июль – сентябрь, N = 15.

Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С. М. Червонной. М.: Логос, 2005. 664 с.

Moscovici S. The Phenomenon of Social Representation // Robert M. Farr and Serge Moscovici (eds.). Social Representations. Cambridge, 1984. 412 p.

И. А. Ким
(канд. социол. наук,
г. Волгоград)

DOI 10.22162/2587-6503-2017-2-2-89-94

Процессы самоидентификации корейского населения Юга России

Современные российские корейцы — это потомки советских корейцев, депортированных в 1937 г. с российских дальневосточных территорий в Казахстан и Узбекистан. По данным последней переписи населения СССР, проведенной в 1989 г., в РСФСР проживал 107 051 кореец, из них в областях, краях и республиках, ныне объединенных в Южный и Северо-Кавказский федеральные округа, — 25 662 чел.; в Казахстане — 103 315 чел., в Узбекистане — 183 140 чел., в Таджикистане — 13 431 чел. [ВПН... 2002].

После развала СССР для бывших советских корейцев наступил новый миграционный период. Кроме спешных внутригосударственных перемещений, многим из них пришлось эмигрировать из новых центральноазиатских государств. Одним из направлений массовой миграции была Россия, а также Украина. Таким образом, для миграционной истории российских корейцев характерно разнообразие видов перемещений, в ряду которых депортация, иммиграция, реэмиграция, которые влияли на восприятие собственной идентичности, ведь, судя по наблюдениям ученых, подобные миграции требуют «трудной работы ... понимания этнических основ собственного существования» [Лебедева 1999: 192].

В постсоветское время интенсивный количественный прирост корейского населения в России происходил за счет миграционных потоков из бывших советских республик. Часть из них направилась в дальневосточные районы, часть — в южные регионы, а также ближе к столице. В общей структуре корейского населения РФ доля ЮФО (включая СКФО) к 2002 г. увеличилась до 26,3 % (39 031 чел.) [ВПН... 2002], к 2010 г. — 26,2 % (40 191 чел.) [ВПН... 2010] (табл. 1).

Таблица 1. *Корейское население южных регионов РФ*

Район	2002 г.	2010 г.
Астраханская область	2 072	2 939
Краснодарский край	3 289	3 952
Республика Адыгея	820	766
Ставропольский край	7 095	6 759
Карачаево-Черкесия	51	30
Ростовская область	11 669	11 597
Республика Дагестан	302	226
Кабардино-Балкарская Республика	4 722	4 034
Республика Калмыкия	1 049	1 342
Волгоградская область	6 066	7 044
Республика Северная Осетия-Алания	1 841	1 458
Республика Ингушетия	22	15
Чеченская Республика	33	29
Всего	39 031	40 191

Нами проводились социологические исследования проблем адаптации и идентичности мигрантов вновь образованной корейской этнической общности на юге РФ в 2006 и 2014 гг. [Ли, Ким 2007: 120–148; Ким 2014: 155–169]. Большая часть опрошенных в 2014 г. прибыла из Узбекистана (59 %), из Казахстана (9 %), Таджикистана (9 %) и Киргизии (3 %). «Всегда» или «практически всю жизнь» проживали в России 17 % респондентов. Примерно такую же миграционную структуру показал опрос 2006 г.

Данные опроса 2014 г., коррелирующие с цифрами переписей населения, показывают несколько возвратных иммиграционных волн корейцев из среднеазиатских республик: а) добровольный постепенный переезд, не имеющий массового характера, в течение нескольких десятилетий, начиная с 1950-х гг.; б) вынужденное массовое переселение из среднеазиатских республик (особенно из Узбекистана и Таджикистана) после развала СССР. Пик иммиграционной активности из Таджикистана пришелся на середину 1990-х гг. Корейцы из Узбекистана прибыли двумя большими волнами — конец 1990-х гг. и начало 2000-х гг. После 2005 г. интенсивность иммиграции значительно снизилась.

Неоднократные миграционные перемещения (насильственные, вынужденные либо добровольные) повлияли на самоидентификацию

и социально-психологическую адаптацию корейской этнической общности в целом. В нашем исследовании была поставлена задача: определить структуру и динамику развития этнической и гражданской акцентуации идентичности, согласно термину [Сикевич 2012: 23], корейских иммигрантов, проживающих в южных регионах.

Успешность позитивной этнической идентичности и адаптация в новых условиях зависят от осознания себя как равноправного члена сообщества и гражданина страны проживания. Наибольший вес среди опрошенных имела самоидентификация «я российский кореец» (48 %), включающая в себя гражданскую и этническую идентификации. На втором месте гражданская самоидентификация «я россиянин» (28 %). Самоидентификация «я кореец из СНГ» также занимает немалую долю (24 %), и ее можно обозначить как неопределенную либо как самоидентификацию из прошлого.

При выборе из пар утверждений среднестатистический кореец идентифицирует себя в большей степени как «россиянин» (58 %), чем «кореец из СНГ» (42 %); более согласен с самоидентификацией «российский кореец» (69 %), нежели «россиянин» (31 %); в большей мере как «российский кореец» (73 %) в сравнении с «корейцем из СНГ» (27 %). Российская идентичность все более актуализируется для бывших жителей Центральной Азии.

Гражданская и этническая идентичности взаимозависимы. Гражданская самоидентификация «я россиянин» (гражданин, житель России), как правило, несколько понижает уровень «этнической гордости» («горжусь своей этнической принадлежностью», 64–69 %), в сравнении с идентификацией «я российский кореец» (74–79 %) и «я кореец из стран СНГ» (74–75 %). Также среди корейцев с гражданской идентификацией «я россиянин» более высок уровень безразличия к этническому маркеру идентичности (27 %).

Более длительное устойчивое проживание на территории России создает условия для гражданской самоидентификации, снижает влияние этнического маркера идентичности и уровень конфликтного восприятия. Длительность проживания в южных регионах РФ проявилась как фактор, влияющий на выбор идентичности «я россиянин» из пары с «я кореец из СНГ» (R Пирсона = 0,125) и на выбор «я российский кореец» из пары с «я кореец из СНГ» (R Пирсона = 0,143). Выбор идентичности из пары «российский кореец» и «кореец из стран СНГ» обусловлен возрастными особенностями респондентов (R Пирсона = 0,159).

Пиковое значение (21 %) в группе «я российский кореец» принадлежит молодежи (18–29 лет). В группе «я кореец из стран СНГ» количественный максимум (52 %) составляют респонденты старше 60 лет. Возможно, пожилым людям, чьи молодые годы прошли вне пределов РФ, трудно принять новую идентичность.

Гражданская самоидентификация, в свою очередь, снижает восприятие уровня местной межнациональной конфликтности. Корейцы с идентичностью «россияне» и «российские корейцы» более позитивно оценивают взаимоотношения между приезжими корейцами и местными жителями в сравнении с «корейцами из СНГ», не вполне, вероятно, адаптированными после эмиграционного и культурного шока.

Аналогичная взаимосвязь, хотя и менее выраженная, имеется по отношению к межличностным межнациональным конфликтам, которые для «корейцев из СНГ» имеют несколько большее значение.

Для народа, в памяти которого хранятся тяжелые воспоминания о репрессиях и принудительной депортации по национальному признаку, позитивная этническая идентичность имеет большое адаптивное значение, способствуя психологической и социальной переориентации в новой стрессовой ситуации. Действительно, «... интенсивность переживания этничности не является неизменной: она возрастает или ослабевает под воздействием внешних социальных условий» [Сикевиц 2012: 31]. Собственная этническая принадлежность вызывает чувство гордости у 73 % опрошенных корейцев, не имеет особого значения для 20 % и для 3 % респондентов «создает дополнительные трудности». Отношение к собственной этничности определяют некоторые факторы духовной жизни респондентов: религиозность, интерес к этнической и семейной истории и др. Например, у верующих корейцев уровень этнической гордости выше, чем у атеистов. Христианство неправославного толка и буддизм, которых придерживаются респонденты, также являются маркером этнической гордости: 78 % неправославных христиан и 72 % буддистов выражают гордость своей национальной принадлежностью (рис. 1).

Чувство этнической гордости и активный интерес к собственным историческим корням также взаимосвязаны (рис. 2). Для корейцев очень важно знать свой *пой* (*пон*, *бон*), т. е. территорию происхождения родов (однофамильцев). Например, фамилия Ким принадлежит нескольким *понам*, среди которых просматривается некая историческая статусная конкуренция.

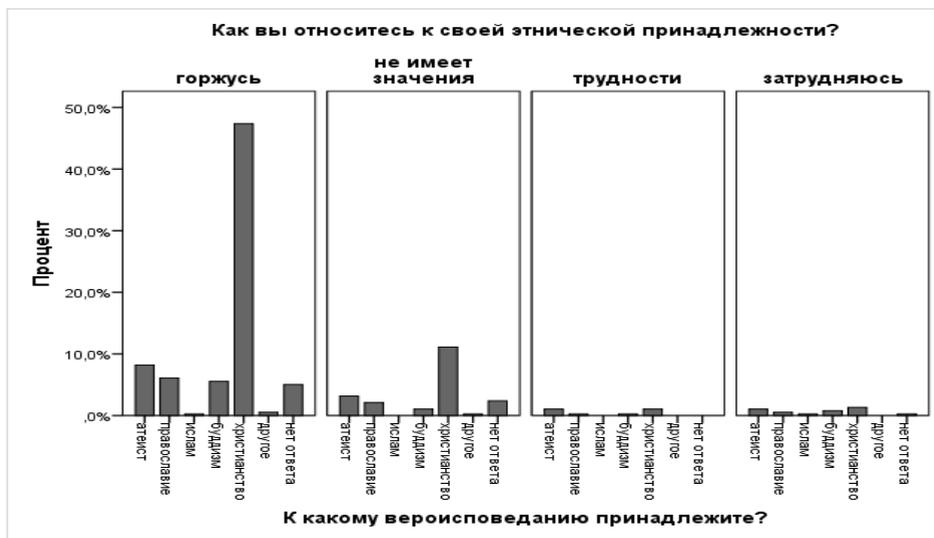

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос
«К какому вероисповеданию Вы принадлежите?»

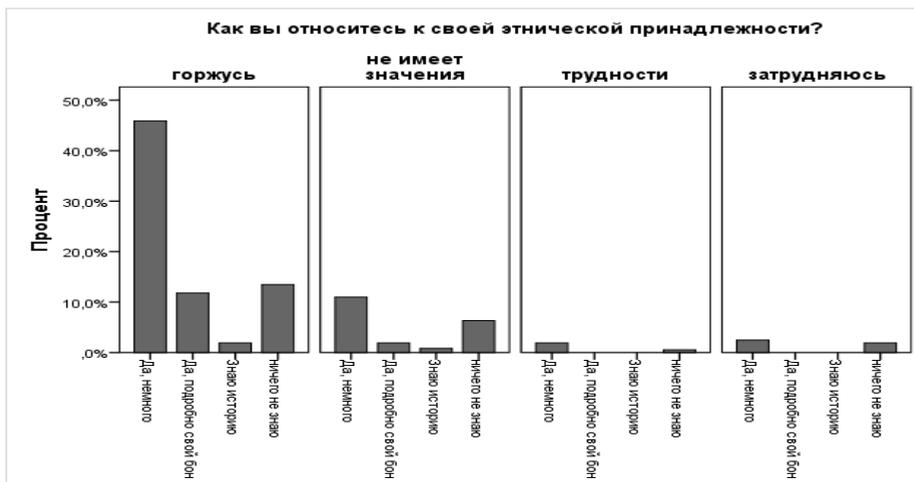

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос
«Интересуетесь ли Вы историей Вашей семьи, Вашего рода?»

Кроме того, этническая гордость больше присуща женщинам (76 %), чем мужчинам (67 %), которым их этническая принадлежность доставляет несколько больше трудностей в жизни. Низкий уровень материальной обеспеченности для части респондентов снижает основания для этнической гордости.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: а) у корейцев, проживающих в южных регионах, сохраняется позитивная этническая идентичность, по типу «нормы», что положительно влияет на взаимоотношения с местным населением; б) позитивная этническая идентичность взаимосвязана с активным интересом к собственным историческим корням (т. е. с исторической и духовной идентичностью), что позволяет определить некоторые направления этнокультурного развития корейской этнической общности на Юге России; в) активная жизненная позиция и высокий адаптивный уровень корейского населения определяются традиционными установками конфуцианства («Подчинение власти, справедливость, вежливость, разумность и верность», «Благородный муж стремится вверх, низкий человек движется вниз»), что мотивирует их на достижение высоких образовательных и экономических результатов.

Литература

Ким И. А. Исследования корейского населения Юга России: статистический и социологический анализ (2000–2014 гг.) // *The Korean Diaspora and Multicultural Societies*. Daegu. 2014. P. 155–169.

Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Изд-во «Ключ», 1999. 224 с.

Ли Хен Кын, Ким И. А. Корейское население Нижнего Поволжья (по результатам социологического опроса 2006 года) // *Корейцы в России: радикальная трансформация и пути дальнейшего развития*. М., 2007. С. 120–148.

Сикевич З. В. Этнические парадоксы и культурные конфликты в российском обществе. СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2012. 205 с.

Всероссийская перепись населения 2002. Национальный состав населения по федеральным округам [электронный ресурс] // URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus2002_02_fo.php (дата обращения: 28.02.2017).

Всероссийская перепись населения 2010. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации [электронный ресурс] // URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php (дата обращения: 28.02.2017).

А. Б. Мендяева
(канд. психол. наук,
г. Элиста)

DOI 10.22162/2587-6503-2017-2-2-95-103

О результатах исследования оснований этнической идентичности калмыков

Этническая идентичность является социальной категорией, которая оказывает существенное влияние на процессы, происходящие в современном мире. Отождествление со своей этнической группой может различаться в зависимости от условий существования группы, от множества факторов внутреннего и внешнего порядка.

На различных этапах исторического развития общества концептуальное обоснование идентификации имеет различное содержание. В первобытном обществе в основе целостности социальных организмов лежала идея общности происхождения, которая проявлялась в системе непосредственных кровно-родственных связей. Затем целостность этносоциальных организмов выражалась через идею общности предков, территориальной общности, «родной земли», общности языка и культуры, общности веры. В современном мире важным этнодифференцирующим признаком стала общность исторической судьбы. Важным признаком и определителем этноса на уровне обыденного сознания является язык. Американские психологи подходят к этой проблеме с точки зрения так называемой «теории факторов», в которой отношение человека к другим этносам и своему объясняется посредством таких факторов, как страх неудачи, ригидность, авторитаризм, отчуждение, борьба за статус, консерватизм и т. п. В этих ситуациях индивид присваивает себе новую этничность без существенного изменения в ценностных ориентациях. Таким образом происходит манипуляция своей этнической принадлежностью в особых ситуациях ради нужд самоутверждения и самозащиты. Это привело ряд исследователей к выводу, что этническая идентичность является настолько же социальным конструктом, насколько им является «индивидуальное сознание» [Бороноев, Павленко 1994: 80].

Однако не следует забывать, что еще В. С. Соловьев писал по этому поводу: «Принадлежность человека к известной народности закрепляется его собственным актом самосознания и воли. И таким образом,

народность есть внутренняя неотделимая принадлежность этого лица, то, что для него в высокой степени дорого и близко... Осознание принадлежности к определенному этносу является едва ли не наиболее константной характеристикой самосознания человека. Оно не зависит от изменения социальных ролей, социального статуса, перемены видов деятельности, проживания и т. п. Чувство расовой или национальной принадлежности является одним из элементов, наиболее глубоко корнящихся в человеческом „Я“ [Соловьев 1998: 377].

В данной статье представлены результаты анализа оснований этнической идентичности калмыков, выполненного в рамках диссертационного исследования автора [Мендяева 1997].

Исследование проведено на основе методологии теории межгрупповых отношений. По мнению Б. Ф. Поршнева, субъективная психологическая сторона всякой общности людей констатируется путем двуединого психологического явления. Нет такого «Мы», которое явно или неявно не противопоставлялось бы каким-то «Они» и обратно. Именно противопоставление своей общности другим всегда способствовало внутри общности фиксации и активному закреплению своих этнических отличий и тем самым — укреплению своей общности [Поршнева 1964].

Этнопсихология современных калмыков отчетливо коррелирует с российскими началами. В конце XVI – начале XVII вв. от основной массы ойратов, кочевавших преимущественно в степях Джунгарии, отделилась довольно значительная их часть, которая покинула родные кочевья и обосновалась в низовьях Волги. Затем этот народ добровольно вошел в состав Российского государства. Поэтому этническая идентичность калмыков определялась вхождением в состав полиэтничного Российского государства и влиянием доминантного русского этноса России.

В качестве объекта исследования выступили представители интеллигенции и студенчества Республики Калмыкия калмыцкой и русской национальностей. Объем выборки составил 336 респондентов: 153 — русской и 181 — калмыцкой национальностей. Репрезентативная выборка являлась многоступенчатой случайной, с контролем следующих параметров: пол, возраст, профессия, национальность.

В исследовании выделены следующие содержательные блоки: значимость этнической идентичности в структуре социальной идентичности, концептуальные обоснования этнической идентичности калмыков и русских.

Исследование особенностей структуры социальной идентичности калмыков и русских и место в этой структуре этнической идентичности проводилось на основе теории С. Московичи об организации сознания индивида по типу идентификационной матрицы, основу которой составляет множество социальных категорий: общечеловеческая, половая, религиозная, этническая, профессиональная и другие [Московичи 1995: 3–18]. Для определения ранжирования категорий социальной идентичности по вопросу «К кому из перечисленных ниже людей Вы себя относите, т. е. чувствуете наибольшую близость?» были предложены следующие варианты ответов: «с людьми моего поколения»; «с людьми моей профессии»; «с людьми моей национальности»; «со всеми народами нашей страны»; «с людьми, населяющими мою республику»; «с людьми моей веры».

На втором этапе изучались основания этнической идентичности и иерархия этнодифференцирующих признаков. Субъективная значимость оснований этнической идентичности определялась с помощью вопроса: «Что роднит Вас с собственной этнической группой?». Калмыкам задавался вопрос: «Прочтите внимательно и выберите несколько признаков, которые роднят Вас с калмыцким народом?»; русским: «Прочтите внимательно и выберите несколько признаков, которые роднят Вас с русским народом?». Подсчитывалась частота указанных респондентами признаков, что позволило выявить субъективную важность каждого критерия обоснования этнической принадлежности.

Степень воспринимаемой респондентами культурной близости к другой этнической группой определялась с помощью вопроса: «Что Вас роднит с соседней этнической группой?» (см. таблицу 1). Респондентам предлагалось выбрать из предложенного перечня несколько главных признаков.

Таблица 1. Ранжирование структуры социальной идентичности калмыков и русских и весомость в этой структуре этнической идентичности

Русские	Калмыки	Ранги
с людьми моего поколения	с людьми моего поколения	1
с людьми моей профессии	с людьми моей профессии	2
с людьми, населяющими мою республику	с людьми моей национальности	3
со всеми народами нашей страны	с людьми, населяющими мою республику	4

с людьми моей национальности	со всеми народами нашей страны	5
с людьми моей веры	с людьми моей веры	6

Наибольшую близость респонденты-калмыки чувствуют «с людьми моего поколения», затем — «с людьми моей профессии» и только на третьем месте — «с людьми моей национальности». На четвертом месте в групповом сознании калмыков проявляется «близость с людьми, населяющими мою республику», затем — «со всеми народами нашей страны» и последняя по рангу шла «близость с людьми моей веры».

Сравнение результатов ранжирования респондентов-калмыков с русскими показало, что для респондентов-русских также более весомыми в регуляции социального поведения являются общечеловеческая и профессиональная идентичности, на третьем месте — республиканская, четвертое заняла общероссийская. Этническая идентичность у русских оказалась менее весомой в регуляции социального поведения по сравнению с калмыками и заняла в идентификационной матрице предпоследнее место. На последнем месте на тот момент оказалась религиозная идентичность.

Итак, идентификационные матрицы социальной идентичности калмыков и русских показывают, что для представителей малого этноса (калмыков) этническая идентификация более значима, чем для представителей большого этноса (русских).

Результаты исследования (см. таблицы 2–4) концептуального обоснования этнической принадлежности показали, что калмыков роднят со своим этносом, в первую очередь, обычаи, обряды, традиции (71 %), что можно обозначить как культурно-традиционный признак, внешность (57 %) — антропологический признак, общее историческое прошлое и настоящее (57 %), язык (51 %), религия (41 %), черты характера (36 %).

Для русских респондентов значимыми в обосновании их этнической идентичности оказались следующие признаки: языковой (70 %); культурно-традиционный (обычаи, обряды, традиции) (58 %), религиозный (47 %), исторический (47 %), антропологический (46 %), территориальный (38 %), характерологический (37 %).

Таблица 2. Критерии оснований этнической идентичности у калмыков и русских

Этнодифференцирующие признаки (калмыки)	Значимость критерия (%)	Критерии этнической идентичности (русские)	Значимость критерия (%)
обычаи, обряды, традиции	71	язык	70
внешность	57	обычаи, обряды, традиции	58
общее историческое прошлое и настоящее	57	религия	47
язык	54	общее историческое прошлое и настоящее	47
общее место проживания	53	внешность	46
религия	41	общее место проживания	38
черты характера	36	черты характера	37
песни и танцы	26	литература	24
литература	23	геопространство	16
геопространство	15	песни и танцы	12

Итак, на первом месте у калмыков в концептуальном обосновании их этнической идентичности лежит культурно-традиционный признак (обычаи, обряды, традиции), т. е. тот признак, который можно отнести к глубинной психологии этноса. Это еще раз подтверждает тезис о том, что в процессе нивелирования материальной культуры этническая специфика постепенно уходит в глубинные сферы этнической психологии. Обычаи и ритуалы служат средством укрепления групповой интеграции, представляя существенный источник формирования морального и психологического единства. Далее калмыки по своему внешнему физическому облику отличаются от соседствующих с ними этносов, в силу этого степень значимости антропологического признака в обосновании их этнической идентичности больше, чем у русских респондентов (2 против 5). Несмотря на свое фактическое угасание, калмыцкий язык остается важным этнодифференцирующим признаком.

Характерологический признак (некоторые общие черты характера) у респондентов двух этнических групп также вошел в перечень значимых признаков этнической идентичности, но занял последнее

место. Данное обстоятельство примечательно. Можно говорить, видимо, о том, что характерологические качества, являющиеся признаком обобщающего уровня, участвуют в повседневной жизни не столь активно, как это иногда представляется. Научное осознание вопросов этнической идентичности еще не стало доминирующим фактором и у наиболее образованной части общества. Это говорит, на наш взгляд, о присутствии у респондентов преимущественно обыденных представлений о наличии отличительных чертах национального характера.

Таблица 3. Иерархия критериев оснований этнической идентичности у калмыков с собственной этнической группой и русской этнической группой

Что роднит с собственной группой	%	Что роднит с русской группой	%
обычаи, обряды, традиции	71	общее истор. прошлое и настоящее	57
внешность	57	язык	54
общее истор. прошлое и настоящее	57	общее место проживания	53
язык	54	черты характера	36
общее место проживания	53	песни и танцы	26
религия	41	литература	21
черты характера	36	обычаи, обряды, традиции.	21
песни и танцы	26	религия	21
литература	23	внешность	17
геопространство	15	геопространство	15

Респонденты калмыки определяют свою близость к русскому этносу по следующим признакам: языковой (57 %), территориальный (общее место проживания) (54 %), исторический (общее историческое прошлое и настоящее) (53 %), общие черты характера (36 %), песни и танцы (26 %) , литература (23 %), обычаи, обряды, традиции (21 %), религия (21 %), внешность (17 %), геопространство (15 %).

Респонденты русские так определяют то, что роднит их с калмыцким народом: общее место проживания (86 %), черты характера (51 %), геопространство (44 %), общее историческое прошлое и настоящее (24 %), обычаи, обряды, традиции (16 %), литература (13 %) песни и танцы (11 %) религия (6 %), язык (5 %), внешность (2 %).

Таблица 4. Иерархия критериев оснований этнической идентичности у русских с собственной этнической группой и калмыцкой этнической группой

Что роднит с собственной группой	%	Что роднит с калмыцкой группой	%
язык	70	общее место проживания	86
обычаи, обряды, традиции	58	черты характера	51
религия	47	геопространство	44
общее истор. прошлое и настоящее	47	общее истор. прошлое и настоящее	24
внешность	46	обычаи, обряды, традиции	16
общее место проживания	38	литература	13
черты характера	37	песни и танцы	11
литература	24	религия	6
геопространство	16	язык	11
песни и танцы	12	внешность	2

Классифицировать данные признаки можно как «внешние» (объективно обусловленные признаки близости) — территориальный, природный и как «внутренние» (субъективно обусловленные признаки близости) — исторический, культурный, характерологический. При этом с точки зрения исследования интересен факт, что респонденты двух этнических групп «роднят» себя с другим этносом по наличию общих черт характера, что говорит о достаточной степени внутренней близости двух этнических групп.

Сравнение признаков близости с собственной этнической группой и другой этнической группой показывает, что в обосновании принадлежности к собственной этнической группе лежат только внутренние признаки (психологический, исторический, культурно-традиционный, религиозный, языковой, антропологический), а близость к другой этнической группе обосновывается как внешними признаками (географический, природный), так и некоторыми внутренними, не жестко фиксированными признаками (исторический, психологический).

Обратим внимание на сам процесс этнической идентификации, который, возможно, помог бы нам прояснить противоречие между примордиалистскими и конструктивистскими теориями. Анализ использования критериев этнической идентификации со своей и другой этнической группой показывает возможность некоторой «манипуля-

ции» ими (имеются в виду культурный, психологический, исторический и языковой критерии), что говорит в пользу конструктивистских теорий.

Но есть и критерии, на наш взгляд, выступающие паттернами этничности — это антропологический и религиозный, то есть биологический, который отражает физиологию, темперамент этноса, и духовный, выражающий особенности, структуру души этноса, которые трудны для «манипуляции».

Итак, мы видим наличие интегрирующих и дифференцирующих процессов в этнической идентификации калмыков, которые сосуществуют одновременно и в нормальных условиях уравнивают друг друга. Оба эти процесса необходимы для существования и развития этнической группы в системе социальных связей и отношений. Но каждый из названных процессов выполняет свои специфические функции. Дифференцирующие процессы ответственны за создание социальной идентичности и аутентичности группы, её объективного и перцептивного отличия от любой другой, за поддержание и укрепление границ группового членства и признание этого членства в качестве лично значимой ценности.

По мнению Т. Г. Стефаненко, для формирования идентичности могут быть значимыми разные аспекты культурного «фона» [Стефаненко 2009]. Рассмотрение культурного фона калмыков приводит нас к следующим выводам. Калмыки — единственные азиаты, живущие на территории Европы в окружении этносов, четко отличных от них по расовым признакам внешности. Это служит фактором сплочения группы, естественно делает их этническую идентичность более крепкой. Калмыки живут в окружении, четко отличном от них и по культурным особенностям: русская культура и культура кавказских народов. Поэтому традиции и обычаи родного калмыцкого народа остаются для них — важным этнодифференцирующим признаком. Калмыки живут в окружении, отличном и по конфессиональной принадлежности: православная и мусульманская. Они являются единственными буддистами в Европе. Поэтому религиозная идентичность остается для них важным этнодифференцирующим фактором.

Интегрирующие процессы, напротив, призваны предохранять группу от изоляции и самоизоляции, они обеспечивают все богатство связей с другими группами, вхождение группы в более широкие социальные общности, трансляцию ценностей и норм более высокого

порядка, обмен и обогащение предметным, социальным и культурным опытом. Результаты исследования говорят о том, что калмыцкий этнос обладает этнической идентичностью по типу бикультурализма. Калмыцкий этнос имеет сильную идентификацию с русской культурой — культурой доминирующего этноса России. В то же время он имеет сильную идентификацию с калмыцкой культурой — исконной культурой этноса.

Литература

Бороноев А. О., Павленко В. Н. Этническая психология. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 168 с.

Имкенова А. Б. Этническая идентичность калмыков: Монография. Элиста: Изд-во АПП «Джангар», 1999. 91 с.

Мендяева А.Б. Этническая идентичность калмыков: дисс. ... канд. психол. наук. М.: РАГС, 1997. 187 с.

Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 1. С. 3–18.

Поршнев Б. Ф. Принципы социально-этнической психологии. М.: Наука, 1964. 892 с.

Соловьев В. С. Соч.: В 2-х томах, Т. 1. М.: Мысль, 1998. 377 с.

Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2006. 368 с.

Стефаненко Т. Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2009. № 2. С. 3–17.

В. И. Родионова, С. А. Макушенко
(д-р филос. наук, доцент ИСОиП (филиал) ДГТУ в
г. Шахты Ростовской области;
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты Ростовской области)
DOI 10.22162/2587-6503-2017-2-2-104-109

Проблемы гражданской идентичности и толерантности молодежи Ростовской области в условиях глобализации

Процессы глобализации и унификации, характерные для современного периода мирового общественного развития, затрагивают не только экономико-политическую, но и социально-культурную сферы общественной жизни, что вызывает ряд проблем, связанных с гражданской идентификацией жителей поликультурных регионов, таких, как Ростовская область.

Ростовская область имеет специфический этнонациональный состав, что обусловлено её географическим расположением: это территория, граничащая с Украиной и расположенная между европейской частью России и Северным Кавказом. Именно этот фактор детерминирует историческую полиэтничность общества в этом субъекте РФ, и полиэтничность эта на сегодняшний день представлена более 150 народностями, проживающими в Ростовской области, в числе которых русские, казаки, украинцы, армяне, турки, белорусы, азербайджанцы, чеченцы, цыгане, татары, корейцы, даргинцы [Официальный портал... 2017]. Народность — это исторически сложившаяся общность людей, которые, помимо изначальной общности территории, имеют общую культуру и ценностные ориентации. Ценностные ориентации представляют собой оценку личностью материальных и духовных благ, которые рассматриваются ею в качестве целей, предметов и средств удовлетворения потребностей и проявляются в стремлениях, жизненных стратегиях и социальном поведении личности [Родионова 2016: 217]. Ввиду этнического разнообразия Ростовская область является поликультурным сообществом, поскольку каждая народность на территории области привносит в коренную помесь русского и казачьего укладов частицу своей культуры. Важно, чтобы представители той или иной народности могли бесконфликтно проживать на одной территории, не теряя при этом свою национальную идентичность. Это достижимо путём воспитания толерантности и гражданственности, и

потому в настоящее время исследования проблем гражданской идентификации и ценностей в гражданской позиции молодых людей в данном полиэтническом сообществе являются актуальными.

Вопросами изучения влияния глобализационных процессов на гражданскую идентичность жителей Ростовской области, а также формирования ценностных ориентаций современной молодёжи заняты В. И. Родионова [2016], Ф. А. Барков [2013], М. Ш. Барбашин [2013] и другие исследователи.

Ценностные ориентации в аспекте их формирования у молодых людей имеют свою специфику, обусловленную самостоятельностью молодёжи и одновременно её зависимостью и чувствительностью к влияниям внешней среды. Формирование ценностей, в том числе гражданских, происходит под влиянием семейных взглядов на должную социальную позицию личности, воздействием педагогических методов воспитания толерантности и патриотизма, а также интериоризации взглядов сверстников, с которыми происходит значимая для молодого человека межличностная коммуникация.

Основной проблемой для молодых людей в условиях глобализации является размытость понимания ими как ценности патриотизма, так и самого понятия «патриотизм».

Общероссийский опрос Фонда «Общественное мнение» от 23 марта 2017 г. показал, что 78 % россиян относят себя к патриотам, 17 % россиян патриотами себя не считают, 34 % респондентов высказались о том, что вслух называть себя патриотом некрасиво, а 58 % не видят в этом ничего предосудительного. На заданный вопрос о том, каждому ли гражданину обязательно быть патриотом, 68 % россиян ответили, что человек волен сам выбирать, быть ли ему патриотом, и лишь 30 % дали утвердительный ответ. При этом патриотизм, по мнению современных россиян, проявляется в том числе в таких явлениях, как: «служба в армии, нежелание уезжать из России, любовь и гордость за свою страну, поддержка политического руководства страны, активная гражданская позиция, добросовестная работа, участие в митингах, благотворительность» [ФОМ «Патриотизм...» 2017].

Ю. А. Зубок, известный исследователь в области социологии молодёжи, говорит о том, что современных молодых людей можно условно разделить на две группы по признаку механизма формирования и выражения патриотических настроений. Представители первой группы считают, что родина должна предоставить им как гражданам условия

для социальной самореализации, и на этой основе испытывают к ней патриотические чувства; представители же второй группы заявляют о своём гражданском долге перед родиной, реализовав который, они в дальнейшем будут пользоваться условиями, предоставленными страной для их общественного становления. Исследователи А. В. Сериков, Ф. А. Барков и В. В. Черноус, ссылаясь на работы Ю. А. Зубок, также отмечают, что подобная неопределённость понятий патриотизма и родины особенно характерна для поликультурных регионов, в том числе и Ростовской области, поскольку трактовка молодёжью такой дефиниции как «родина» здесь также различна: молодые ростовчане склонны считать родиной страну, где родились, либо страну, в которой выросли, либо же страну, которой готовы служить, с которой чувствуют духовную связь. И поэтому в условиях глобализации рефлексивный анализ молодёжью своих гражданских позиций приводит к выводу о необходимости патриотического воспитания, разъяснения, просвещения, формирования ясных основ понимания своего места в обществе, стране и мире: «молодежь вполне востребована определенная система культурных, ценностных и даже политических координат, позволяющих им почувствовать стабильность и предсказуемость социального порядка» [Барков 2013: 60–62].

Таким образом, глобализационный процесс, несущий унификационные тенденции в культурную жизнь мирового сообщества, помимо положительных аспектов, имеет и негативные стороны, которые проявляются в отсутствии чёткого понимания молодыми людьми своих национальных и гражданских координат. Этот элемент современного общественного развития осознан в социальной среде, и им же детерминирована следующая крайность общественных настроений в полиэтничных регионах: проявление националистических позиций в их крайних формах, неприятие культур мигрантов коренным населением на фоне отличий от собственного миропонимания у разных народностей. В Ростовской области распространены межнациональные конфликты, о чём свидетельствуют как интернет-опросы на сайтах местных средств массовой информации (вопрос «У Вас были конфликты с представителями других национальностей в Ростове?» имеет 73 % положительных ответов [Блокнот... 2017], так и общероссийские исследования общественного мнения (вопрос «В том, что в Вашем городе есть приезжие из других стран, больше положительных или отрицательных сторон?» имеет относительное большинство —

37 % выборов варианта «больше отрицательных сторон») [ФОМ «Об отношении к...» 2014]. В данном случае речь идёт о реакции русского населения Ростовской области, главным образом, на поведение приезжих из Украины и Северного Кавказа, поскольку Ростовская область географически является «воротами Северного Кавказа» в европейскую часть России, наличие на её территории кавказских народностей исторически обусловлено, а ввиду событий последних лет в ближнем зарубежье приток мигрантов из Украины в Ростовскую область значительно возрос относительно численности миграционного потока прошлых лет.

Обращаясь к опросу Фонда «Общественное мнение», который был проведён в 2015 г. среди жителей Ростовской области, видим, что в связи с притоком беженцев из Украины треть респондентов отмечает негативные изменения в своей жизни. По данным этого опроса, респонденты не имели отрицательного отношения к украинцам, однако оно появилось под влиянием бюрократических элементов российского уклада. Помимо прочего, ростовчане обратили внимание на факты увольнения российских специалистов руководителями предприятий с целью выполнения директив о предоставлении рабочих мест беженцам из Украины. Также жители Ростовской области отметили усугубление проблем, связанных с трудоустройством, снижением заработной платы, увеличением очередей в учреждения дошкольного образования, ростом цен и повышением социальной напряжённости на территории области [ФОМ «Ростовская область...» 2015]. Полученные данные свидетельствуют об искусственном создании негативных настроений у коренного населения области в отношении приезжих, обусловленном неготовностью социальной системы к эффективному функционированию в экстремальных условиях, необходимостью учреждений и организаций предпринимать меры по поддержке приезжих граждан в ущерб экономическим и социальным интересам местного населения. Аналогичные аспекты упомянуты респондентами области и в отношении притока мигрантов с северокавказских территорий: ростовчане считают, что приезжие имеют некие привилегии и льготы, связанные со статусом мигрантов, которых сами ростовчане не имеют, ввиду чего русское население Ростовской области лишается неких материальных ресурсов, испытывает проблемы с трудоустройством, не имеет возможности реализовывать свою продукцию на рынках («нет мест»), вынуждено жить в криминогенной обстановке [Барбашин 2013].

Местные исследования общественных настроений [Кавполит 2014] выявили, что порядка 21 % молодых людей негативно относятся к представителям кавказских народностей, проживающим в Ростовской области. Однако большинство молодых респондентов не смогли более или менее конкретным образом сформулировать причины подобного отношения к приезжим, равно как и не было ими дано ответов на вопрос о том, какие именно народности вызывают антипатию у молодых ростовчан. Респонденты старшего возраста без труда дали обоснование своим взглядам на представителей иных культур, и притом взгляды эти оказались гораздо более терпимыми. Из этого следует предположение о том, что в Ростовской области имеет место искусственное создание стереотипа опасности и нежелательности присутствия представителей кавказской национальности в регионе, распространённость которого имеет место главным образом в молодёжных кругах ростовчан. В ходе опроса старшие респонденты высказали гораздо более высокую толерантность в позициях по отношению к представителям северокавказских народов.

Таким образом, говоря о проблемах гражданской идентичности, возникающих в условиях глобализации в полиэтничном обществе, мы можем выделить две основные: отсутствие у молодых людей чёткой гражданской позиции и отсутствие достаточных знаний о других народностях, их культурах и ценностях.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что обе эти проблемы возможно решить путём формирования представлений молодых ростовчан о своей роли в социальной жизни общества в пору становления их ценностных ориентаций, проведения просветительно-образовательных мероприятий, посвящённых воспитанию толерантного подхода современной молодёжи к представителям других народностей и культур. Становление ценностных ориентаций молодых людей происходит по каналам первичной и вторичной социализации личности, ввиду чего представляется необходимым обратить особое внимание на воспитание гражданственности и толерантности молодёжи в условиях семьи и образовательных учреждений.

Литература

Барбашин М. Ш. Трансформация гражданской идентичности в полиэтничном городе: институциональные механизмы и институциональные практики // Филологический дискурс. 2013. № 5. С. 78–84.

Барков Ф. А., Сериков А. В., Черноус В. В. Проблема национальной идентичности в условиях глобализации // Гуманитарий Юга России. 2013. № 2. С. 58–76.

Блокнот — новости Ростова-на-Дону // Межнациональные проблемы в среде Ростовской молодёжи. [электронный ресурс] // URL: <http://bloknot-rostov.ru/news/mezhnatsionalnye-problemy-v-srede-rostovskoy-molod-814136> (дата обращения: 25.03.2017).

Кавполит — Кавказская политика: аналитика, новости, блоги // Результаты социологического опроса научной группы КАВПОЛИТ в Ростове-на-Дону «Как русские относятся к кавказцам?» от 25.02.2014 года [электронный ресурс] // URL: http://kavpolit.com/articles/kak_russkie_otnosjatsja_k_kavkaztsam-940/ (дата обращения: 25.03.2017).

Официальный портал Правительства Ростовской области // Национальные отношения [электронный ресурс] // URL: <http://www.donland.ru/Socialnaya-sfera/Nacionalnye-otnosheniya/?pageid=77513> (дата обращения: 24.03.2017).

Родионова В. И., Пономарёва А. П., Пономарёв П. А. Проблемы девиантного поведения молодёжи / В. И. Родионова, // Проблемы и перспективы развития науки в России и мире. 2016. № 7. С. 216–221.

Фонд «Общественное мнение» // Результаты опроса «Патриотизм: динамика мнений» от 23.03.2017 года [электронный ресурс] // URL: <http://fom.ru/TSennosti/13261> (дата обращения: 25.03.2017).

Фонд «Общественное мнение» // Результаты опроса «Об отношении к мигрантам — внутренним и внешним» от 24.06.2014 года [электронный ресурс] // URL: <http://fom.ru/Nastroeniya/11566> (дата обращения: 24.03.2017).

Фонд «Общественное мнение» // Результаты опроса «Ростовская область: отношение к украинским беженцам» от 09.06.2015 года [электронный ресурс] // URL: <http://fom.ru/Mir/12188> (дата обращения: 24.03.2017).

Н. В. Бадмаева
(младший научный сотрудник,
КалмНЦ РАН)
DOI 10.22162/2587-6503-2017-2-2-110-118

Демографический потенциал и проблемы занятости сельского населения южно-российских регионов*

* Статья подготовлена в рамках госзадания № АААА-А17-117030910098-1 «Развитие сельских территорий Юга России: комплексный анализ социально-экономических процессов» (2017–2021).

К наиболее важным проблемам современного этапа развития сельских территорий относится проблема сельского рынка труда. Демографическая ситуация как в стране в целом, так и рассматриваемых регионах под влиянием сложных социально-экономических процессов оказывает неоднозначное влияние на формирование рынка труда в сельской местности.

В условиях необходимости социально-экономического развития южных регионов страны определенную значимость приобретает трудовой потенциал и его анализ. Трудовой потенциал представляет собой совокупную рабочую силу и совокупную общественную способность населения к труду. Особо остро стоит проблема трудового потенциала сельского населения. В настоящее время происходит количественное и качественное ухудшение трудового потенциала сельских территорий [Ильин, Коноров 2013: 10]. Современные проблемы занятости и неэффективного использования трудовых ресурсов обостряются демографическими проблемами, что вызывает снижение уровня жизни сельского населения, которое ведет к снижению его трудового потенциала.

Трудовой потенциал сельского населения южно-российских регионов формируется на фоне неблагоприятной демографической ситуации. Демографические характеристики сельского населения оказывают значительное влияние на структуризацию сельского общества и социальную характеристику сельского населения. Их изучение дает возможность установить основные тенденции в изменении численности и состава сельского населения, раскрыть социальную мобильность и адаптивность определенных слоев к современным экономическим условиям жизни.

Ф. И. Мирзабалаева и П. Р. Алиева выделили следующие факторы формирования трудового потенциала населения сельских территорий:

1) экономические — фондовооруженность предприятий сельского хозяйства, инвестиционный потенциал сельских территорий, обеспеченность и доступность финансовых ресурсов для развития малого и среднего бизнеса, численность и эффективность развития домохозяйств и самостоятельной занятости на сельскохозяйственных территориях и т. д.;

2) социальные — обеспеченность социальной инфраструктурой, состояние рынка труда, уровень оплаты труда, экономическая активность сельского населения, условия труда и т. д.;

3) демографические — миграция, продолжительность жизни, показатели смертности, структура образования и профессиональной подготовки кадров и т. д.;

4) природно-климатические — климатические особенности, географические особенности, степень освоения территории, качественное состояние земельных ресурсов, наличие природных ресурсов, плодородие почв и др.;

5) культурные — престиж аграрных специальностей, мобильность, жилищно-бытовые условия, наличие объектов культуры, организация досуга молодежи и т. д. [Мирзабалаева, Алиева 2016: 117].

Проблему формирования демографического потенциала рассмотрим в первую очередь в оценке соотношения городского и сельского населения в изучаемых регионах.

Таблица 1. Удельный вес городского и сельского населения в 2016 г. (в %)

Регионы	Удельный вес городского населения	Удельный вес сельского населения
Российская Федерация	74,1	25,9
Южный федеральный округ	62,9	37,1
Республика Адыгея	<i>сведений не имеется</i>	
Республика Калмыкия	45,2	54,8
Краснодарский край	54,3	45,7
Волгоградская область	76,6	23,4
Ростовская область	67,8	32,2

Астраханская область	66,5	33,5
Северо-Кавказский федеральный округ	49,1	50,9
Республика Дагестан	45	55
Республика Ингушетия	41,3	58,7
Кабардино-Балкарская Республика	52,2	47,8
Карачаево-Черкесская Республика	42,7	57,3
Республика Северная Осетия- Алания	64,1	35,9
Чеченская Республика	34,8	65,2
Ставропольский край	58,3	41,7

По данным, представленным в таблице, мы видим, что наименьший удельный вес сельского населения наблюдается в Волгоградской области. В Ростовской области и Ставропольском крае, Республике Северная Осетия-Алания сельское население составляет чуть более трети населения региона, а в Калмыкии, Дагестане, Ингушетии, Карачаево-Черкессии — более половины всего населения. Более 65 % населения Чеченской Республики составляют сельские жители. Следует отметить, что анализ статистической информации показал: во всех рассматриваемых регионах, кроме Республики Дагестан, удельный вес сельского населения сокращается с каждым годом за счет внутренней миграции населения, т. е. переезда сельских жителей в города. В Республике Дагестан удельный вес сельского населения растет в основном за счет высокой рождаемости (54 867 родившихся в 2015 г., естественный прирост — 38 679 чел.) [Естественное движение...].

В большинстве регионов естественный прирост городского населения превышает прирост сельского населения, кроме Республики Дагестан. В Калмыкии естественный прирост городского населения в четыре раза превышает прирост сельского населения. Это подтверждается исследованиями Б. Б. Нухаевой, отмечающей резкое сокращение рождаемости в сельской местности с 1990-х гг. [Нухаева 2007: 109].

Такая же ситуация в Ставропольском крае, где отмечается рост числа родившихся детей в городской местности, соответственно рост числа родившихся в сельской местности снижается [Буханцов 2016: 69].

В Астраханской области отмечается превышение рождаемости в сельской местности на 1,6 % [Миронова 2014: 126].

В Институте аграрных проблем РАН разработан прогноз численности и структуры сельского населения России (2020–2040 гг.), выполнено прогнозное моделирование альтернативных сценариев демографического развития села. Согласно полученным данным, численность населения трудоспособного возраста будет неуклонно убывать, и к 2040 г. российское село может потерять пятую часть трудоспособного населения. В результате сокращения численности сельского населения в трудоспособном возрасте, сужается предложение рабочей силы на аграрном рынке труда, обостряется проблема дефицита трудовых ресурсов села. Численность населения моложе трудоспособного возраста также уменьшилась. Результаты прогнозного моделирования свидетельствуют, что возможен рост сельского населения моложе трудоспособного возраста к 2020 г. Однако в последующий период неизбежно снижение его численности. Следует отметить, что сокращение численности молодежи формирует предпосылки ухудшения демографической ситуации в будущем, поскольку влияет на спад рождаемости, понижая демографический потенциал села и обуславливая его демографическое старение [Блинова 2015: 25–26].

Одной из самых серьезных проблем села является массовый миграционный отток молодежи в города, основу которого составляет молодежь в возрасте от 18 до 35 лет. Процесс принял массовый характер, имеет серьезные негативные демографические последствия, так как именно молодежь является наиболее трудоспособной и грамотной частью населения, на нее приходится три четверти рождений детей. Молодежь, как правило, имеет достаточно высокий уровень образования, стремится к повышению квалификации, продвижению по службе, чутко реагирует на неудовлетворительную организацию, условия и режим труда, бессодержательный досуг. Все это ведет к снижению уровня жизни населения, усугубляет ограниченность сферы приложения труда на селе, обостряет проблему трудоустройства, деформирует структуры занятости и ведет к росту безработицы на селе. Процесс, к сожалению, имеет нарастающий характер, и число нетрудоустроенной молодежи возрастает год от года, ослабляя профессиональный потенциал сельской экономики. Стремление жить в городах имеет глубокое социально-экономическое обоснование: уровень занятости населения, развития различных форм социальной защиты, жилищных условий в них выше, чем в сельской местности.

Рассмотрим состав безработного населения по возрастным группам.

Таблица 2. Состав безработных по возрастным группам в 2015 г.

Регион	Безработные всего в %	В том числе в возрасте, лет						Средний возраст, лет
		15–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–72	
Российская Федерация	100	4,7	35,9	23	16,8	16,8	2,8	35,7
Южный фед-ый округ	100	3,4	35,3	23,6	17,2	17,1	3,3	36,2
Республика Адыгея	100	0,8	30,1	24,7	25,6	17,9	0,9	37,5
Республика Калмыкия	100	3,3	36,2	20,3	18,1	20,1	2	36,7
Краснодарский край	100	2,4	38	23	17,4	16,1	3,1	35,9
Астраханская область	100	5,4	36,6	23,2	17,1	15	3,7	36,3
Волгоградская область	100	3,7	35,5	23,3	17,8	18	1,7	35,9
Ростовская область	100	4,2	32,5	26,4	15	17,1	4,9	36,6
Северо-Кавказский фед-ый округ	100	11,2	44,8	20,6	12,7	9,7	0,9	31,3
Республика Дагестан	100	9,4	49,8	18,8	12,5	8,9	0,5	30,8
Республика Ингушетия	100	3,7	60,1	20,1	11,2	4,8	0,1	29,5
Кабардино-Балкарская Республика	100	4,2	37,5	25,5	18	14,2	0,6	34,8
Карачаево-Черкесская Республика	100	2,6	33,6	25,7	20,4	15,8	1,9	36,5
Республика Северная Осетия-Алания	100	0,4	44,7	20,4	13,2	18,6	2,8	35,7

Чеченская Республика	100	31,5	39,5	14,9	8,8	4,3	0,9	26,8
Ставропольский край	100	5,5	38	27,2	13,2	14,5	1,6	34

Статистические данные по двум федеральным округам показывают, что в основном в республиках Северо-Кавказского федерального округа очень высокий процент безработицы среди молодежи. Это в первую очередь связано с особенностями возрастной структуры населения республик и высоким уровнем рождаемости. Особая ситуация на Северном Кавказе, где дети составляют заметную часть населения, обусловлена главным образом культурной и религиозной спецификой. В регионе преобладает мусульманское население с традиционно высокой рождаемостью, что определяет и возрастную структуру населения Северо-Кавказского федерального округа [Бухер 2016: 215].

Сельское хозяйство практически для всех регионов Юга России имеет большое значение с учетом природно-климатических условий и традиций проживающих здесь народов.

Однако и среди них Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Калмыкия, Карачаево-Черкесская Республика, Краснодарский и Ставропольский края выделяются особой ролью этого сектора экономики (во всех этих регионах в этом секторе работают более 20 % занятых).

Таблица 3. *Распределение среднегодовой численности занятых по видам экономической деятельности (сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство, рыбоводство), в %*

Российская Федерация	11,4
Южный федеральный округ	18,3
Республика Адыгея	18,4
Республика Калмыкия	26,9
Краснодарский край	20,1
Астраханская область	16,4
Волгоградская область	17,6
Ростовская область	16,6
Северо-Кавказский федеральный округ	22,8
Республика Дагестан	27,4
Республика Ингушетия	12,4
Кабардино-Балкарская Республика	22,2

Карачаево-Черкесская Республика	23,1
Республика Северная Осетия-Алания	16
Чеченская Республика	-
Ставропольский край	21,7

Анализ статистических данных показывает, что в аграрных регионах наблюдается превышение уровня безработицы сельских жителей по сравнению с городскими, что является показателем упадка аграрного сектора экономики как в самих регионах, так и стране в целом.

Таблица 4. Состав безработных по виду поселения в 2015 г. (в %)

	Городское население	Сельское население
<i>Российская Федерация</i>	66,3	33,7
<i>Южный федеральный округ</i>	56,6	43,4
Республика Адыгея	37,3	62,7
Республика Калмыкия	33,9	66,1
Краснодарский край	52	48
Астраханская область	50	50
Волгоградская область	72	28
Ростовская область	58,3	41,7
<i>Северо-Кавказский федеральный округ</i>	42	58
Республика Дагестан	44,2	55,8
Республика Ингушетия	35,2	64,8
Кабардино-Балкарская Республика	56,4	43,6
Карачаево-Черкесская Республика	36	64
Республика Северная Осетия-Алания	52,7	47,3
Чеченская Республика	34,2	65,8
Ставропольский край	44,8	55,2

В данном случае ситуация осложняется еще и тем, что из всей численности безработных в большинстве регионов значительную часть составляют жители сельской местности, однако больше всего вакансий заявляются в городах регионов. В высшей степени это положение обусловлено структурным и территориальным дисбалансом спроса и предложения рабочей силы. Все перечисленное, безусловно, является сдерживающим фактором для экономического роста.

Следующая проблема, влияющая на рынок труда в сельской местности, региональные рынки труда в целом — разбалансированность системы подготовки кадров и потребностей экономики субъектов округов, которая приводит к воспроизводству специалистов, как правило, с высшим гуманитарным образованием [Мирзабалаева 2016: 185].

Исследование экономистов Ставропольского края демонстрирует тот факт, что прием абитуриентов в высшие учебные заведения отвечает запросам населения, однако совсем никак не условиям экономики. Приблизительно 80 % институтов края осваивают гуманитарные, социальные науки, профессии в областях экономики и управления. В Ставропольском крае отмечается их избыток, в то время как экономика Ставропольского края ощущает нехватку в рабочих кадрах, особенно в возделывающих производствах [Малинина, Немцова 2016: 169].

Таким образом, в рассматриваемом макрорегионе отмечается, как и в целом по стране, что демографическая ситуация под влиянием сложных социально-экономических процессов оказывает неоднозначное влияние на формирование рынка труда в сельской местности. Кроме того, устойчивые тенденции к сокращению сельского населения мотивированы высокой миграционной активностью. Все указанные проблемы препятствуют формированию демографической и трудовых ресурсной базы сельских территорий.

Литература

Буханцов С. А. Анализ показателей рождаемости и смертности в Ставропольском крае за 2012–2016 года // Новая наука: современное состояние и пути развития. 2016. № 12–1. С. 68–70.

Блинова Т. В. Социально-демографические вызовы развития сельских территорий России // Островские чтения. 2015. № 1. С. 23–32.

Бухер С. Современные тенденции старения населения России // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 3. С. 215–223.

Ильин А. Е., Конорев А. М. Трудовой потенциал аграрного сектора Курской области // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2013. № 5 С.10–12.

Естественное движение населения в Республике Дагестан [Электронный ресурс] // URL: <http://dagstat.gks.ru/> (дата обращения: 14.08.2017).

Малинина Е. Ю., Немцова Е. С. Безработица и ее проблемы в регионах Российской Федерации // Экономика и социум. 2016. № 12-2 (31). С. 167–170.

Мирзабалаева Ф. И., Алиева П. Р. Факторы формирования трудового потенциала населения сельских территорий // Вестник Тверского государственного университета. Серия: экономика и управление. 2016. № 4. С. 117–123.

Мирзабалаева Ф. И. Ключевые проблемы рынка труда Северо-Кавказского федерального округа // Подъем экономики регионов — стратегический приоритет для России. Мат-лы IV Междунар. науч. конф. М.: Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, 2016. С. 176–186.

Миронова Ю. Г. Региональные особенности современной демографической ситуации на примере Астраханской области // Развитие региона как социальной системы: социально-экономические индикаторы и показатели. Волгоград: Волгоградск. науч. изд-во, 2014. 299 с.

Нухаева Б. Б. Анализ рождаемости в городских поселениях и сельской местности Республики Калмыкия (1992–2005 гг.) // Вестник института комплексных исследований аридных территорий. 2007. № 2. Том 2. С. 104–110.

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016 г [электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_14p/Main.htm (дата обращения: 14.08.2017).

Т. И. Барсукова, В. Ю. Максимов
(д-р социол. наук, проф.
Северо-Кавказский федеральный ун-т;
канд. юрид. наук, доцент, филиал
ФГБОУ ВО «Московский технологический ун-т»
DOI 10.22162/2587-6503-2017-2-2-119-126

Социальный потенциал администрации муниципального образования и пути его реализации

Рассмотрение современного состояния и тенденций в развитии сельских территорий показало, что они имеют мощный природный, демографический, экономический и историко-культурный потенциал, полное, рациональное и эффективное использование которого позволяет наращивать темпы по обеспечению высокого уровня и качества жизни сельских жителей, развивать народнохозяйственные отрасли села, поддерживать их устойчивость, полную занятость населения. Сельские территории как социально-территориальные подсистемы социума выполняют ряд значимых функций: производственную, демографическую, трудоресурсную, жилищную, пространственно-коммуникационную, функцию социального контроля сельской территории.

Нами было проведено исследование проблем в деятельности администрации муниципального образования Новоянкульского сельсовета Андроповского района Ставропольского края и выявлены пути реализации потенциала местного самоуправления для решения задач жизнеобеспечения членов местного сообщества.

Территорию поселения Новоянкульского сельсовета составляют исторически сложившиеся земли населенных пунктов — поселков Новый Янкуль, Нижний Янкуль, Верхний Янкуль, Овражный, а также прилегающие к ним земли общего пользования, территории традиционного природопользования, рекреационные земли, земли для развития поселения. Администрация поселения является исполнительно-распорядительным органом местного самоуправления Новоянкульского сельсовета, наделенным положениями устава рядом полномочий для решения вопросов, имеющих местное значение, и государственными полномочиями для решения отдельных вопросов, имеющих государ-

ственное значение. Эти полномочия переданы местному самоуправлению положениями федеральных законов и законов Ставрополья.

Выявление основных проблем в деятельности администрации муниципального образования Новоянкульского сельсовета Андроповского района Ставропольского края осуществлялось на основе анализа документов, в первую очередь, различных отчетов, и они дали возможность выявить следующие проблемы:

1) проблема обеспечения жильем молодых семей, стоящих на учете, нуждающихся в улучшении жилищных условий, и детей, оставшихся без попечения родителей;

2) недостаточная организация сбора и утилизации твердых бытовых отходов;

3) большая задолженность граждан по уплате налогов на землю и имущество;

4) нарушение со стороны населения требований к содержанию домашнего скота и птицы, их осмотру и вакцинации;

5) нарушения правил выпаса скота;

6) невысокий уровень работы с неблагополучными семьями, проживающими на территории поселения;

7) задолженность со стороны населения за коммунальные услуги;

8) слабая обеспеченность первичных мер пожарной безопасности в границах населенных пунктов поселения;

9) неразвитость инфраструктуры досуга и культуры жителей поселения;

10) неразвитость инфраструктуры спортсооружений для занятий всех жителей села физической культурой и спортом;

11) незаконный оборот алкогольной продукции (торговля спиртными напитками сомнительного качества на дому);

12) недостаточный контроль за поведением несовершеннолетних и несоблюдение мер ответственности за их пребывание в вечернее время в общественных местах;

13) несоответствие помещения почтовой связи современным требованиям;

14) недостаточный уровень благоустройства поселения;

15) недостаточное количество средств на ремонт муниципального жилья;

16) слабое уличное освещение.

Ряд проблем был выявлен из документов, отражающих пожелания жителей поселения, высказанных ими на собраниях граждан:

- 1) проблема восстановления круглосуточного режима работы Янкульской больницы;
- 2) отсутствие ремонта социально значимых объектов, в частности, зданий аптеки и больницы;
- 3) отсутствие элементов принудительного снижения скорости транспортных средств как одной из мер регулирования дорожного движения («лежачих полицейских» на дороге краевого значения);
- 4) отсутствие ремонта дороги районного значения;
- 5) загрязнение кюветов районной дороги;
- 6) недостаточное транспортное снабжение внутри поселения и с г. Невинномысском;
- 7) необходимость привлечения районной «Службы спасения» к спилу деревьев, угрожающих жилым домам одиноких престарелых граждан;
- 8) невыполнение сроков проведения на территории Янкульского сельсовета оптоволокну для обеспечения бесперебойной интернет-связью.

Проблемы, обнаруженные в ходе анализа планов и сопоставления с отчетами по их выполнению:

- 1) при планировании допускается дисбаланс между поставленными целями и ресурсами;
- 2) не уделяется должного внимания глубокому анализу возникающих проблемных ситуаций.

Проблемы, выявленные при изучении программ развития отдельных сфер жизни муниципального образования (отмечены те, которые не дублируют указанные ранее):

- 1) недостаточная эффективность основных направлений работы по организации досуга детей и подростков;
- 2) отсутствие инновационных форм организации досуга населения или малый процент охвата ими населения;
- 3) высокая заболеваемость населения;
- 4) недостаточная развитость личных подсобных хозяйств.

Далее нами был составлен каталог, состоящий из 30 проблем, которые необходимо решить администрации муниципального образования Новоянкульского сельсовета в процессе осуществления деятельности по жизнеобеспечению населения. Дальнейшая процедура

анализа представляла собой действия по объединению проблем в более крупные блоки. В результате из 30 проблем было сформировано 12 проблем, препятствующих эффективной реализации задач по жизнеобеспечению муниципального образования и решению вопросов местного значения (табл. 1).

Таблица 1. *Каталог укрупненных проблем в деятельности администрации муниципального образования Новоянкульского сельсовета*

Наименование проблемы
Недостаточный уровень благоустройства муниципального образования.
Неразвитость инфраструктуры досуга и культуры жителей поселения, спортооружений для занятий всех жителей села физической культурой и спортом.
Неразвитость личных подсобных хозяйств.
Проблема обеспечения жильем молодых семей, стоящих на учете, нуждающихся в улучшении жилищных условий, и детей, оставшихся без попечения родителей.
Администрацией при планировании мероприятий по развитию муниципального образования допускается дисбаланс между поставленными целями и ресурсами.
Нарушение со стороны населения требований к содержанию домашнего скота и птицы, их осмотру и вакцинации.
Администрацией не уделяется должного внимания глубокому анализу возникающих проблемных ситуаций.
Большая задолженность граждан по уплате налогов на землю, имущество и за потребленные электроэнергию, газ, воду.
Невысокая эффективность мероприятий по привлечению молодых специалистов в поселение (врачей, учителей, работников культуры, муниципальных служащих).
Невысокий уровень работы с неблагополучными семьями, проживающими на территории поселения и недостаточный контроль за поведением несовершеннолетних.
Низкий уровень качества жизни населения.
Проблема ремонта и режима работы социально значимых объектов (больницы, аптеки, почты и др.) и муниципального жилья.

Для разработки предложений по совершенствованию деятельности администрации муниципального образования Новоянкульского сельсовета нами была составлена матрица парных сравнений проблем в деятельности администрации, так как установление и измерение от-

ношений причинности и предшествования между проблемами каталога укрупненных проблем обычно осуществляется на основании данного метода. На основе матрицы парных сравнений было произведено ранжирование укрупненных проблем в деятельности администрации муниципального образования Новоянкульского сельсовета. Из всего перечня проблем, в первую очередь, выделена основная проблема «Низкий уровень качества жизни населения».

Качество жизни оценивается как система показателей, характеризующих степень реализации жизненных стратегий людей, удовлетворения их жизненных потребностей. Программное улучшение качества жизни рассматривается как социальный проект, направленный на увеличение возможностей людей решать свои проблемы, добиваться личного успеха и индивидуального счастья.

Важнейшей составляющей качества жизни является уровень жизни населения. Уровень жизни населения выражает удовлетворение материальных и культурных потребностей личности, обеспеченность потребительскими благами, которые характеризуются количественными показателями, абстрагированными от их качественного значения. Это размер оплаты труда, доход, объем потребления благ и услуг, уровень потребления продовольственных и промышленных товаров, продолжительность рабочего и свободного времени, жилищные условия, уровень образования, здравоохранения, культуры и т. д. Одним из основных структурных компонентов качества жизни населения выступает образ жизни [Климкина 2009: 14].

Выделив основную проблему в деятельности администрации муниципального образования Новоянкульского сельсовета («низкий уровень качества жизни населения»), мы перешли к построению графа проблем. Метод графа проблем применяется для определения приоритетных проблем в технологии принятия управленческих решений. В результате получается граф, который отражает причинно-следственные связи, идущие снизу вверх или иногда по горизонтали, если эти проблемы взаимообусловлены. Проблема, оказавшаяся внизу графа, считается корневой, та, которая находится на самой вершине, — результирующей, а между ними располагаются узловые проблемы. Полученный граф отражает взаимосвязь выявленных проблем. Линии между проблемами показывают причинно-следственные связи, которые определяют рациональную последовательность решения проблем. Решение проблем вышестоящих уровней приводит к решению проблем ниже-

стоящих уровней. Метод графа проблем позволяет выявить наиболее проблемные области деятельности организации и тем самым сформулировать рекомендации по совершенствованию ее функционирования.

На основании экспертного опроса нами были сформулированы следующие пути решения проблем в деятельности администрации муниципального образования Новоянкульского сельсовета:

1) в сфере принятия управленческих решений: осуществление качественного анализа возникающих проблемных ситуаций с приглашением экспертов; планирование программ по развитию отдельных сфер муниципального образования на основе строгого учета имеющихся ресурсов;

2) в сфере трудовой занятости населения муниципального образования: повышение эффективности мероприятий по привлечению молодых специалистов в поселение (врачей, учителей, работников культуры, муниципальных служащих); повышение эффективности мероприятий по развитию личных подсобных хозяйств; соблюдение населением требований к содержанию домашнего скота и птицы, их осмотру и вакцинации;

3) в сфере вопросов жизнеобеспечения: обеспечение жильем молодых семей, стоящих на учете, нуждающихся в улучшении жилищных условий, обеспечение жильем детей, оставшихся без попечения родителей;

4) развитие инфраструктуры муниципального образования: повышение уровня благоустройства муниципального образования; развитие инфраструктуры досуга и культуры жителей поселения; развитие инфраструктуры для занятий всех жителей села физической культурой и спортом;

5) решение проблемы задолженности граждан по уплате налогов: на землю, имущество, платы за потребленные электроэнергию, газ, воду;

б) в сфере работы с семьей, детьми, подростками: повышение уровня работы с неблагополучными семьями, проживающими на территории поселения; повышение эффективности контроля за поведением несовершеннолетних.

Результирующей проблемой, то есть выступающей следствием ряда причин, является низкий уровень качества жизни населения. Для ее решения необходимо разрешить те проблемы, которые в совокупности ее порождают. В процессе разработки стратегии по развитию

поселения администрацией муниципального образования Новоянкульского сельсовета главной целью является глубокий анализ возникающих проблем жизнеобеспечения муниципального образования и принятие обоснованных управленческих решений на основе учета всех видов ресурсов, которые могут быть использованы при их реализации.

Отметив пути решения проблем в деятельности администрации муниципального образования Новоянкульского сельсовета, необходимо было определиться с первостепенными задачами, решение которых приведет к видимому улучшению качества жизни населения муниципального образования:

1) участие в отраслевых районных, краевых программах, российских и международных грантах по развитию и укреплению отраслей социальной инфраструктуры, образования, здравоохранения, культуры, физкультуры и спорта;

2) содействие предпринимательской инициативе по развитию отраслей социальной инфраструктуры и всяческое ее поощрение (развитие и увеличение объемов платных услуг, предоставляемых учреждениями образования, здравоохранения, культуры, спорта на территории поселения);

3) развитие личного подворья граждан как источника доходов населения;

4) привлечение льготных кредитов из краевого бюджета на развитие личных подсобных хозяйств;

5) введение в практику льготной оплаты за воду гражданам, имеющим крупный рогатый скот, сдающим молоко;

6) помощь населению в реализации мяса с личных подсобных хозяйств;

7) поддержка предпринимателей, осуществляющих закупку продукции с личных подсобных хозяйств на выгодных для населения условиях;

8) содействие в привлечении молодых специалистов в поселение (врачей, учителей, работников культуры, муниципальных служащих) посредством помощи членам их семей в устройстве на работу;

9) помощь молодым специалистам в решении вопросов по приобретению ими жилья через районные, краевые и федеральные программы, направленные на строительство приобретения жилья, помощь в получении кредитов, в том числе, ипотечных на жилье;

10) содействие в обеспечении социальной поддержки слабо защищенным слоям населения через консультирование, помощь в получении субсидий, пособий различных льготных выплат;

11) содействие в привлечении бюджетных средств, спонсорской помощи для поддержания одиноких пенсионеров, инвалидов, многодетных семей (заготовка твердого топлива, пиломатериалов для ремонта жилья, проведение ремонта жилья, лечение в учреждениях здравоохранения, льготное санаторно-курортное лечение);

12) привлечение средств из краевого и федерального бюджетов на укрепление жилищно-коммунальной сферы, на восстановление водопроводов, ремонт и строительство жилья;

13) содействие развитию систем телефонной и сотовой связи, охват сотовой связью удаленных и труднодоступных поселков поселения;

14) проведение уличного освещения, что обеспечит устойчивое энергоснабжение поселения;

15) привлечение средств из краевого и федерального бюджетов на строительство и ремонт внутрипоселковых дорог;

16) привлечение средств из бюджетов различных уровней для благоустройства поселков;

17) формирование современного привлекательного имиджа поселения;

Решение данных задач позволит:

1) повысить качество жизни жителей муниципального образования Новоянкульского сельсовета;

2) привлечь население поселения к непосредственному участию в реализации решений, направленных на улучшение качества жизни;

3) повысить степень социального согласия, укрепить авторитет органов местного самоуправления.

Переход к управлению сельским поселением через интересы благосостояния населения, интересы экономической стабильности и безопасности, наполненные конкретным содержанием и выраженные в форме программных мероприятий, позволит обеспечить социально-экономическое развитие как отдельных сельских поселений, так и муниципального образования в целом.

Литература

Климкина Л. В. Инвестирование социальной сферы муниципальных образований: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 2009. 25 с.

Г. С. Денисова
(д-р социол. наук, профессор,
Институт международных отношений
Южного федерального университета)
DOI 10.22162/2587-6503-2017-2-2-127-135

**Государственно-общественное партнерство в сфере
регулирования мелкотоварных форм сельскохозяйственного
производства — механизм снижения межэтнической
напряженности в восточных районах Ростовской области***

* Статья подготовлена в рамках проекта Госзадания № 28.4498.2017/РНЦ.

Экономическая специализация территории Ростовской области определяется ее ландшафтно-географическими и климатическими условиями. Географы выделяют на территории Ростовской области три зональных типа ландшафтов: степной, сухостепной и полупустынный, границы между которыми определяются по среднегодовой сумме осадков и степени увлажненности. Географической особенностью Ростовской области является субмеридиальная смена зональных типов ландшафтов. Территория области как бы разделена осью на две части — степную, с умеренной влажностью, и сухостепную, засушливую, переходящую на юго-востоке в полупустынную [Хрусталеv 2002: 178]. Климатические и ландшафтные условия отражаются на хозяйственной деятельности, плотности населения и качестве жизни. На основании этих характеристик условно можно выделить три хозяйственные зоны: промышленно-аграрную западную часть, аграрно-зерноводческую центральную часть и аграрно-овцеводческую восточную часть.

Восточные территории Ростовской области (Заветинский, Зимовниковский, Дубовский, Ремонтненский, Пролетарский районы) являются территориями межэтнических контактов: здесь в непосредственном соседстве проживает русское старожильческое население и выходцы из Чечни и Дагестана, проживающие компактными общинами. Данные переписей 1989 и 2010 гг. фиксируют увеличение северокавказских общин в межпереписной период примерно на 40–50 % в каждом районе. Например, в Дубовском районе это число увеличилось с 2 206 до 3 251 чел., что теперь составляет 14,1 % населения района в целом. В соседнем Ремонтненском районе численность этих

групп увеличилась за указанный период с 2 405 до 3 147 чел., и теперь они составляют 16,4 % населения района. Такая же динамика в Заветинском, Орловском, Зимовниковском районах. Быстрый рост этнических общин вызвал проблему адаптации переселенцев к старожильческому населению, что нашло выражение, в том числе и в бытовых конфликтах. Чаще всего они проявлялись в молодежной среде. Но периодически в эти конфликты вовлекалось взрослое население, и они приобретали характер межгруппового противостояния [Хоперская, Харьченко 2005: 178].

Стабилизация политической ситуации в России с начала XXI столетия отразилась на снижении межэтнической напряженности в южных регионах в целом (в том числе в Ростовской области), смещение этноконфликтов с регионального на локальный уровень [Авксентьев и др. 2007: 17–18]. В период с 2013 г. в регионах Южного федерального округа повсеместно прослеживается перемещение конфликтного потенциала из сферы межэтнических отношений в социально-экономическую сферу. Эта тенденция обнажила скрытый экономический потенциал в межэтнической напряженности, которая фиксировалась в сельских восточных районах Ростовской области. Опросы населения этих районов, которые проводились в 1990-е гг. и в 2000-е гг., показывали обычно, что респонденты этих районов, не зависимо от этнической принадлежности, в качестве источников межэтнических конфликтов указывали различие ценностей и несовместимость норм и правил поведения в быту, которые свойственны разным этническим группам [Денисова, Клименко 2011: 72–91]. Опросы последних нескольких лет показывают, что на первый план выдвигаются экономические причины [Общественное мнение 2016: 25–26]. Особенно наглядно они проявляются в сельских поселениях, жители которых повседневно находятся в непосредственном контакте. Глубинные интервью с жителями и с экспертами свидетельствуют о том, что основным предметом конфликтных взаимодействий является слабая эффективность правоприменительных практик, регулирующих земельные отношения. Этот тезис требует своего пояснения.

Создание в России юридической базы для регулирования земельных отношений открыло возможности продажи зерна за пределами России и вызвало изменение структуры сельскохозяйственного производства, что непосредственно отразилось на характере межэтнических отношений.

В восточных районах Ростовской области, за последние полвека сложилось этническое разделение труда: пастбищным животноводством преимущественно занимались выходцы из Северо-Кавказских республик — из Дагестана и Чечни. Переориентация сельскохозяйственного производства в новых условиях на зерноводство вызвала не только изменения в структуре занятости, но и перевод пастбищ в пахотные земли (часто — не официально). На этом основании возникла проблема потрав пашни. Для регулирования земельных отношений Администрацией Ростовской области было принято специальное Постановление, определяющее нормы нагрузки животных на единицу площади в зависимости от природно-сельскохозяйственных зон области [Постановление 2013]. Законодатель исходил из предположения, что потравы совершает скот из-за недостатка площади земельного участка, которым располагает владелец стада. Поэтому к административной ответственности за потравы пашни может быть привлечен лишь собственник или арендатор земельного участка, используемого для пастбищного выпаса.

Но большинство граждан (практически все они выходцы из Дагестана и Чечни), проживающие на животноводческих точках, ведут свое хозяйство в форме личного подсобного хозяйства (ЛПХ) и земельных участков сельскохозяйственного назначения не имеют совсем. При этом правовой базы, обязывающей владельца животных приобрести в собственность или аренду землю под выпас скота для владельцев ЛПХ не существует. А потому к владельцам домашнего скота, осуществляющего потраву, невозможно применить принятое Постановление.

При этом возникают еще сложности: во-первых, даже при желании владельцев ЛПХ взять землю в аренду для выпаса скота часто это оказывается невозможным, так как во многих муниципальных образованиях отсутствуют земельные ресурсы, которые можно передать в собственность или аренду; во-вторых, даже в ситуации фиксации переизбытка скота в ЛПХ хозяина трудно обязать к его сдаче, так как существует проблема скотобоев.

Поэтому сложилась ситуация, когда основное большинство овцеводческих ЛПХ в восточных районах Ростовской области, ориентированы на прибыль, как и крестьянско-фермерские хозяйства; поголовье отар этих ЛПХ соответствует крестьянско-фермерским хозяйствам, но официальные пастбищные земли для этих отар в районах либо отсутствуют, либо в дефиците. Собственники личных подсобных хо-

зайств скрывают реальную численность поголовья. Они отказываются предоставлять скот для пересчета и соответствующие юридические документы на земли сельскохозяйственного назначения; не впускают специалистов на территорию животноводческой «точки». Однако имеющийся скот трудно скрыть. Кроме потрав на животноводческих «точках», в населенных пунктах переизбыток скота обнаруживается в публичном пространстве — на улицах, на площадях около официальных зданий (школ, поликлиник, клубов), что проявляется в нарушении экологии и санитарных норм. Приведем суждения респондентов, которые фиксируются при опросах населения: *«Потому что они не пасут своих коров, а выгоняют — и они ходят по улицам, на огородах... везде».* (Заветинский р-н, х. Фомин). *«... Свой скот пасут на полях, и там, где нельзя, штрафы платят, но все без толку, все равно выпустят, например, у клуба (Мартыновский р-н, сл. Большая Мартыновка)».* *«... Я уже сколько раз ругался с ..., из-за того, что они в выходные дни, когда сельсовет не работает, своих овец не выгоняют за хутор, а пасут прямо в хуторе. Они уже все розы поели возле сельсовета (Мартыновский р-н, сл. Большая Мартыновка)».* *«Своих пастбищ не хватает, чужие прихватывают. Администрация реагирует вяло».* (Ремонтненский р-н, п. Привольный). *«Все начинается на бытовом уровне, пастбища не хватает, все вытаптывается, в селе нельзя держать много, на точке можно. С этого начинается вражда. Захват чужих пастбищ».* (Ремонтненский р-н, с. Первомайское). *«Живем на окраине, делим пастбища, вот и вражда».* (Ремонтненский р-н, с. Первомайское)» [Общественное мнение... 2016: 22]. Эта ситуация характерна не только для полиэтничных районов Ростовской области, но и для районов межэтнического контакта Ставропольского края. Муниципалитеты вынуждены принимать специальные постановления, регулирующие пребывание домашнего скота в населенных пунктах, в которых подробно прописаны общеизвестные бытовые правила (в частности, о необходимости и формах учета скота, условиях его содержания; о дистанцировании скота от жилых строений, деревьев, кустарников; о запрете на нахождение скота за пределами подворья, загрязнения навозом дворов и окружающей территории и др.) [Постановление от 28 июля 2016 г.]. Однако в подобных постановлениях не указываются санкции за нарушение этих правил.

В свою очередь, у правоохранительных органов отсутствует достаточное количество вакансий участковых уполномоченных для контро-

ля за соблюдением землепользования или правил содержания скота. Кроме того, у специалистов контрольных органов за соблюдением норм выпаса, предусмотренных принятым Постановлением Правительства Ростовской области, нет возможности разделить скот по половозрастным признакам, отделить его для временного отстоя и выяснения обстоятельств правонарушений. Без сбора всего комплекса необходимых документов невозможно установить состав правонарушения и привлечь нарушителя к административной ответственности. Тем самым, принятых законодателями Ростовской области юридических норм оказывается недостаточно для регулирования сложившейся ситуации.

Ситуация с ЛПХ находится в фокусе внимания Правительства Ростовской области. На базе Пролетарского района районными органами власти совместно с МВД России по Пролетарскому району, государственной ветеринарной и другими службами, включенными в межведомственную комиссию, был проведен мониторинг животноводческих «точек». Цель мониторинга — полный анализ имеющегося поголовья животных, содержащихся на животноводческих точках; их обеспеченности кормами; выявление владельцев животноводческих точек, не имеющих соответственно оформленных документов на строения, предназначенные для содержания животных, а также анализ данных по имеющимся пастбищным угодьям и нагрузкам на одну голову животных. Проверка обнаружила нарушения, а также нехватку пастбищных угодий; проблемы, вызванные сложностью выделения пастбищных земель из состава пашни [Вестник Приманычья... 2016]. В мае 2016 г. на зональном совещании по вопросам обеспечения межэтнического согласия в юго-восточных территориях Ростовской области обсуждалась необходимость в связи с этим корректировки законодательства о личном подсобном хозяйстве. По мнению главы Пролетарского муниципалитета, С. Д. Гончара, существует ряд проблем, характерных для многих территорий, которые порождают конфликтные ситуации. Во-первых, нет четкого определения понятий личного подсобного хозяйства (ЛПХ) и крестьянско-фермерского хозяйства (КФХ), не регламентируются критерии количества сельскохозяйственных животных в ЛПХ, где производство мяса животных порой достигает практически промышленного уровня. Следовательно, ЛПХ приобретает форму КФХ и должно быть зарегистрировано в установленном порядке в налоговых органах. Эта проблема требует законодательного

разрешения. Во-вторых, с 2014 г. сотрудники органов внутренних дел не имеют полномочия по составлению протоколов об административных правонарушениях указанного Постановления № 55. И эта ситуация осложняет контроль за численностью ЛПХ на отдаленных животноводческих точках, удаленных хозяйствах [Межэтнические отношения... 2016: 90]. Необходимость регулирования поголовья скота в ЛПХ в зависимости от наличия земель для выпаса поднималась и на Ставрополье, восточные районы которой также столкнулись с описанной ситуацией. Это свидетельствует об актуальности данной проблемы для районов аридной зоны, которые стали территорией межэтнического контакта старожильческого населения и северо-кавказских народов.

Отсутствие наказуемости за правонарушения, которые воспроизводятся в повседневных практиках жителей, определяется населением как вседозволенность для лиц, которые их допускают. Сложившаяся этническая система разделения труда в сельскохозяйственной деятельности на Востоке Ростовской области автоматически переводит возмущение по проблемам землепользования в этническую коннотацию.

Другая не менее острая проблема, которая вызывает социальную напряженность на почве межэтнических отношений, сохранение межгрупповых границ и «капсулирование» диаспор. В современных экономических условиях этому содействует отсутствие государственных предприятий, которые привлекали к совместной деятельности жителей разных национальностей. Сегодняшняя экономическая деятельность организуется на основе семейно-родственных отношений, что препятствует расширению межэтнических контактов, преодолению этнических стереотипов и фобий. Организация ежегодных культурных фестивалей, которые поддерживаются региональными властями, не решает проблемы преодоления этнических границ, так как подготовка к этим праздникам также проводится внутри диаспор.

Рассматриваемые вопросы показывают, что в последнее десятилетие, несмотря на стабилизацию в экономических и политических отношениях, сохраняются социокультурные риски консервирования конфликтности на почве межэтнических отношений. Их преодоление требует развития практик социального партнерства государства и институтов гражданского общества, т. е. поощрения самоорганизации сельских жителей и привлечение их к сфере регулирования социальных взаимодействий.

В сельских поселениях значимым институтом гражданского общества могут стать ассоциации фермерских хозяйств, развитие фермерского движения. Такой организацией федерального уровня в России является АККОР. Функционирование этой организации на региональном уровне имеет разную эффективность: например, в Краснодарском крае она оказывает заметное влияние на решение проблем развития фермерского движения. В Ставропольском крае благодаря Ассоциации фермеров было заторможено действие принятого краевой Думой закона, направленного на монополизацию земли в руках крупных земельных холдингов [Ивершинь 2016]. В Ростовской области, по экспертной оценке, эта организация занималась больше проблемами федерального уровня (рук. А. Родин). В настоящее время возникла еще одна организация — Ассоциация фермеров Дона (рук. В. Бандурин). В планах у новой организации — «максимально расширять влияние аграриев на госполитику в регионе (и даже в стране) — посредством публичного (в том числе в нулевых чтениях) аудита принимаемых законопроектов, продвижения фермеров в районные собрания депутатов и областное законодательное собрание, выстраивания диалога с Минсельхозом и другими ведомствами. И это не считая юридического и технологического консультирования, попыток кооперироваться в земельных вопросах, помощи с оформлением господдержки» [Сазонов 2017]. В связи с изменением системы господдержки и введением новой схемы субсидирования кредитов роль АККОР значительно возрастет, так как списки фермеров-получателей льготных кредитов будут заверяться в региональных организациях. Министр сельского хозяйства России А. Ткачев отметил, что «это единственная полноценная ассоциация, связанная с малым бизнесом, — и минсельхоз намерен на нее опираться» [Комментарий...].

Аналитики, отслеживающие развитие институтов гражданского общества в России, отмечают эффективность государственно-гражданского партнерства: «Есть много таких общественных площадок сегодня, где не просто общественность обсуждает, что власть приняла или решила, но где общественность предлагает решения сама и проводит их в жизнь. Такое сегодня возможно, пусть не везде, но в каких-то сферах это есть» [Гражданское общество...]. Есть хорошие примеры, когда общественные организации «привлекаются не просто как эксперты, а являются непосредственно разработчиками проектов решений, когда именно представители общества и бизнеса выступа-

ют генераторами принятия решений, а органы власти сопровождают, моделируют, облекают в правильную оболочку и т. д.» [Гражданское общество...]. Можно предположить, что ассоциации фермеров, которые являются не государственными организациями, могут выступить в роли эффективного медиатора в разрешении назревшей проблемы регулирования количества домашнего скота в зависимости от обеспечения его выпаса. Пока обсуждения таких инициатив, выдвигаемых представителями региональных законодательных собраний, в медиапространстве часто интерпретируется как стремление «задушить» ЛПХ. Ассоциации фермеров, стремясь разрешать аграрные проблемы в диалоге, способны отстаивать свои интересы не только перед властью, но также и во взаимодействии с другими акторами экономических отношений. Возможный диалог региональных ассоциаций фермеров с владельцами ЛПХ открывает также и перспективу совместных действий, разрушающих межэтнические границы и сложившиеся межэтнические стереотипы.

Главная задача стратегии национальной политики на уровне муниципалитетов — поиск реальных механизмов достижения интеграции и снятия групповых межэтнических границ посредством синхронизации деятельности всех официальных институтов социализации (предприятия, образование, религия, спортивные организации) и поддержания правопорядка. Тем самым разрешение спорных вопросов в регулировании экономической деятельности ЛПХ (которые в реальности носят товарный характер), на основе вовлечения в публичный диалог и сотрудничество всех заинтересованных сторон, позволит перевести вопросы межэтнических взаимодействий с уровня политических деклараций на уровень решения конкретных хозяйственно-бытовых, образовательных и организационных вопросов, провоцирующих обострение межэтнических отношений.

Литература

Авксентьев В. Д., Гриценко Г. Д., Дмитриев В. В. Региональная конфликтология. Экспертное мнение. М.: Альфа-М, 2007. 208 с.

Вестник Приманьчья (Пролетарск). 19.05.2016. № 020-020. С. 1–2.

Гражданское общество может стать как фактором сдерживания авторитаризма, так и фактором не впадения в революцию. Резюме круглого стола на ОГФ [электронный ресурс] // URL: www.civil-forum.ru/news/grazhdanskoe-obshchestvo-mozhet-stat-kak-faktorom-sderzhivaniya-avtoritarizma-tak-i-faktorom-ne-vpad.html (дата обращения: 5.08.2017).

Денисова Г. С., Клименко Л. В. Этнокультурный механизм конструирования конфликтности в полиэтничных районах Ростовской области. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2011. С. 72–91.

Ивершинь А. В. Ставрополье тысяча фермеров выступила против нового закона об аренде сельхозземель // Комсомольская правда. 15.12.2016 [электронный ресурс] // URL: <https://www.stav.kp.ru/daily/26620.4/3637788/> (дата обращения: 10.08.2017).

Комментарий. XXVIII съезд АККОР [электронный ресурс] // URL: <http://kvedomosti.ru/news/kommentarij-xxviii-sezd-akkor-a-tkachev-dorogie-ministry-utixomirte-ambicii.html> (дата обращения: 08.08.2017).

Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Южном федеральном округе. Экспертный доклад (по состоянию на первое полугодие 2016 года) / Под общ. ред. акад. В. А. Тишкова. Ростов н/Д.: Изд-во Фонд науки и образования, 2016. 114 с.

Общественное мнение о состоянии межнациональных отношений в Ростовской области в 2016 г. — Аналитический отчет. ВЦИОМ, Филиал ЮФУ. По заказу Правительства Ростовской области. ГК. № 240. 2016. С. 25–26.

Постановление № 55 «Об установлении нормативов нагрузки сельскохозяйственных животных на единицу площади пастбища на территории Ростовской области» от 07.02.2013 г [электронный ресурс] // URL: rsn-rostov.ru/upload/iblock/33a/55_normi.pdf (дата обращения: 02.09.2017).

Постановление от 28 июля 2016 г № 161-п «Об утверждении Правил содержания сельскохозяйственных животных в личных подсобных хозяйствах, крестьянских (фермерских) хозяйствах, индивидуальными предпринимателями на территории муниципального образования Подкумского сельсовета Предгорного района Ставропольского края» [электронный ресурс] // URL: <http://подкумскийсельсовет.рф/?p=507> (дата обращения: 15.05.2017).

Саонов Т. На Дону по факту две фермерские ассоциации. Свежая кровь или политический вес - кто победит? // Крестьянин. 31.05.2017 [электронный ресурс] // URL: <http://www.agrobook.ru/blog/user/timur-sazonov/nadonu-po-faktu-dve-fermerskie-associacii-svezhaya-krov-ili-politicheskiy> (дата обращения: 10.08.2017).

Хоперская Л. Л., Харьченко В. А. Локальные межэтнические конфликты на Юге России: 2000-2005 гг. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2005. 164 с.

Хрусталева Ю. П., Смагина Т. А. и др. Природа, хозяйство и экология Ростовской области. Батайск: Батайск. кн. изд-во, 2002. 446 с.

Н. Л. Курепина
(д-р экон. наук, профессор,
директор Калмыцкого филиала НОУ ВО
«Московская академия экономики и права»)
DOI 10.22162/2587-6503-2017-2-2-136-141

О некоторых проблемах формирования устойчивого развития региональных социо-эколого-экономических систем

Осуществление устойчивого развития страны, сохранение территориальной целостности и суверенитета государства, создание механизмов сокращения уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации путем сбалансированного территориального развития является одним из направлений обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, определенной Стратегией национальной безопасности [Указ Президента... 2009].

Впервые термин «устойчивое развитие» был использован в докладе «Наше будущее» Всемирной комиссии по охране и развитию окружающей среды в 1987 г. [Наше общее будущее... 1989].

Термин «сельское развитие» получил распространение сравнительно недавно, а последнее время больше трактуется как устойчивое развитие сельских территорий. Существуют различные подходы к концепции устойчивого развития сельских территорий. Можно выделить следующие: отраслевая, территориальная, перераспределительная [Мантини 2010: 16–21].

В центр отраслевой модели ставится усиление конкурентоспособности производственных структур, такая модель осуществлялась на протяжении длительного времени, сельскохозяйственные предприятия являлись селообразующими предприятиями и поддерживали социальную сферу села. Переплетение в сельском хозяйстве экономических и социально-демографических процессов, а точнее, «селообразующая» роль большинства сельскохозяйственных товаропроизводителей способствовала тому, что они несли дополнительные издержки, непосредственно не связанные с производством сельскохозяйственной продукции. Сельские территории рассматривались как совокупность ресурсов для сельского хозяйства и как территория для развития производственных структур.

Территориальная модель рассматривает сельскую территорию во всей совокупности и не рассматривает аграрный сектор в качестве единственного и основного сектора сельского развития.

Перераспределительная модель рассматривает сельские территории по преимуществу как районы слаборазвитые в силу неблагоприятных природных и социально-экономических факторов, и поэтому эти районы требуют особого внимания со стороны государства.

С переходом к рыночным отношениям, развитием фермерства, распадом крупных сельскохозяйственных предприятий, появлением множества личных подсобных хозяйств отраслевая модель развития сельских территорий не способствует устойчивому развитию сельских территорий.

Для экологически неблагополучных субъектов таких, как Республика Калмыкия, устойчивое развитие сельских территорий это не только решение экономико-социальных проблем, но и сохранение устойчивости природных систем, способность их адаптироваться, то есть сохранение социальной стабильности. Экономический подход подразумевает оптимальное и экономное использование ресурсов.

Поэтому мы считаем, что рассмотрение сельских территорий как социо-эколого-экономических территориальных систем, способных противодействовать антропогенной перегрузке и разрушению ландшафта, наиболее применимо к таким сельским территориям, как Калмыкия [Баутин 2006: 67].

Необходимо переосмыслить отдельные понятия и термины и рассматривать сельские территории как социо-эколого-экономические системы, а организацию сельскохозяйственного производства как комплекс мероприятий по освоению территории, исходя из рационального использования природных, материальных и трудовых ресурсов, с учетом решения экономических, экологических и социальных задач, не превышая емкости экосистем и самовосстановительного потенциала агроэкосистем [Курепина 2009: 76].

Рассматривая сельскую территорию как социо-эколого-экономическую систему, предлагаем выделить основные параметры:

- *сельская территория как базис для проживания сельского населения и осуществления жизненных потребностей*, посредством которых живет соответствующая человеческая общность;

- *организационно-производственная структура*, обеспечивающая развитие производства на данной территории и при данной совокупности населения;

- *эколого-хозяйственный баланс территории*, то есть устойчивое стабильное развитие сельского хозяйства с применением сохраняющих природную среду интенсивных, экологически безопасных технологий.

Такой подход позволит уйти от отраслевой модели и перейти к территориальной, а для экологически неблагополучных территорий — к перераспределительной.

Показательной для перераспределительной модели является роль выплат, позволяющих компенсировать воздействие неблагоприятных природных и социально-экономических факторов.

Подход к сельскому развитию как развитию наиболее отсталых регионов был рассмотрен Европейской Комиссией в программе «Будущее развитие сельского мира», где за деградацию принималась ситуация, при которой имели место низкие доходы на душу населения, уход с земли и старение населения [Мантини 2010].

Наиболее негативные последствия реформ проявились в резком спаде производства продукции, катастрофическом финансово-экономическом состоянии товаропроизводителей, социальном обнищании сельского населения, демографических проблемах и др.

Анализ социально-экономического состояния сельских территорий Калмыкии позволил сделать вывод, что для сельских территорий, которые занимают более 70 % площади республики и на которых проживает более половины населения, характерны все признаки деградации. Это и низкие доходы, высокая доля населения с доходами ниже прожиточного уровня, а также демографические проблемы: уменьшение численности сельского населения и его старение.

Численность сельского населения в Калмыкии за последние пятнадцать лет уменьшилась на 26,5 тыс. чел. и составила в 2015 г. 85,3 % к уровню 2000 г. (табл. 1)

Таблица 1. *Демографические показатели Калмыкии*
[Источник: Калмыкия в цифрах... 2016]

	2000	2005	2010	2015	2016	2016 в % к 2000
Население всего	308,3	293,1	289,6	280,5	278,7	90,4
в т.ч. сельское	180,5	164,1	161,9	154,0	152,7	84,6
% к общей численности	58,6	56,0	55,9	54,9	—	—

Всего занято в экономике	117,4	115,5	114,0	111,3	—	94,8
В т.ч. в сельском хозяйстве	33,0	30,5	28,2	28,4	—	86,1
% к общей численности, занятых в экономике	28,1	26,4	24,7	25,4	—	—

Возросла демографическая нагрузка, доля населения пенсионного возраста выросла с 17 % в 2000 г. до 23,1 % в 2015 г.

В последние годы отмечается позитивная тенденция — рост заработной платы и выравнивание его уровня со среднереспубликанским. Так, в 2000 г. среднемесячная заработная плата работников сельского хозяйства в сравнении со среднереспубликанским уровнем составляла 49,3 %, то в 2014 г. она незначительно выросла — до 53,0 %, однако уровень данного показателя остается низким по сравнению со среднероссийскими показателями (табл. 2).

Таблица 2. Социально-экономические показатели Республики Калмыкия
[Источник: Калмыкия в цифрах 2016]

Показатели	2000	2005	2010	2015
Среднемесячная заработная плата, руб. — РФ	2 223	8 555	20 952	29 792
Среднемесячная заработная плата, руб. — РК	1 220	4 495	11 601	20 109
В т.ч. сельское хозяйство	601	2 041	6 897	10 666
В % к среднероссийскому уровню	27,0	23,9	32,9	35,8
В % к среднереспубликанскому уровню	49,3	45,4	59,5	53,0

Низкая оплата труда — главная причина бедности на селе. Уровень бедности превосходит этот показатель по городскому населению. В последние годы по мере стабилизации и роста экономики бедность в России стала отступать, но этот процесс идет медленно, особенно в сельской местности.

Ситуация, сложившаяся в республике, подводит к тому, что отмечается устойчивый отрицательный миграционный баланс, являющийся доминантным фактором депопуляции населения Калмыкии, тенденцией крайне неблагоприятной с этнокультурной и экономической точек зрения. За последние пятнадцать лет отмечается миграционная убыль населения, в 2010 г. — 2 203 чел., 2011 г. — 3 484 чел., 2012 г. — 3 947 чел., 2013 г. — 3 440 чел., 2014 г. — 2 639 чел., 2015 г. — 2 879 чел.

В 2015 г. высокая миграционная убыль наблюдалась в районах: Сарпинском — 230 чел., Целинном — 251 чел., Яшкульском — 227 чел. В целом по сельским территориям Калмыкии — 1 797 чел. [Калмыкия в цифрах... 2016].

Для республики проблема снижения демографического потенциала сельских территорий грозит, прежде всего, потерей значительной доли активного трудоспособного населения, оттоком высококвалифицированных специалистов из села, снижением экономического потенциала. Для государства в целом это еще и проблема обезлюдивания сельских территорий, потеря генофонда, необходимого для воспроизводства народонаселения страны.

Сельское хозяйство во всех странах отнесено к стратегическим приоритетным отраслям экономики, и поэтому государство принимает активное участие в развитии сельских территорий.

В настоящее время в большинстве развитых стран действуют разнообразные проекты и программы для сельской местности, направленные на поддержку стабильной экономической и социальной ситуации в сельском хозяйстве, поддержание рентабельности отрасли и обеспечение продовольственной безопасности.

В рамках концепции «Устойчивое развитие сельской местности» во многих странах Западной Европы были осуществлены проекты комплексного развития сельской местности, финансируемые Европейским союзом, Всемирным Банком, региональными банками развития и др.

Вопросы развития и интеграции сельских территорий актуальны как для развитых, так и для развивающихся стран и стран с переходной экономикой.

К основным направлениям структурной перестройки аграрной экономики в европейских странах относятся:

- совершенствование земельных отношений;
- диверсификация сельскохозяйственного производства;
- рыночная интеграция предприятий малого и среднего бизнеса;
- ориентирование и субсидирование сельхозпроизводителей на выпуск высококачественной и экологической продукции;
- проведение мероприятий по охране окружающей среды и ведение сельского хозяйства в соответствии с природными особенностями региона;
- стабилизация и развитие социальной сферы на селе;

- институциональные преобразования, содействующие развитию местной сельской экономической системы.

Мировой опыт свидетельствует о том, что в силу многих причин сельское хозяйство как специфическая отрасль экономики рыночного типа объективно нуждается в особой финансовой и организационной господдержке. Особенно это актуально для экологически неблагополучных территорий, истощительное аграрное природопользование, в которых может привести к социо-эколого-экономическим последствиям.

Литература

Баутин В. М. Проблемы устойчивого развития сельского хозяйства и сельских территорий. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2006. 310 с.

Калмыкия в цифрах: Краткий статистический сборник. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия. Элиста: Калмыкиятат, 2016. 153 с.

Курепина Н. Л., Богзыков Ю. С. Социально-экономический кризис сельской местности // Экономист. 2009. № 6. С. 74–80.

Мантини Ф. Политика, институты и действующие лица на местах с 1970-х годов до наших дней : пер. с ит. / пер. И. Храмова. Рим: Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, 2010. 272 с.

Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). М.: Прогресс, 1989. 372 с.

Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. N 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета, Федеральный выпуск № 4912 (88). 19 мая 2009 г.

Научный журнал

**Бюллетень
Калмыцкого научного центра РАН**

Вып. 2

Компьютерная верстка *Д. В. Татнинов*

Подписано в печать 06.09.2017. Формат 70x100/16.

Усл.печ.л. 11,5. Тираж 300 экз. Заказ 11-17.

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Отпечатано в КалмНЦ РАН.

Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8